

Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса
//Издание редакции журнала «Былое», типо-литография «Энергия», СПб,
1907
FB2: jurgennt, MMVII, version 1.0
UUID: 895034f9-7616-102a-a8ad-57733dd578d6
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Александрович Морозов

Откровение в грозе и буре

В настоящей книге Николая Морозова (1854—1946) основным является астрономическое вычисление времени возникновения Апокалипсиса.

Книга содержит 62 рисунка работы художников Э. Э. Лиснера и Я. Г. Билита, снимки с древних астрономических карт Пулковской обсерватории и вклейку «Старинные Астролого-Астрономические карты неба».

Содержание

Предисловие к 1-му изданию	0009
Предисловие ко 2-му изданию	0011
Часть I Пролог	0014
Глава I Несколько слов о прошлых мировоззрениях и о трудности их понимания для современного человека	0014
Глава II Кое-что об астрологии и таинственных знамениях на небесном своде	0021
Глава III Кое-что о типических формах, принимаемых облаками во время осенних гроз	0033
Глава IV Первая встреча с Апокалипсисом	0048
Часть II Откровение в грозе и буре и в четырёх ударах патмосского землетрясения 30 сентября 395 года	0057
Карта, представляющая положение звёзд над островом Патмосом около 5 часов вечера, 30 сентября 395 юл. года, и объяснение к ней	0057
Глава I Гневный лик солнца в облаке, предвестник грозы	0060
Глава IV Картина звёздного неба за покровом дневной лазури	0065
Глава V Облачко-барашек пролетает по небу.	

Гимн звёзд созвездию Овна	0070
Глава VI Положение планет среди созвездий Зодиака во время грозы 30 сентября 395 года	0074
Глава VII Картина мёртвого затишья перед надвигающейся грозой после первых резких и коротких порывов урагана	0080
Глава VIII Первые ливни грозы с громом и молниями	0084
Глава IX Картина взволнованного грозой моря	0087
Глава X Первая мимолётная радуга. Буря бросает Иоанну кусок горькой коры	0092
Глава XI Море выбрасывает Иоанну тростниковый стебель. Картина борьбы двух чаек с ураганом. Появление новой радуги	0095
Глава XII Картина Солнца в созвездии Девы. Новая борьба туч	0100
Глава XIII Дальнейшее описание чудовищной тучи с семью головами и другой, двурогой тучи, священнодействующей перед нею .	0106
Глава XIV Восхождение созвездия Овна. Восторженное ожидание тихой звёздной ночи после грозы и землетрясения. Кровавая полоса вечерней зари	0112
Глава XV Первые крупные звёзды появляются на восточной потемневшей части неба . .	0118
Глава XVI Семь коротких дождевых ливней из	

тучек, спутниц грозы, пролетевших во время вечерней зари	0121
Глава XVII Облачный силуэт женщины с чашей на багряном фоне догорающей вечерней зари	0126
Глава XVIII Ночной метеор и плач всех царей и торговцев земных о гибели великой твердыни «Врата господни»	0131
Глава XIX Ночные грёзы Иоанна	0136
Глава XX Предутренние мечты Иоанна	0141
Глава XXI Утро нового дня. Иоанн измеряет тростью, выброшенной ему морем, величину вселенной	0146
Глава XXII Заключение	0152
Часть III Когда написано «Откровение в грозе и буре»? Определение времени по заключающимся в нём самом астрономическим указаниям.	0156
I. О том, как можно определить простыми астрономическими способами точное время составления Апокалипсиса	0156
II. Простой способ определения времени, когда была написана рассматриваемая нами книга, и несколько простых способов проверить это определение	0163
III. Другие астрономические способы, которыми получается та же самая дата для времени возникновения Апокалипсиса и	

подтверждается предыдущее вычисление
0176

IV. Заключение 0190

Часть IV Характеристика византийской жизни
конца IV века и послания автора Апокалипсиса к
семи малоазиатским собраниям верных . . . 0196

I. Главные фракции христианского мира к
концу четвёртого века 0196

II. Послания Иоанна к семи малоазиатским
собраниям его единомышленников,
вставленные посредине «Откровения в грозе и
буре» (главы II и III Апокалипсиса) 0219

III. Нравы византийского духовенства в конце
IV века 0229

Часть V Личность автора «Откровения в грозе
и буре». Иоанн Златоуст как революционер и
демагог 0236

Главнейшие источники 0236

I. Основные требования, которым должен
удовлетворять автор «Откровения в грозе и
буре» 0237

II. Легенды о детстве Иоанна Антиохийского и
его молодости до появления «Откровения»
0240

III. Насильственное поставление Иоанна на
константинопольскую кафедру после
появления «Откровения». Его жизнь до 13
марта 399 года, когда был назначен срок

исполнения этого астрологического пророчества (период от 30 сент. 395 до 13 марта 399)	0265
IV. Роковой день 13 марта 399 года. Фиаско астрологического предсказания. Попытки Иоанна оправдаться	0283
V. Поездка Иоанна в Азию. Бешеное гонение на него и на оригенистов	0299
VI. Осуждение и отлучение Иоанна от церкви. Его спасение благодаря константинопольскому землетрясению 403 г.	0317
VII. Иоанн в роли константинопольского верховного епископа, низвергнутого собором и не признаваемого никем, кроме народа. Новый суд над ним, его заточение, ссылка и смерть в изгнании	0329
VIII. Трудность понять судьбу Иоанна, не признав его автором Апокалипсиса	0366

Откровение в грозе и буре

Предисловие к 1-му изданию

Во всяком научном исследовании необходимо отличать основное от второстепенного. В настоящей книге основным является астрономическое вычисление времени возникновения Апокалипсиса. Новый метод определения времени, приложенный к старой книге, привёл, как это часто бывало в науке, к неожиданному открытию. И год, и день, и самый час наблюдения Иоанна оказались определяемыми с астрономической точностью.

Как следствие этого, явился и другой вывод, что Апокалипсис написан знаменитым борцом против византийского религиозного и политического абсолютизма, ниспровергателем императорских статуй, Иоанном Антиохийским, называемым Хризостомом или Златоустом.

Но если читатель даже и не согласится с этим последним выводом и пожелает приискать другого автора, всё равно. Искать ему придётся в том же самом 395 г., который дало нам астрономическое вычисление. Пока оно не поколеблено, – а это трудно сделать после

проверочных вычислений М. М. Каменского и Н. М. Ляпина в Пулкове, – фундамент настоящего исследования остаётся прочным, а вместе с тем останутся прочными и все существенные надстройки. Никакого другого автора Апокалипсиса читатель в это время не найдёт.

Мелкие частности, о которых можно спорить, для меня совершенно безразличны: я готов их выбросить при первом серьёзном возражении, и книга от этого нисколько не пострадает.

11 марта 1907 г.

Николай Морозов.

Предисловие ко 2-му изданию

Пять месяцев прошло после появления в продаже этой книги. Её первое издание в 6000 экземпляров разошлось четыре месяца назад и теперь потребовалось новое.

Что могу я прибавить к этому новому изданию? Очень мало.

Несмотря на целую литературу газетных и журнальных рецензий, появившихся за это время по поводу моей книги, ни одно из её основных положений не пошатнулось. Большинство критиков, особенно из астрономов и людей свободомыслящих, горячо приветствовали её. Другие, из теологов и отчасти историков, пытались выставить мне в возражение те самые цитаты, приписываемые древним авторам, ненадёжность которых я уже достаточно указывал и в первом издании и в моём ответе, помещённом в «Руси» (21 апреля 1907 г.)

Всё, что сделано нового в настоящем 2-м издании, это приложение к нему заметки о

толковании Ньютона на Апокалипсис и заметки о цитатах из Апокалипсиса у древних авторов. Кроме того, я произвёл ещё несколько изменений в литературной обработке моего популяризационного изложения Апокалипсиса. Однако все они свелись почти исключительно к тому, что часть пояснительных вставок, которые в первом издании были помещены в скобках, я поместил теперь разбивкой. Научная ценность исторического документа от этого нисколько не пострадала, так как я в нём старался передать только дух, а не букву, но чтение стало значительно легче и образы ярче.

Сочувствию, с которым было встречено читателями «Откровение в грозе и буре», ободряете меня и в другом предприятии совершенно того же рода: закончить мою книгу «Пророки», тоже начатую ещё во время моего заключения в Алексеевском равелине и в Шлиссельбурге. Дело в том, что древние пророки Иезекииль, Даниил, Захария и Малахия были тоже астрологами. У них фигурируют те же звери и планетные лики, дающие возможность вычислить время появления этих книг

и приводящие тоже к совершенно неожиданным результатам. Главнейшим препятствием к окончанию книги о пророках служило до сих пор для меня почти полное незнание древнееврейского языка и плохое качество всех переводов с него, так как переводчики, не будучи астрономами, сами не понимали того, что они переводили, и потому сильно исказили смысл.

Николай Морозов.

5 августа 1907 г.

Часть I

Пролог

Глава I

Несколько слов о прошлых мировоззрениях и о трудности их понимания для современного человека

Из всех трудных задач, представляющихся для нашего ума при изучении чуждой нам исторической эпохи, одна из самых труднейших – это необходимость ясно и отчётливо усвоить себе во всей их логической последовательности как чуждый для нас склад мышления, так и чуждые для нас основы мирозерцания её современников. Для того, чтобы войти в душу какого-либо из отдалённых поколений, нужно быть настолько отзывчивым человеком, чтобы под впечатлением нескольких разрозненных остатков, характеризующих его умственную жизнь и сохранившихся, подобно окаменелостям, в забытых старинных книгах, сделаться способным

не только представить, но и временно почувствовать себя иным человеком, мыслящим совершенно иначе и верящим в то, во что он уже не может верить.

Очень многие из нас к этому совершенно неспособны. Да это и понятно. Как может человек, никогда не евший, например, плода хлебного дерева, представить себе вкус этих плодов, и никогда не куривший опия – представить себе вполне ярко и отчётливо душевное состояние тех, которые предаются этому куренью? Как может человек, привыкший смотреть с детства на камни, воздух, деревья и облака как на предметы «неодушевлённые», понять ощущения горячо и искренне молящихся им дикарей и представить себе наивное мировоззрение этих людей так же хорошо и верно, как если бы оно было его собственное?

Всё это для нас возможно и легко лишь в том случае, если в нашей собственной душе ещё звучат, в той или иной форме, отдалённые отголоски первобытного строя мысли наших предков, слабые отзвуки их давно исчезнувших для нашего сознания чувств и ин-

стинктов. Тогда, под впечатлением живого рассказа какого-либо великого художника, мы можем сделаться способными на время отрешиться от нашего собственного Я, почувствовать в себе другую душу, мыслить другим умом, смотреть на мир другими, не нашими, глазами, любить и ненавидеть другим, непривычным для нас способом.

Но если в нашей душе уже совсем отсутствуют даже и следы каких-нибудь из прошлых мировоззрений, навсегда погребённых на неведомых для нас кладбищах исторической жизни, тогда всё кончено. Умершего не воскресишь...

Кому из нас не приходилось в более позднем возрасте перечитывать какую-либо повесть или роман, произведший на нас необычайно сильное впечатление в детстве, и с улыбкой спрашивать себя: как могла подобная пустая или прямо нелепая вещь подействовать на нас тогда таким ошеломляющим образом? То же самое и с прошлыми мировоззрениями. Большинство из них уже недоступно для нас в полной силе, мы смотрим на них бесстрастно, как чужие, и только спрашиваем

себя: как могли когда-то люди волноваться и нередко жертвовать своею жизнью из-за подобных пустяков? – Открывающиеся перед нами исторические трагедии на почве борьбы за отжившие идеи уже не вызывают более у нас ничего, кроме чувства сожаления о человеческой глупости...

А между тем глупости здесь именно и не было. Всё это было только первое пробуждение человеческого ума, его первые блуждания в поисках за истиной!..

Вот почему наиболее способными хорошо понимать душу прошлых поколений оказываются именно те из образованных людей, чья голова с детства была переполнена рассказами суеверных, первобытных нянек. Если веяние современной науки о природе и изгонит, наконец, из их голов все эти призраки минувшего мрака, воспоминание о них всё же остаётся навсегда. Не разделяя более прошлого мировоззрения, они его будут вполне хорошо представлять.

Мне лично в этом отношении выпало на долю большое счастье. И старое и новое мировоззрения были лично пережиты мною.

Под влиянием рассказов моей деревенской няньки, происходивших большею частью в длинные зимние вечера или при уединённых прогулках, весь мир начал представляться мне в раннем детстве в виде круглого диска – Земли, – прикрытого стеклянным колпаком-небом, на вершине которого стоял трон, а на троне бог, высокий седой старик с длинной белой бородой, всегда окружённый прославляющими его и преклоняющимися перед ним ангелами и святыми. Звёзды были восковыми свечами, горевшими по ночам на этом прозрачном своде, и каждая из них была человеческой жизнью. Звезда догорала и падала вниз с неба, когда соответствующая ей человеческая жизнь угасала на земле.

Неодушевлённых предметов не было совсем: каждое дерево, столб или камень обладали своею собственною жизнью и могли передавать друг другу свои мысли. Листья деревьев переговаривались друг с другом шелестом, волны – плесканьем, а облака, играя, гонялись друг за другом и неслись на крыльях ветра вдаль, к какой-то неведомой и им одним известной цели, принимая на своём пу-

ти формы всевозможных животных и их отдельных членов.

Каждое произнесённое слово или звук не были простыми сотрясениями воздуха, а особенными, быстро исчезающими невидимыми воздушными существами, которые зарождались в груди произносившего их человека, вылетали через его рот и, войдя через ухо в голову другого человека, принимали там формы тех предметов, о которых ему хотели сообщить, а затем таяли и исчезали навсегда...

Воспоминания об этом прежнем, давно пережитом, миросозерцании остались у меня настолько живы, что через много лет потом, когда я был уже навсегда заключён в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, мне пришла идея воспроизвести его в наиболее подходящей литературной форме, в поэме, где действующими лицами были различные срывавшиеся с человеческих уст и улетающие в воздух слова и звуки. Поэме этой, как и большинству задуманных мною когда-то больших стихотворений, не суждено было никогда появиться на свет. Теперь я уже почти ничего не могу воспроизвести из неё,

кроме нескольких отрывочных куплетов, вроде, например, печального рассказа Оха в ответ на вопрос случайно залетевшего к нему в беседку сада Зевка о причине его унылого вида:

*«Ах, Зевок, мой друг любезный,
отвечает бедный Ох,
Оттого я так печален, что здо-
ровьем очень плох,
Поздней ночью я родился у ста-
рушки, у больной,
Весь измучен я ломотой и летаю
сам не свой».*

Однако раз этой поэме не суждено было целиком сохраниться в моей памяти, то зачем же и вспоминать о ней? Какое отношение может она иметь к предмету настоящего сочинения? Только то, что воспроизводившиеся в ней фантастические образы, вроде только что приведённого, составляли одну из деталей старинного мирозерцания, которое переживали все народы, находясь на заре своей умственной жизни. Мы никогда не должны забывать, что окружающая природа была для них не такой, как для большинства из на-

ших современников. Многие из нас даже не способны представить себе, чтобы сознательные существа были составлены иначе, как из белковых веществ в виде человека и высших животных, да и то исключительно на земном шаре. Поверхности остальных светил кажутся им вечно безмолвными и необитаемыми пустынями.

Глава II

Кое-что об астрологии и таинственных знамениях на небесном своде

Вся природа для наших предков была полна скрытой жизни и таинственных влияний. В каждой комете с её хвостом они видели со страхом **огненный меч**, появившийся на хрустальном небесном своде в знак приближающихся войн, внешних нападений или внутренних междоусобиц и других кровавых событий. В каждом метеоре, пролетающем по ночному небу, они видели дракона с огненным хвостом, а в каждой падающей звезде – или угасшую человеческую жизнь, или, ещё

чаще, огненное копьё, пущенное одним из невидимых воздушных существ в другое, враждебное ему.

«Ангелы воюют с демонами», крестясь, говорили древние христиане, со страхом наблюдая так называемые дожди падающих звёзд. Все старинные летописцы придавали этим «небесным знамениям» настолько важное мистическое значение, что аккуратно заносили их в свои хроники, между обычными прозаическими событиями окружающей жизни. Их записи уже послужили для современных астрономов важным материалом при разработке вопроса о бесчисленных мелких тельцах, обращающихся вместе с планетами и кометами вокруг солнца.

Вот, например, несколько наиболее сухих, а потому и добросовестных заметок из разных летописей, как они приведены в астрономии Араго (т.4, кн.26, гл.VI):

1144 г. «Говорят, что в этом году являлись знамения на небе. Огненные шары блистали в различных местах и исчезали потом в другой части неба» (Хрон. Ликосфена).

952 г. «Виден был змей на небе» (Фродоардова хр.)

944 г. «Огненные шары летают по воздуху» (Вюрицбургская летопись).

1462 г. «Бог послал большие камни с неба» (Ликосфен. хр.)

1665 г. «2-го января падали с неба огненные стрелы».

849 г. «2-го января видимы были ужасные копыя к северу и востоку».

838 г. «21-го февраля в воздухе был виден огонь, имевший вид змея».

918 г. «7-го февраля разноцветные огненные копыя являются на небе и последовательно устремляются друг на друга».

842 г. «18-го марта. Ужасные копыя опять являются на небе во втором часу ночи, со стороны востока. Они беспрестанно то угасают, то вновь возрождаются. Большой свет между востоком и западом, но копыя те преимущественно наполняют север».

993 г. «3-го марта, вечером. Был виден на небе змей».

1096 г «10-го апреля почти все звёзды летали, как пыль, уносимая ветром, и это продолжалось от утренних пету-

хов до зари».

561 г. «12-го ноября огонь пробежал по небу в ночь смерти Клотария».

839 г. «12-го мая, во всё время ночи, звёзды повсюду преследовали одна другую».

876 г. «13-го декабря ужасные копыя, никогда досель не виданные, являются на небе. Говорят, что видели кровавый дождь».

1002 г. «В декабре. Около заката солнца пролетал по воздуху змей и видны были огненные копыя на небе».

848 г. «31-го декабря ужасные копыя видны к северу и к востоку».

586 г. «Свет, подобный змею, явился на небе».

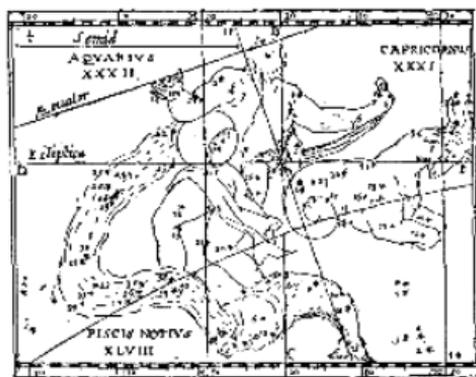
Таковыми сообщениями переполнены все старинные летописи. Можно себе представить, сколько суеверных толков или наивных объяснений вызывали в древние времена эти ежегодно наблюдаемые падения метеоритов и метеоров, при общем мистическом настроении того времени и полном отсутствии точных знаний о природе таких явлений даже среди самых светлых умов.

Теоретическая наука первых столетий на-

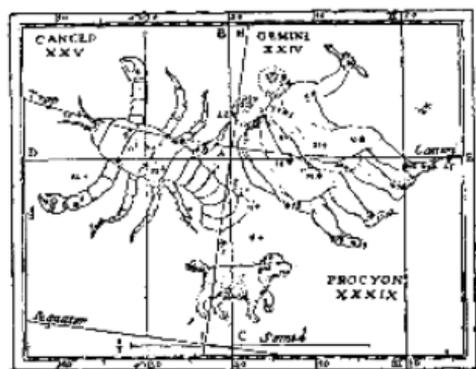
шей эры, за немногими исключениями, стояла на ступени простого гаданья. Так, по крайней мере, можно было сказать об астрономии, незаметно превратившейся тогда в астрологию. Все фигуры 12-ти созвездий зодиака: овен, телец, близнецы, рак, лев, дева, весы, скорпион, стрелец, козерог, водолей и рыбы, имевшие во время своего возникновения задолго до христианской эры лишь символическое значение, начали с течением веков считаться действительными фигурами, невидимо начерченными на кристаллическом небесном своде, или даже живыми существами, оказывающими чрезвычайно сильное влияние на все земные события (рис. 1, 2 и 3).

Сами планеты, или, как их называли, «блуждающие звёзды», получившие в языческий период римской истории названия римских богов: Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, приняли потом специфическую окраску от своих собственных названий, вошли с ними как бы в таинственную связь. Вступление «кровожадного» Марса в знак Льва считалось чрезвычайно опасным и грозило войнами и кровопролитием; вступление

зловещего Сатурна в знак Скорпиона было ещё хуже и предвещало людям гибель от моровых поветрий и других физических бедствий, потому что и Сатурн и Скорпион оба являлись символами смерти.

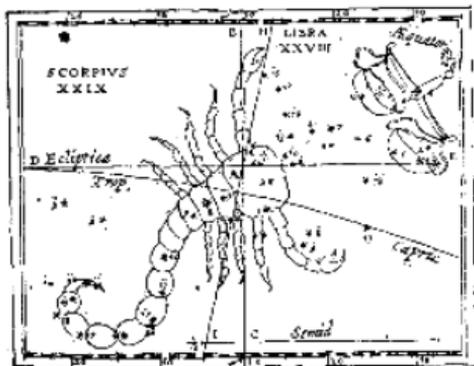
Созвездия Козерог и Водолей.

Созвездие Рак и Близнецы.

Созвездия Весы и Скорпион.

Рис. 1, 2 и 3. Образчики древних зодиакаль-

ных зверей и созвездий по латинскому манускрипту *Grienberger*'а, хранящемуся в Библиотеке Пулковской обсерватории.

Но для того, чтобы понять вполне ясно некоторые выражения старинных книг, нужно ещё иметь хорошее представление о суточных движениях небесного свода и о собственных перемещениях планет между звёздами. Благодаря одновременному движению как Земли, так и планет около Солнца, кажущиеся пути последних совершаются не плавно, а как бы скачками.

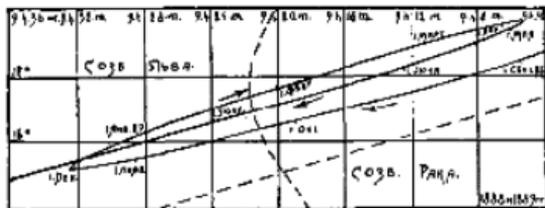

Рис. 4. Путь Сатурна между созвездиями Рака и Льва в 1888 и 1889 гг.

При своём перемещении между звёздами от запада к востоку каждая планета сначала замедляет своё движение, затем совершенно останавливается, затем поворачивает назад и производит так называемое попятное движение, зависящее от того, что её перегоняет Земля. Затем планета снова делает остановку и снова бросается вперёд от запада к востоку, ускорительным движением, как будто конь, прыгнувший вперёд с разбега (рис. 4, 5 и 6). И всё это совершается периодически каждый год, хотя и в различных местах неба.

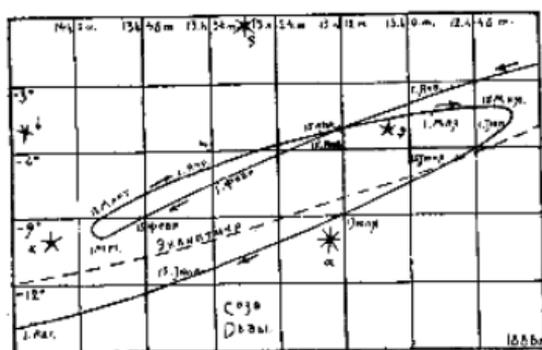
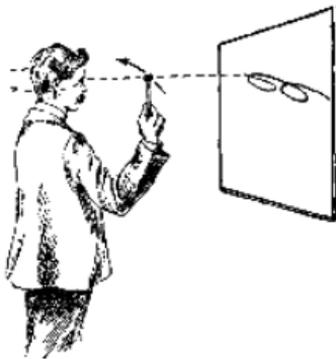

Рис. 6. Путь Марса по созвездию Девы в 1888 г.

Рис. 7.

При современном развитии астрономических знаний объяснение этого движения планет скачками по видимому небу не может представлять затруднений даже и для ребёнка. Держите, например, перед собой шарик, как показано на рис. 7, и медленно обводите его вокруг вашей головы, на высоте глаза, справа налево, а головой производите круговые движения в ту же сторону, закрыв предварительно один глаз. Тогда второй, открытый, глаз будет изображать собою Землю, движущуюся по своей орбите, а шарик – планету, движущуюся по другой орбите, более далёкой от Солнца, чем земная.

*Рис. 8 и 9. Из образчиков древних Галльских монет, приведённых в *Astronomical Myths John's Blake'a*, 1887 г. (Библиот. Пулковск. Обсерват.) Первая фигура представляет, по-видимому, Сатурна (S), перескакивающего через урну Водолея, вторая – планету, на которой сидит Рак, а внизу – Козерог.*

Наблюдайте при этом линию, вычерчиваемую проекцией вашего пальца на отдалённой стене или, всё равно, на фоне неба перед открытым окном, или, если хотите, между ветвями деревьев сада. Вы увидите, что она вычертит ряд петлеобразных фигур, совершенно аналогичных с теми, которые вычерчивают на фоне отдалённых звёзд те планеты, орбиты которых отстоят от Солнца далее,

чем земная. В обоих случаях причины явления те же самые: планеты настолько же ближе к Земле, сравнительно с их расстоянием до ближайших звёзд, как упомянутый шарик ближе к вашему глазу, сравнительно с расстоянием до отдалённой стены или листьев окружающего сада. Только поэтому кажущиеся движения планет и представляются с Земли зигзагообразными, тогда как на самом деле все эти светила очень плавно идут по своим орбитам.

Но древние не знали этого простого объяснения, ставшего возможным лишь со времени Коперника (в 1543 году), а потому можно себе представить, какое впечатление должны были производить все эти неожиданные движения планет взад и вперёд на старинных наблюдателей, не знавших действительной причины. Все три известные им внешние планеты – Марс, Юпитер и Сатурн – представлялись им, как мы это и видим в древних книгах и на монетах, какими-то конями, скачущими галопом по зодиакальной полосе хрустального небесного свода, а сами зодиакальные фигуры – все эти стрельцы, козероги

и водолеи (когда планета находилась как раз под которым-нибудь из них) – всадниками, севшими на этих коней (рис. 8 и 9) и несущимися на них по кристаллическому небесному куполу вокруг небесного полюса, по одну сторону которого помещался Трон неба, т. е. современное созвездие Кассиопеи, а по другую – Семь Душ, т. е. созвездие Большой Медведицы.

Каждые сутки обходили созвездия вместе с Солнцем и Луной вокруг небесного полюса, начиная от восточного конца горизонта и кончая западным, а затем наиболее далёкие от полюса скрывались на время где-то под землёй, для того чтобы вдруг снова показаться на востоке и совершить новый суточный обход вокруг созвездия Трона и Семи Душ.

*Quid moveant Pisces, animosaque
signa Leonis?*

*Lotus et Hesperis quid Capricornus
aqua?*

(Что б ниспослали нам Рыбы и
злобные Льва очертанья?

Что ниспошлёт Козерог, весь
омытый водою Заката?)

Глава III

Кое-что о типических формах, принимаемых облаками во время осенних гроз

Если вы, читатель, думаете, что все вышесприведённые замечания излишни в этом астрономико-историко-литературном исследовании, то вы сильно ошибаетесь. Все они так важны, что если бы хоть десяток строк были выпущены в предыдущем, то их всё же пришлось бы написать в каком-либо другом месте далее. А если б этих размышлений о старинных мирозерцаниях и об астрологии у меня не было до чтения Апокалипсиса, то и я, подобно другим современно-образованным людям, считал бы его просто за бред и галлюцинации психически больного человека.

Всё это я припомнил и написал только для того, чтобы наиболее простым и лёгким способом запечатлеть в уме читателя фигуры некоторых важных созвездий, с которыми нам придётся ещё не раз встретиться далее.

Но даже и эти мои прежние размышления

не помогли бы мне нисколько в понимании некоторых важных мест рассматриваемой книги, если бы в моей голове не накопилось с детства, так сказать, большого запаса **облаков**. Вот с этим-то своеобразным складом я и должен ознакомить теперь читателя для того, чтобы и он мог ясно понимать некоторые места Апокалипсиса, потому что, скажу прямо, весь он представляет сплошную смесь астрологических соображений с чрезвычайно поэтическими описаниями движений и форм различных туч, которые видел автор Апокалипсиса в грозе, разразившейся 30 сентября 395 г. над островом Патмосом в греческом Архипелаге.

Мой склад облаков, о котором я говорю, не представляет, конечно, ничего особенно необыкновенного. В голове каждого из нас образуются с течением времени подобные скопления излюбленных впечатлений и картин. Я знал, например, людей, голова которых была, в буквальном смысле слова, складом всевозможных обид, полученных ими в своей жизни от других, тогда как все обиды, которые они сами наносили другим, никогда туда не

заносились. В голове талантливого художника непременно существует запас всевозможных образов, соответствующих роду его творчества, а в голове музыканта – всевозможных мелодий. Подбор предметов в таких складах неизбежно обуславливается психическими особенностями и наклонностями данного человека. Каждый из нас непроизвольно собирает сюда и бережно хранит здесь только то, что особенно волнует, затрагивает его в окружающем мире. Всё остальное, к чему мы безразличны, быстро теряется для нас и исчезает неизвестно куда...

Так и в моей голове мало-помалу накопилось очень много всевозможных облачных фигур лишь потому, что я всегда чувствовал к облакам какое-то родственное влечение. Мне кажется, что нечто подобное было также и в голове у Лермонтова. Иначе как бы мог он написать такие два чудные стихотворения:

Тучки небесные, вечные странники!

Степью лазурною, цепью жемчужною

Мчитесь вы, будто как я же, из-

гнанники,
С милого севера в сторону юж-
ную!
Что же вас гонит: судьбы ли ре-
шение?
Зависть ли тайная, злоба ль от-
крытая?
Или на вас тяготит преступле-
ние?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплод-
ные...
Чужды вам страсти и чужды
страдания...
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-
ния...

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный след в мор-
щине
Старика-утёса. Одиноко
Он стоит, задумавшись глубоко...
И тихонько плачет он в пустыне.

Такие же точно чувства навевали облака и на меня, и я нередко мысленно обращался к ним с этими самыми стихотворениями. Когда в ясный сентябрьский день появлялись высоко в голубой лазури над Шлиссельбургской крепостью стада перистых облаков, свидетельствуя собою о снежной метели, поднявшейся в почти недоступных для нас и вечно холодных областях атмосферы, в то время, как внизу на земле ещё шумели зелёные листья деревьев и вся природа была полна жизни, в моей душе пробуждалось не одно лишь грустное предчувствие неумолимо спускающейся с высоты зимы, но также и какое-то непреодолимое влечение быть самому на этой высоте и так же свободно носиться среди облаков в этих недоступных пространствах.

Но более всего овладевало мною какое-то особое восторженное чувство во время надвигавшейся на небо или уже бушевавшей кругом грозы. Когда над горизонтом медленно поднималась тяжёлая свинцово-сизая туча с её белым, пенистым краем, завёрнутым вниз, **как свиток старинного пергамента**, и как будто готовилась обрушиться всей своей тя-

жестью на присмирившую от страха землю, – я просто не мог оторвать своих глаз от этой картины. В то время, как окружающие спешили поскорее укрыться в дом, я всегда оставался под открытым небом, вплоть до самого ливня, и с жадностью ловил каждое движение приближающейся грозы, каждый новый оттенок пейзажа и каждый проблеск вспыхивавших за этой тучей отдалённых молний, освещавших её по временам сзади, так сказать, изнутри, каким-то зловещим, у одних гроз **алым, кровавым**, а у других – **голубоватым** светом.

И потом, когда эта первая из грозовых туч проносилась над головою и удалялась за противоположный край горизонта, облив землю первым крупным ливнем, я пользовался каждым промежутком дождя, для того, чтобы посмотреть из окна или с открытого места, какие формы принимали следовавшие за нею облака, как они, под влиянием крутящегося по всему видимому небу гигантского урагана, гонялись по всем направлениям друг за другом, принимая самые причудливые формы. Большинство этих форм совсем не знают

непосвящённые, потому что обыкновенно прячутся дома, и если замечают и помнят что-нибудь из середины прохождения грозы, так это только радугу, да и то лишь потому, что она является обыкновенно уже в конце...

А между тем в середине грозы тучи также бывают очень характерны. Из них в моей голове ещё в юношеские годы выделилось несколько типических форм, и многие из них запечатлелись так отчётливо, что я без всякого труда могу представить их на рисунках. Приведу здесь лишь несколько из них, потому что они будут иметь прямое отношение к объяснению некоторых из «зверей» Апокалипсиса.

Однажды, приблизительно в половине августа, я возвращался домой из леса, прилегающего к берегу Волги. Солнце уже сильно склонилось к западу и светило мне прямо в лицо, а под ним на горизонте поднималась и быстро двигалась навстречу мне грозовая туча. Я торопился поспеть домой до ливня, но надежды было мало. Солнце скоро скрылось за тучей, и наступил тот особенный род освещения, который всегда характеризует при-

ближение грозы. Всё, на что ни падала тень от тучи, сейчас же принимало особенный мрачный колорит, и вся природа, казалось, замерла в ожидании чего-то странного и необычайного.

Я уже не помню, долго ли продолжалось всё это, потому что я о чём-то замечтался. Но вдруг я остановился, как вкопанный, выведенный из своей задумчивости резкой и неожиданной переменой в освещении окружающего ландшафта и поразительной картиной в облаках. Солнце вдруг выглянуло в узкое отверстие, как бы в пробойну какой-то особенной тучи, состоящей из двух слоёв, наложенных один на другой. Контраст окружающей меня местности, освещённой одним этим пучком параллельных лучей, с отдалёнными, покрытыми зловещею тенью, частями ландшафта был поразительный. Для того чтобы понять, что это была за картина, нужно самому её видеть в природе или, по крайней мере, на картине, писанной гениальным художником, потому что всякое описание бессильно.

Благодаря тому, что пробойна в тучах дви-

галась мимо солнца, оттенки его блеска быстро изменялись. Солнце казалось совсем живым лицом разгневанного человека, старающегося просунуть свою голову между двумя слоями тучи для того, чтобы посмотреть, что творится на земле. Это сходство с живой человеческой головой дополнялось ещё тем, что верхний край узкого отверстия в свинцово-сизых тучах, освещённый сзади солнечными лучами, принял вид густой шевелюры снежно-белых волос над разгневанным ликом солнца, а нижний край образовал под ним как бы воротник меховой шубы, такого же снежно-белого цвета, закутывавший его подбородок, а поперёк солнечного диска легло, тёмной чертой, продолговатое облако, представляя собой что-то вроде двухконечного древнего кинжала, который солнце держит у себя во рту (рис. 16 в I гл. 2-й части).

Несомненно, что эта кажущаяся пробоина в тучах была лишь перспективным явлением, простым расширением узкого промежутка между двумя слоями грозовой тучи, лежащими один над другим. Узкая и в обычных условиях совершенно незаметная отслойка

продолжалась в облаках и далее в обе стороны несколькими сужениями и расширениями, так как косые лучи солнечного света, проходя сзади в соседние расширения, образовали по обе стороны хмуращегося солнца несколько светящихся пунктов, как бы пламя нескольких горящих факелов, поставленных направо и налево от гневного солнечного лица.

Всё это было так внезапно, так полно какой-то своей собственной жизни и движения, что, как мне ни смешно сознаться, но я несомненно испугался и был готов спросить с суеверным страхом:

– Что такое случилось? Что тебе нужно?

Явление это, которое в буквальном смысле слова воспроизведено в первой главе Апокалипсиса, продолжалось не более минуты. Солнце медленно передвигалось за нижний край отверстия, принимая от постепенно помирающих его промежуточных паров всё более и более хмурый зловещий вид. А затем на месте солнца остался лишь огромный факел светлых лучей посреди ряда других таких же пучков золотистого света... Через полчаса на-

летала буря, а что было далее, я уже не помню.

Другой раз, когда я вышел в середине грозы, в промежутке между двумя ливнями, на открытое место, чтобы посмотреть на движение и формы туч этого периода, я увидел на лазури отчасти прояснившегося неба, очень высоко вверху, но несколько к юго-востоку, длинный ряд снежно-белых облаков, свёрнутых спиральями в виде охотничьих рогов (рис. 10). Они быстро неслись друг за другом, обозначая этим путь крутившегося вверху урагана, и вся их спираль представляла, очевидно, центры вращения соответственных частей атмосферы, где вследствие внезапного разрежения воздуха выделялись лёгкие водяные пары. Но внизу невольно казалось, что по небу летит вереница невидимых ангелов, трубящих среди грозы...

Когда же я через некоторое время снова вышел посмотреть, то увидел высоко на севере другую, не менее поразившую меня картину. Три больших беловатых облака, занимавшие всю верхнюю часть неба, приняли там формы настоящих огромных жаб (рис. 11),

схватившихся друг за друга передними лапами и нёсшихся, как бы в диком танце, около самого северного полюса неба. Эта иллюзия танца в воздухе обуславливалась их криволинейными движениями и тем, что на пути они вытягивали то ту, то другую из своих лап и искривлялись самым уродливым образом. Но и это явление тоже продолжалось недолго, и через несколько минут все жабы распались на четыре отдельных облака, вроде кучевых...

Аналогичные формы мне приходилось наблюдать и в середине других гроз. Но я прибавлю здесь лишь два случая, которые пригодятся нам впоследствии.

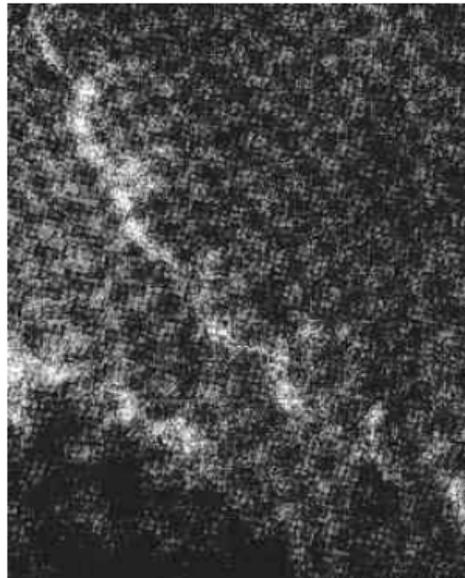

Рис. 10. Трубные вестники в середине нескольких из виденных мною гроз.

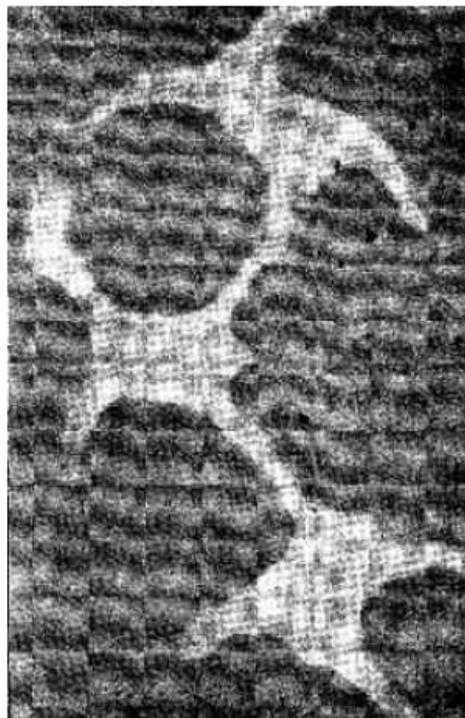

Рис. 11. Танцующие жабы в середине одной из виденных мною гроз.

Рис. 12. Многоголовый зверь в середине одной из виденных мною швейцарских гроз.

Один раз, после августовской грозы, окончившейся к закату солнца, когда весь западный край горизонта был уже покрыт крова-

вой полосой вечерней зари, одна из последних туч приняла чрезвычайно оригинальный вид. На огненном фоне горизонта сидела какая-то гордая женская фигура в пышном багряном одеянии и держала в вытянутой руке чашу, чрезвычайно похожую на те, которые употребляются в церквях для причастия. От просвечивающих и отражённых лучей уже скрывшегося солнца эта чаша казалась вылитой из золота, а сама женщина как будто была украшена со всех сторон золотистыми кружевами. От медленного движения тучи казалось, что она плавно наклоняется вперёд, как бы желая поднести кому-то эту чашу. Её рука всё более и более протягивалась к югу и, на-

конец, черезнесколько минут оторвалась, и облако приняло вид двух отдельных клочьев (гл. 17 Апокалипсиса).

Второй замечательный случай, относящийся к облакам, выходящим в средин грозы из-за горизонта, я видел уже не в России, а в Швейцарии. Я возвращался с компанией нескольких женевских студенток и студентов с загородной экскурсии, где нас захватила гроза. Вдруг один из нас заметил на краю неба, по которому летело в разных местах лишь несколько клочковатых туч, новое облачное образование необыкновенного вида. Казалось, что из-под горизонта с юго-запада выступала покрытая уродливыми наростами и гребнями сизая спина какого-то допотопного гигантского ящера (рис. 12). Пять или шесть смерчей, крутившихся над этой тучей, образовали над ней несколько спиральных белых облаков, напоминавших длинные змеевидные шеи. Они оканчивались белыми кучевыми облаками, в виде уродливых голов...

– Смотрите, словно гидра какая многоголовая выходит из-под земли, – сказала одна из

наших спутниц, и, все согласились с этим.

Боле удачного названия и нельзя было придумать появившемуся перед нами чудищу.

Глава IV

Первая встреча с Апокалипсисом

Мне часто приходило в голову: можно ли считать все эти формы туч в середине гроз такими же типическими, как и известная каждому передовая туча в виде свитка пергамента, загнутого концом к земле? Можно ли сказать, что эти промежуточные формы так же часто можно наблюдать, как, например, радугу? Конечно, все эти картины перспективного характера, а потому для их наблюдения нужно находиться на известном пункте по отношению к пути центра грозы, и надо, кроме того, захватить её в известный период развития. Но ведь то же самое можно сказать и о передовой туче, а однако все знают её типическую форму.

Вот почему мне очень хотелось узнать, видал ли кто-нибудь в середине гроз такие же

или аналогичные формы облаков? Если да, то, может быть, все грозы пришлось бы разделить лишь на несколько типов и даже предсказывать характерные формы дальнейших туч по одному виду передового облака. Кроме того, грозы резко разделяются на два типа, ясно различаемые только поздним вечером: у одних молнии бывают **голубовато-белые**, а у других **алые**, часто совсем **кровавого** цвета, вероятно, дающие спектр водорода от разложения водяных паров. Алые молнии мне часто приходилось наблюдать в поле по вечерам: их вспышки заливали кровавым блеском весь горизонт.

Какие формы туч типичны для тех и других гроз? Я нигде не находил подобных описаний до тех пор, пока не был заключён в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Там мне семь месяцев не давали читать ровно никаких книг, а потом вдруг (сочтя меня уже достаточно подготовленным религиозно) выдали, для наставления в православной вере, старинную Библию на французском языке, оставшуюся, по-видимому, ещё от декабристов. Она была помечена 1817 годом, и мне

её положили за недостатком экземпляров русского издания, розданных другим товарищам. Как человек свободомыслящей, я сейчас же принялся изучать эту книгу как образчик древнего мировоззрения, и прежде всего начал с Апокалипсиса. До того времени я ни разу его не читал и со слов Рахметова, в известном роман Чернышевского «Что делать?», считал эту книгу за произведение сумасшедшего.

С этим представлением я и принялся за чтение, но с первой же главы я, поражённый, должен был совершенно изменить своё заимствованное мнение об этой книге. Подобно ботанику, который узнаёт свои любимые растения по нескольким словам их описания, тогда как для остальных людей эти слова – пустые звуки, вызывающее лишь неясные образы, я с первой же главы вдруг начал узнавать в апокалипсических зверях наполовину аллегорическое, а наполовину буквально точное и притом чрезвычайно художественное изображение давно известных мне грозных картин, а кроме них ещё замечательное описание созвездий древнего неба и планет в этих

созвездиях. Через несколько страниц для меня уже не оставалось никакого сомнения, что истинным источником этого древнего пророчества было одно из тех землетрясений, которые нередки и теперь в Греческом Архипелаге, и сопровождавшие его гроза и злое астрологическое расположение планет по созвездиям, эти старинные знаки божьего гнева, принятые автором, под влиянием религиозного энтузиазма, за знамение, специально посланное богом в ответ на его горячие мольбы о том, чтобы указать ему хоть каким-нибудь намёком, когда же, наконец, Иисус придёт на землю.

Автор этой книги внезапно встал перед моими глазами, как человек с глубоко любящим сердцем и с чрезвычайно отзывчивой и поэтической душой, но страдавший и измученный окружавшим его лицемерием, ханжеством и раболепством современной ему христианской церкви перед «царями земными».

С первой же главы этот неизвестный Иоанн представился мне одиноко сидящим на берегу острова Патмоса и погружённым в

грустные размышления. Он ожидал вычисленного им на этот день (по употреблявшемуся тогда Саросскому циклу) солнечного затмения и старался определить с помощью астрологических соображений время страстно желаемого им второго пришествия Христа, не замечая надвигающейся сзади него грозы. Но вот внезапный свет солнца, прорвавшийся в щелевидный промежуток между двумя несущимися одна над другой тучами, вдруг вывел его из забвения и, быстро повернувшись, он увидел то же самое разгневанное солнце, смотрящее на него из-за туч, которое раз видел и я...

Какое впечатление должна была произвести на него эта зловещая картина, появившаяся внезапно в тот самый час, когда он ожидал такого грозного для всех древних явления, как солнечное затмение, понять не трудно из его собственного описания.

А дело осложнялось затем другим, ещё неизмеримо более страшным событием – землетрясением. Он в ужасе пал на колени, и всё, что было потом, стало представляться ему сплошным рядом знамений, посланных для

того, чтобы он записал и истолковал их так, как подсказывало ему «божественное вдохновение», т. е. тот порыв энтузиазма, с которым знакома всякая истинно-поэтическая душа, и который он считал за отголосок мыслей бога в своей собственной душе.

Но лучше судите сами по приводимому мною теперь толковому изложению этой замечательной книги. По указанным в ней положениям планет в определённых созвездиях Зодиака я мог вычислить астрономическим путём, а следовательно и с безусловной точностью, что описанная здесь гроза пронеслась над Патмосом в воскресенье 30-го сентября 395 юлианского года. Вся книга, как стенографически точное воспроизведение картины неба, имевшей место только один этот раз за весь исторический период времени, была несомненно составлена по непосредственным заметкам этого же дня и ночи и окончательно написана в следующие затем дни, т. е. в начале октября того же года.

В это время христианская церковь уже несколько десятков лет (с 330 года) была государственной в обеих частях Римской импе-

рии, но вместе с самой империей раздиралась на части постоянными раздорами и взаимными интригами своих честолюбивых и порочных епископов. По этой дате и по самому содержанию книги оказалось не трудно определить и личность её автора. Это несомненно был Иоанн Хризостом Антиохийский, родившийся около 354 года, сосланный затем императором Аркадием по решению собора епископов в 403 году и умерший в изгнании в 407 году. Мои астрономические вычисления[1], не оставляющие никаких сомнений в справедливости этой даты, будут приведены далее, в третьей части моего исследования, а теперь я прямо прилагаю здесь для ясности самую книгу Иоанна.

Моё изложение Апокалипсиса – не рабски подстрочный перевод, как обыкновенные церковные: это, так сказать, популяризация – его, потому что простой перевод здесь неуместен. Предмет, о котором трактует в своей книге автор, т. е. созвездия неба, их фигуры, движения по ним планет и их собственные суточные движения на кажущемся небесном своде, настолько мало известны не-астроно-

мам, что голые названия этих предметов, как их даёт автор, были бы для большинства простыми звуками без определённого смысла. Для того, чтобы истинная мысль автора была ясна для общеобразованного человека, мне пришлось при каждом специальном термине сейчас же прибавлять и соответствующее пояснение. Так, например, вместо голого слова «Дракон», которое в астрологии и астрономии обозначает соответствующее созвездие, я писал: созвездие Дракона, вместо отрывочного: «Конские Узды» я писал с пояснением в скобках: Конские Узды (группа звёзд в созвездии Возничего), и т. д.

Точно так же и при описании облачных фигур пришлось давать разбивкой пояснительные дополнения. Вместо, например, краткого выражения в подлиннике: «Сидящая фигура была подобна камням яшме и сердолику», я говорил: «сидящая фигура обладала в одних своих частях полосатыми, белым с тёмным оттенками яшмы, а в других красновато-оранжевыми оттенками сердолика». Основная сущность осталась та же самая и в этом моём популяризационном изложении,

но читатель сразу понимает из него, что именно хотел сказать автор, не будучи принуждён бежать за курсом минералогии для того, чтобы справиться, какие цвета и оттенки имеют яшма и сердолик.

В моём популяризационном переложении с греческого осталось всё то же, что и в подлиннике и в обыкновенных, ни на что не годных[2] переводах, но лишь в полной мере сказалась разница между старым и новым способом изложения научных предметов. Старинный автор писал исключительно для узкого круга людей, посвящённых во все тайны его науки, нередко стараясь всеми силами, чтобы его не мог понять непосвящённый, а новый автор, наоборот, прилагает все старания, чтобы быть как можно более общепонятным.

Но, несмотря на этот популяризационный способ передачи оригинала, я держался как можно ближе к греческому подлиннику и переводил его даже подстрочно, с приведением в примечаниях греческих слов во всех тех случаях, которые были важны для определения времени возникновения Апокалипсиса и для установления миросозерцания её автора.

Часть II

Откровение в грозе и буре и в четырёх ударах патмосского землетрясения 30 сентября 395 года

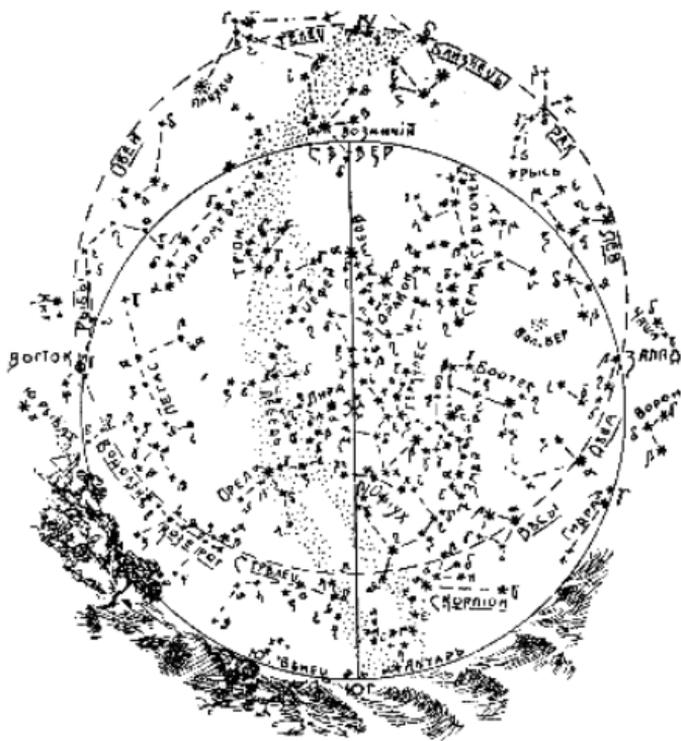
Карта, представляющая положение звёзд над островом Патмосом около 5 часов вечера, 30 сентября 395 юл. года, и объяснение к ней

Популяризированное изложение по греческому изданию:

??? ?????? ?????????? '???????. ??????? ???
????????????????? ?????????? '?????????? ????? ??????????? ???
?????? ??????? ?? ?? ?? ??????? ??????????????, 1902.

Некоторые исправления сделаны по старинным изданиям Эрасма и другим древним спискам. Пояснительные вставки разбивкой и курсивом в скобках принадлежат мне.

Рис. 13. Положение созвездий над Патмосом во время астрономического определения их Иоанном в гл. 6-12 Апокалипсиса.

Для пользования этой картой нужно представить себя стоящим на южном берегу острова Патмоса, лицом к югу, причём изображённые на ней созвездия как бы перекидываются через голову наблюдателя. Таким образом, карту нужно держать у себя над головой, как находится само звёздное небо.

Видны были лишь те созвездия, которые поместились в вычерченном нижнем круге,

представляющем патмосский горизонт. Вертикальная линия – меридиан этого горизонта, а крест на ней – зенит, т. е. точка, находящаяся прямо над головой наблюдателя.

Прямо на юг выступает из-под горизонта верхняя половина созвездия Жертвенник, а над ним **Скорпион**, в котором была планета Сатурн. Направо (к западу) были **Весы** (где был Меркурий), Дева (где были Солнце и Луна) и наполовину зашедший Лев. Налево, к востоку, были Стрелец (в котором находился Юпитер), Козерог, Водолей и Пегас.

Прямо на **север** поднимались над горизонтом две звёздочки Возничего, называемые Конскими Уздами, а налево от них к востоку верхняя часть **Персея** с его **Мечом**, под которым находилась тогда планета Марс.

В зените находилась Лира, а к северу от неё **Дракон** и за ним **Небесный Полус**, украшенный Полярной Звездой, центр вращения небесного свода, с 24 лучеобразно исходящими от него часами звёздного времени (так называемые часы прямого восхождения звёзд). Направо от него видны **семь светочей Большой Медведицы**, а налево – **Кассиопея**, назы-

вавшаяся прежде **Троном**.

Довольно глубоко под северной частью горизонта находилось созвездие **Тельца**, а к востоку от него **Овен** или **Агнец**, готовившийся к своему восхождению.

Все эти созвездия и их положения указаны в «Откровении». Кроме них названы ещё: **Венец** между зенитом и западом и **Змей** к югу от него. Затем упоминаются: **Серп**, или верхние звёзды Боотеса, находящегося между зенитом и западом, и **Южный Венец**, на самом южном горизонте рядом с **Жертвенником**.

Глава I

Гневный лик солнца в облаке, предвестник грозы

Иоанн – семи малоазиатским собраниям[3]:
Благосклонность вам и мир от того, кто был, есть и будет, и от **Семи Душ** (сияющих в

созвездии Большой Медведицы, рис. 14) напротив его **Трона**[4], и от верного провозвестника истины Иисуса-Посвящённого. Перворождённый из мёртвых и властелин земных царей, он принял нас к своему сердцу, обмыл своею кровью от наших проступков и сделал нас самих[5] царями и священнослужителями перед богом, своим отцом. Да будете ему слава и власть в веках веков!.. Да будет!

Вон идёт он в облаках бури и увидит его всякий глаз, и те, которые пронзили его, и зарыдают над ним все племена земные![6]

Я, Иоанн, ваш брат и участник в печали и торжестве, и в терпеливом ожидании его прихода, был на острове Патмосе для божественной науки и проповеди об Иисусе-Посвящённом[7].

В воскресенье меня охватило вдохновение, и я слышал в **шуме волн** позади себя могучий голос, звучащий как труба: – Я первая и последняя буква алфавита, начало и конец. То, что видишь, напиши на папирусе и пошли собраниям верных в Малой Азии: в Эфес,

Смирну, Пергам, Фиатиры, Сардис, Филадельфию и Лаодикию.

Я оглянулся на этот голос и вот увидел (в очертаниях облаков, между которыми проглядывало солнце) семь золотых светоносных чаш[8], а посреди них **облачное** подобие человеческого существа[9], одетого в длинную белую одежду еврейских первосвященников и опоясанного под грудью золотым поясом. Его голова – **солнце** – и волосы (*т. е. края облака над ним, рис. 16*) были ярки как белый пух, как снег. Его глаза, как огненное пламя. Его ноги (*столбы лучей, пробивавшихся на землю сквозь тучи*) были подобны раскалённой в печи бронзе; голос же его был – шум множества волн. На правой сторон он держал в своей **облачной** руке семь звёзд[10] **Большой Медведицы**, изо рта его выходил меч, заострённый с обоих концов, а лицо его было – солнце, сияющее во всей своей силе.

Увидев его, я упал, как мёртвый, к его ногам, но он протянул надо мною[11] свою правую **облачную** руку и сказал этим:

– Не бойся! Я первый и последний, я жив, но был мёртв, и вот буду жить в веках веков.

Мне принадлежат ключи, запирающие смерть и подземное царство. Опиши всё, что ты только что видел, всё, что видишь теперь и что случится после этого. Сокровенный смысл Семи Звёзд в моей правой руке и семи золотых светоносных сосудов в тучах таков: Семь Звёзд – это оглашатели[12] семи Малоазиатских общин, а семь сосудов – это сами общины.

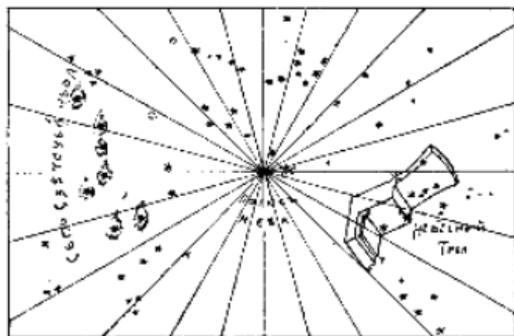

Рис. 14. Созвездие Трона (теперь Кассиопея) и созвездие Семи Душ (теперь Большая Медведица) напротив его, по другую сторону от небесного полюса.

Рис. 15. Карта острова Патмос (из английской лоции).

Рис. 16. Гневный лик солнца в облаках – предвестник грозы.

Глава IV †

Картина звёздного неба за покровом дневной лазури

Через некоторое время после этого я взглянул, и вот открылось отверстие в **облаках** на небе, и прежний голос **моря**, звучавший как труба, сказал мне:

– Поднимись **мысленно** сюда, и я покажу тебе, что должно случиться после этого.

И вдохновенье тотчас охватило меня. И вот на том самом месте[14] и находилось на небе (*по астрономическому расчёту*)[15] созвездие Трона, с сидящим на нём облачком, напоминавшим своим видом **полосатую** яшму и **оранжевый** сердолик, а Трон находился посредине радуги, **Млечного Пути**[16], подоб-

ной по виду (*в одежде дневной лазури*) голубовато-зелёному изумруду.

Вокруг созвездия Трона было двадцать четыре седалища – **двадцать четыре крыло-видные полосы прямого восхождения неба** [17] – и на них сидели двадцать четыре старца – **часа дня и ночи**, – облечённые в светлые одежды [18] **дневной лазури**, с Золотым Венцом (рис. 17) над головами своими [19]. А от Трона исходили молнии, и громы, и звуки [20] **надвигавшейся грозы** и горели против него семь огненных лампад **Большой Медведицы**, семь душ, принадлежащих богу. Вокруг же Трона стеклянное море – **небесный свод** – прозрачный как хрусталь, а посреди этого моря [21] и вокруг созвездия Трона находятся животные **четырёх времён года**, полные очей – **вечномерцающих звезд** – спереди и сзади.

Первое из них – **созвездие всепожирающей осени** (рис. 18) – подобно Льву; второе – **созвездие питающего лета** (рис. 19) – подобно Тельцу; третье – **созвездие всеубивающей зимы**, **Стрелец** (рис. 20) – обладает лицом, как у человека, а четвертое животное – **созвездие весны** – **крылатый конь Пегас** (рис.

21) – подобно летящему орлу[22].

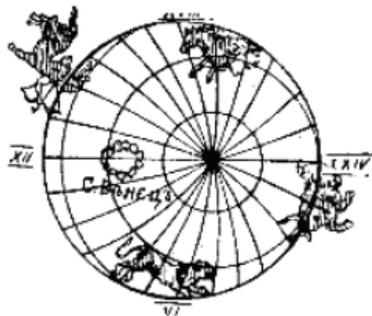
И имели они, как бы на каждого из себя, по шести крыльев (*по шести крыловидных полос – часов прямого восхождения неба*), расположенных круговидно, а внутри себя и около [23] они полны очей – **звёзд** – и ни днём, ни ночью не имеют покоя, восклицая **своим мерцанием**:

– Свят, свят, свят, властелин наш бог всемогущий, тот, кто был, есть и будет!

И в то время, как животные четырёх времён года прославляют и превозносят сидящего на Троне и благодарят его, живущее го в веках веков, – тогда двадцать четыре старца – **часа поочерёдно** преклоняются перед ним, – **опускаются к горизонту при каждом суточном обороте неба**. Они воздают хвалу живущему в вечности и каждые сутки повергают созвездие Венца перед Троном[24]. И говорят этим **старцы-часы**:

– Достоин ты, наш властелин, принять почёт и славу и могущество. Всё сделано тобою, всё возникло и существует по твоей воле.

Рис. 17. Северный Венец, Крылья Неба и крестообразное расположение по эклиптике че-

тырёх животных Иоанна.

Рис. 18. Созвездие Льва, где Солнце бывает перед началом осени, по манускрипту Grienberg'er'a 1612 г., хранящемуся в библиотеке Пулковской обсерватории.

Рис. 19. Созвездие Тельца, где солнце бывает перед началом лета, по Grienberg'er'у.

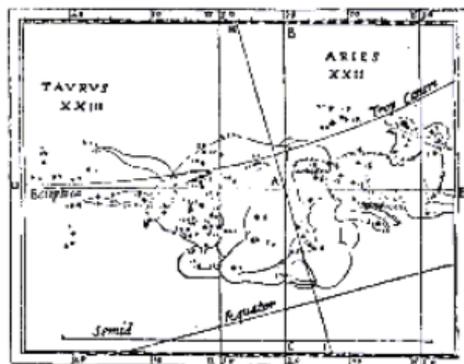

Рис. 22. Созвездия Орла, Дельфина и Антиноя, по Grienberg'er'y.

Глава V

Облачко-барашек пролетает по небу. Гимн звёзд созвездию Овна

В руке сидящего на Троне был свиток папируса[25] – **полоса созвездий Зодиака**, – **исписанный звёздными фигурами** внутри и около и запечатанный семью печатями (*отдельными кучевидными облаками?*) И я видел могучего вестника[26] – **море**, – восклицавшего громким голосом **своих валов**.

– Кто достоин раскрыть этот свиток папируса, снять с него **облачные** печати?

И никого не было ни на небе, ни на земле, ни под землёю, кто мог бы раскрыть этот свиток или рассмотреть его **через облака**. И я (*ждавший в этот день солнечного затмения*) много горевал, что не было никого достойного сделать это. Но один из старцев – **часов**

ЭТОГО ДНЯ – сказал мне:

– Не плачь! Вон созвездие Льва (рис. 23), из племени Исповедания, корень Любви[27] (*предшественник созвездия Девы*). Этот Лев победил тучи и может открыть свиток Зодиака и снять с него семь облачных печатей (*небо стало проясняться со стороны созвездия Льва*).

И вот я увидел – **в белом облачке-барашке** – среди **Четырёх Животных** и Трона и двадцати четырёх старцев-часов как бы золотого Овна, с семью рогами и с семью глазами – **просветами в облаках**, – символизирующими семь вдохновений божества, посланных на всю землю. **Облачный барашек**[28] выступил и принял свиток из рук сидящего на Троне (*подлетел к созвездиям Зодиака*), а животные **четырёх времён года** и двадцать четыре старца-часа в это время обходили[29] небо перед созвездием Овна[30] с цитрами и золотыми сосудами, полными благовоний – **клубящихся золотистых облачков в различных частях неба** – представляющих молитвы непорочных. И они пели Овну новую песню:
Достоин ты свиток таинствен-

ный взять
И тайну печатей с папируса
снять.
За нас оскорблён и замучен ты
был
И кровью своею ты нас искупил.
За это хвалу тебе петь мы при-
шли
От всех языков и народов земли.
Из нас, угнетённых, ты сделал ца-
рей,
И смысл божества ты открыл
для людей;
Где прежде свободен был деспот
один,
Там каждый теперь над собой
властелин.
За это хвалу тебе петь мы при-
шли
От всех языков и народов земли.

И мне представлялись и слышались голоса множества вестников вокруг созвездия Трона и Четырёх Животных и двадцати четырёх старцев, и число их было тысячи тысяч и мириады мириад, говоривших сильными головами:

– Достоин заколотый Овен получить и си-

лу, и богатство, и мудрость, и могущество, и уважение, и славу, и благословение!

И всякое существо, и на небе, и на земле, и на море, и под землёю, и всё, что есть в глубине их, повторяло:

– Сидящему на Троне и Овну хвала и слава и благословение в веках веков. А животные **четырёх времён года** говорили:

– Да будет так!

А двадцать четыре старца-часа обходили [31] **кругом небесного полюса** и преклонялись пред живущим в веках веков.

Рис. 23. Созвездие Льва, ведущего за собою Деву, по Grienberger'у.

Глава VI

Положение планет среди созвездий Зодиака во время грозы 30 сентября 395 года

Ия видел, как Овен снял первую из семи печатей (*т. е. освободилось от облаков со стороны Овна, по-видимому, созвездие Стрельца*) и одно из четырёх животных проговорило мне как бы голосом грома:

– Иди и гляди!

Я сообразил[32] положение звёзд, и вот в том самом месте и находился (*по астрономическому расчёту*) ярко-белый конь[33](**Юпитер**), а у сидящего над ним (**Стрельца**) был лук и дан ему Венец, и вышел он, победоносный, чтобы победить (рис. 24).

Когда Овен снял другую печать (*т. е. освободилось от облаков, по-видимому, созвездие*

Персея), второе животное проговорило:

– Иди и гляди!

И ушёл туда, по другую сторону, огненно-красный[34] конь, **Марс**, и сидящему над ним (**Персею**) предоставлено снять мир с земли, чтобы люди убивали друг друга, и дан ему большой меч (рис. 25).

Когда Овен снял третью печать (*с созвездия Весов*), третье животное проговорило:

– Иди и гляди!

Я взглянул, и вот в том самом месте и находился тёмный конь (*невидимый в те дни Меркурий*)[35], и у сидящего над ним (рис.26) были в руке **Весы**[36]. И я слышал шум **ветра** посреди Четырёх Животных, говорящий (*планете торговли – Меркурию*):

– Дневная порция хлеба за динарий[37] и за динарий же три дневных порции ячменя! Но не вреди ни маслу, ни вину![38]

Когда Овен снял четвёртую печать, я услышал звук (*грома*) от четвёртого животного (*созвездия Пегаса*), проговоривший:

– Иди и гляди!

Я взглянул (на открывшееся от облаков новое место зодиакальной полосы), и вот там

находился мертвенно-бледный[39] конь (*зло-вещая планета Сатурн*), а поднимающемуся [40] на него имя смерть (**Скорпион**, рис. 27), и подземное царство следовало за ним (Стрелец, Козерог, Водолей и обитатели морских бездн, Рыбы), и дана им[41] власть над **прикрываемой ими юго-восточной** четвертью земли, чтоб умерщвляли там людей мечом и голодом, и мором, и зверями земными.

Когда Овен снял пятую печать, я увидел (*в кудрявых облаках?*) у подножья Жертвенника (рис. 28) души погубленных за божью науку и за возвешение истины, и возопили они громким голосом (*вероятно, жалобным порывом ветра*):

– До каких пор не будешь ты, святой и справедливый господин наш, судить и карать живущих на Земле за нашу пролитую кровь?

И были даны каждой из них белые **облачные** одежды, и сказано, чтоб успокоились ещё на небольшое время, пока братья и сотрудники их, которые будут убиты, не дополнят надлежащего числа.

Когда Овен снял шестую печать, раздался **первый** удар землетрясения[42], и солнце (за-

крывшееся грозовой тучей) стало мрачно, как чёрный волосяной мешок[43], и вся луна как пятно крови (*от предполагаемого автором затмения 30 сентября 395 года*)[44], и небесные звёзды, **казалось**, посыпались на землю как будто смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняла свои ещё незрелые плоды.

И часть небесного свода отделилась[45], свернувшись, как свиток, **в виде грозовой тучи**, и всякая гора и сам остров сдвинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и полководцы, и богатые и сильные, и свободные, и рабы укрылись в пещерах и под скалами гор и говорили горам и скалам.

– Обрушьте на нас и скройте нас от лица сидящего на Троне и от гнева Овна, потому что пришёл великий день его гнева[46], и кто может устоять?

Рис. 24. Положение Юпитера и Южного Венца 30 сентября 395 года в созвездии Стрельца (фигуры созвездий предполагались на более высокой сфере, чем сфере планет).

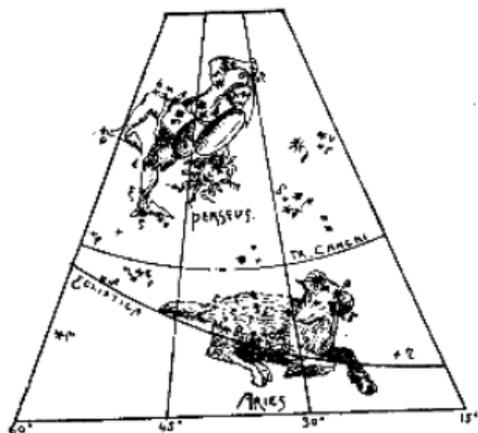
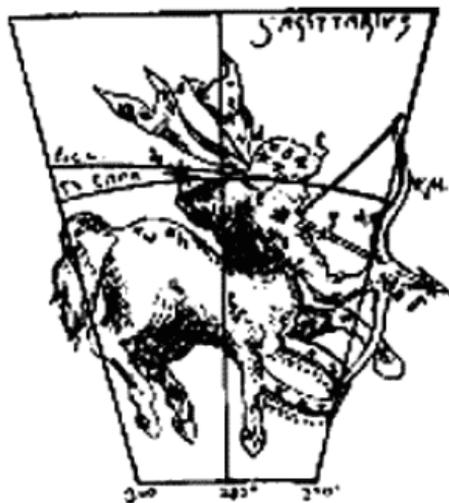

Рис. 25. Марс 30 сентября 395 года в середине Овна под мечом Персея.

Рис. 26. Положение невидимого Меркурия в Весах 30 сентября 395 года.

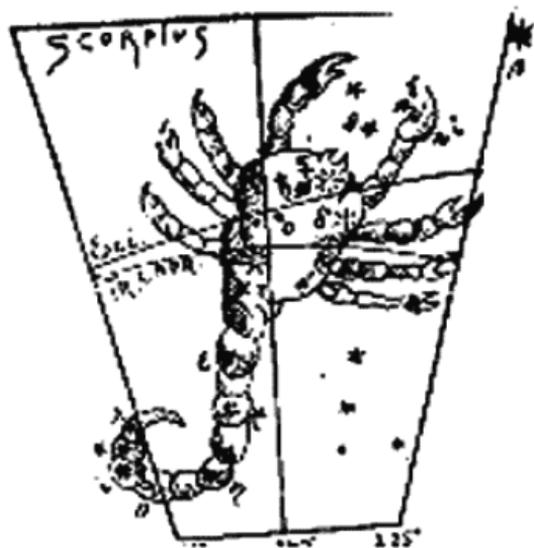
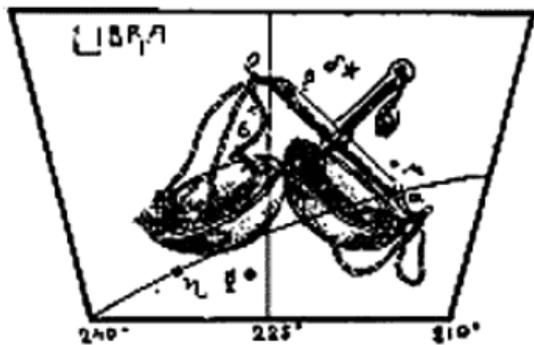

Рис. 27. Сатурн близ челюстей Скорпиона, в его головогруды, 30 сентября 395 года.

Рис. 28. Созвездие Жертвенника на южном горизонте Патмоса.

Глава VII

**Картина мёртвого затишья перед
надвигающейся грозой после
первых резких и коротких порывов
урагана**

После этого я увидел (в новых облаках на горизонте?) четырёх ангелов (древнегреческих эолов), стоящих на четырёх углах Земли и удерживающих четыре ветра, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на ка-

кое-либо дерево.

И я видел, как иного рода вестник (*Созвездие Пегаса* рис. 29), поднимался со стороны солнечного восхода[47]. Он имел на себе печать живого бога, и воскликнул он сильным звуком (*подземными гулом землетрясения*) к четырём ангелам, получившим власть нанести вред и земле и морю:

– Не вредите ни земле, ни морю, ни деревьям, пока мы не наложим **облачных** печатей на лица слуг нашего бога – **небесных светил**. И я слышал число запечатлённых. Их было 144 тысячи из всех двенадцати домов детей богоборца[48].

Из дома Вероисповедания (созвездия Стрельца) – 12 000.

Из дома Провидения (созвездия Овна) – 12 000.

Из дома Удачи (созвездия Тельца) – 12 000.

Из дома Благополучия (созвездия Водолея) – 12 000.

Из дома борьбы (созвездия Рыб) – 12 000.

Из дома Правосудия (созвездия Весов) – 12 000.

Из дома Послушания (созвездия Девы) –

12 000.

Из дома Объединения (созвездия Близнецов) – 12 000.

Из дома Вознаграждения (созвездия Козерога) – 12 000.

Из дома Прочности (созвездия Рака) – 12 000.

Из дома Приращения (созвездия Льва) – 12 000.

Из дома Смерти[49] (созвездия Скорпиона) – 12 000.

Я мысленно взглянул после этого **на небо**. Там находятся (*в виде звёзд*) многочисленные скопления[50], которых никто не мог сосчитать, из всех народов и поколений, племён и языков. Они стоят перед **созвездием** Трона и перед Овном в светлых одеждах и с пальмовыми ветками (*из перистых облаков?*) в руках. И восклицали они громкими голосами (*ветра?*):

– Да здравствуете наш бог, сидящий на **Троне**, и Овен!

И все гонцы **надвинувшейся** грозы остановились вокруг **Трона** и старцев-часов и Четырёх Животных и, упав пред ними на свои

лица, преклонились перед богом (*грозовая туча завернулась передним концом вниз*), говоря этим:

– Да будете так! Хвала и слава, мудрость и могущество, благодарность, почёт и сила нашему богу, в веках веков. Да будет так!

И, обратившись ко мне, один из старцев-**часов того дня** – спросил меня:

– Кто эти существа, одетые в светлые одежды? Откуда они пришли?

– Тебе лучше знать, мой властелин, – ответил я.

– Это те, – сказал он мне, – которые пришли **на небо** после великих страданий. Они омыли свои одежды в крови Овна и этим сделали их светлыми. Зато они находятся теперь перед **Троном бога** и воздают ему хвалу день и ночь в его жилище, и сидящий на Троне прикроет[51] их лазурным шатром своим. Они не будут более ни голодать, ни жаждать. Ни солнце, ни зной уже не будут палить их. Их будет пасти Овен, находящейся среди небесного престола. Он будет водить их на живительные источники вод (*к ежедневному закату – омовенью в Реке-Океане*), и отрёт бог

всякую слезу с их глаз.

Рис. 29. Созвездие Пегаса по Флемстиду.

Глава VIII

Первые ливни грозы с громом и молниями

После того, как Овен снял с небесного свода седьмую **облачную** печать, продолжалось безмолвие на небе как бы с полчаса. И я уви-

дел семь новых гонцов бури, стоявших перед богом с семью трубами в руках (рис. 30).

И пришёл другой посланник (*созвездие Змееносца?*) и встал над созвездием Жертвенника[52] (рис. 31) **на южной части горизонта** с золотой кадьницей – **грозовой тучей**. И было ему дано много благовонных курений **из белых клубистых облаков**, чтобы он возложил их на золотой Жертвенник перед Тронном.

И поднимался дым благовоний – молитв святых от лица посланника перед богом. Затем посланник взял свою кадьницу-тучу, наполнил её огнём с созвездия Жертвенника и бросил на землю. И произошли молнии и громы, и звуки, и **второй** удар землетрясения.

И семь гонцов **бури** с трубами приготовились трубить.

Первый гонец протрубил, и произошли град и огонь, смешанные с кровью (*блеснула алая, как кровь, молния*). Они упали на землю, и третья часть деревьев и вся зелёная трава были опалены (*озарились кровавым блеском этой молнии*)[53].

Второй гонец протрубил, и как бы большая

гора огня (*в виде отблеска молнии, ударившей за завесой дождя*) упала на море. И третья часть моря стала как кровь (*от блеска этой молнии*), и третья часть всех одушевлённых тварей, живущих в море, и третья часть плывущих судов, **казалось**, были повреждены.

Третий гонец протрубил, и упало с неба большое **молниеносное** светило, горящее как факел, на третью часть рек и водных источников суши. Полынь имя ему, потому что третья часть пресных вод **острова** сделалась к этому времени горька как полынь (*от нагнанной бурей морской воды*)[54], в знак того, что многие из людей умерли от вод, которые стали горьки.

Четвёртый гонец протрубил, и поразил он (*предполагаемым за тучами затмением*) третью часть Солнца и третью часть Луны, и скрылась во мрак третья часть звёзд, и потерял день третью часть своего света и стал подобен ночи[55]. И видел и слышал я тогда одного орла[56], летевшего посреди неба и говорившего могучим криком:

– Уай, уай, уай! – т. е. горе, горе, горе живущим на земле от трубных звуков трёх гонцов,

которые должны трубить после этого!

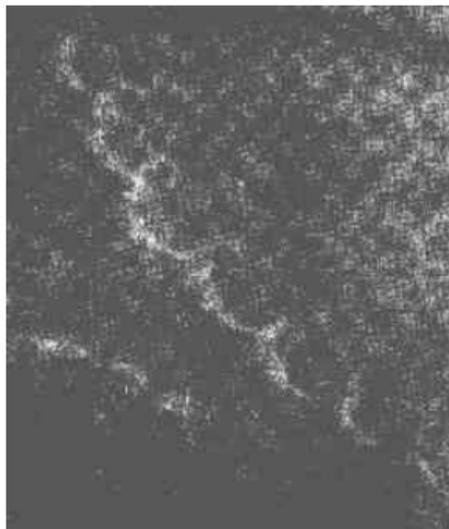

Рис. 30. Трубные гонцы бури.

Глава IX

Картина взволнованного грозою моря

Пятый гонец протрубил, и я увидел новый светоч грозы, повергшийся с неба на землю. Он владел ключом от источника морской

бездны, и получила свободу морская бездна и задымилась от брызг и всплесков как дымом от огромной печи. И дневной свет [57], и воздух помрачились от этого дыма, и выходила из него на берег бесчисленная саранча морских валов [58]. И дано было ей могущество на море, каким обладают скорпионы на суше (*волны неслись от созвездия Скорпиона*, рис. 32).

И было повелено валам не делать вреда ни травам, ни деревьям, ни какой-либо зелени на берегу (так как они растут далеко от морского прибоя), а только тем, которые (*подобно прибрежным валунам*) не имеют на своём челе печати божества. И дана им власть не умерщвлять, а только истязать их в продолжение пяти предстоящих, бурных месяцев (октября, ноября, декабря, января и февраля) [59]. А истязание их похоже на истязание Скорпиона, когда он жалит человека ударом своего в хвоста. В те дни люди (*на море?*) будут призывать смерть и не найдут её, захотят умереть, но смерть убежите от них.

По виду своему эта саранча морских валов подобна коням, снаряжённым на войну. Их

головы увенчаны гребнями, как будто золотыми венцами, а лбы их – как лбы людей. Их гривы пены развевались, как волосы у женщин, а зубы их могучие, как у львов. На них были как бы стальные брони (*от металлического отблеска волн под грозowymi тучами*), и шум их крыльев был как гром от колесниц, когда множество коней скачут на войну. Хвосты их – всплески волн – были, как хвосты у скорпионов, с остриями на своих вершинах. Во все пять зимних месяцев дана была им власть наносить вред людям.

И царствовал над ними (*направлял с горизонта на берег*) дух морской бездны – созвездие Скорпиона, – имя которому по-еврейски Губитель[60], а по-гречески – Истребитель.

Прошло это горе, и вот идут ещё два новые бедствия!

Шестой гонец грозы протрубил, и я услышал голос, исходящий из четырёх рогов золотого Жертвенника (рис. 31 и 32), стоящего перед богом. И он сказал шестому трубному гонцу:

– Освободи четырёх посланников (*всех четырёх ветров бури*, рис. 33)[61], удерживае-

мых на востоке над великой рекой Евфратом.

И освободились четыре посланника, снаряжённые на тот час, день, месяц и год, для того чтоб истребить третью часть людей.

Число конного войска валов было двести миллионов. Я слышал это число (*в их грохоте*) и видел созерцательно (*в волнах, засверкавших вдруг от лучей проглянувшего между туч солнца*) всадников и коней, имеющих на себе световые брони огненные, лиловые и жёлтые, как сера[62]. Головы коней походили на головы львов, а из пастей их выходили огонь отражённых солнечных лучей, дым брызг и сера жёлтой мути, и от них, казалось мне, погибла третья часть людей, потому что сила этих коней заключалась в их пастьях и хвостах. Хвосты же их извивались подобно змеям, а головами своими они наносили удары.

Оставшиеся же (*символизируемые в качающихся от ветра травах?*) люди, не умершие от этих бедствий, не раскаялись в делах рук своих и не перестали преклоняться перед духами умерших[63], перед золотыми, медными, серебряными, каменными и деревянными

ми изображениями, не могущими ни видеть, ни слышать, ни ходить. И не раскаялись ни в своих убийствах, ни в своих шарлатанствах, ни в безнравственности, ни в обманах своих.

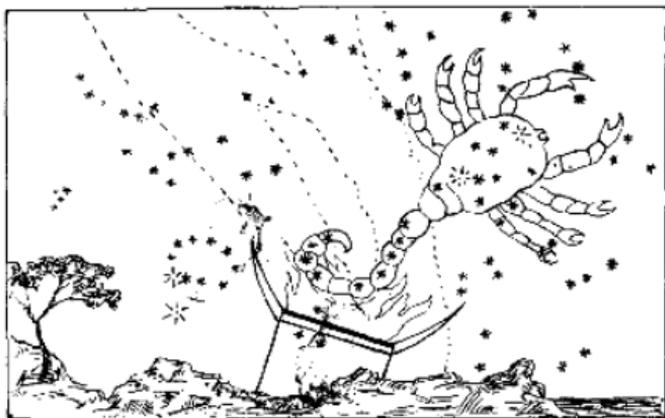

Рис. 32. Созвездия Скорпиона и Жертвенника на Патмосском горизонте вечером 30 сентября 395 года.

Глава X

Первая мимолётная радуга. Буря бросает Иоанну кусок горькой коры

И я видел другого могущественного гонца, не принадлежащего к числу семи и спускающегося с неба в облачной одежде[64]. Над головой его была радуга, и солнце, появившееся на миг среди туч, было напротив его[65], а ноги его как огненные колонны.

Он обладал[66] куском развёрнутой коры (*нёсшейся по волнам?*)[67]. И поставил он свою правую ногу на море, а левую на землю (рис. 34) и крикнул громовым голосом, как рычит лев, и семь раскатов грома проговорили голосами своими.

Я хотел было записать значение их слов, но услышал голос с неба (*дополнительный удар молнии?*), сказавший мне:

– Скрой, что говорили семь раскатов грома (*предназначенного, как увидим далее, земным царям*)[68]. Не пиши этого!

А гонец, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял свою руку к небу и клялся вечноживущим, соорудившим и небо, и землю, и море, и всё, что есть на них и в них, что ничего временного уже не будет более, но что в те дни, когда раздастся голос седьмого гонца, собирающегося трубить, исполнится божественная тайна, о которой сообщал он своим слугам, провозвестникам истины (*т. е. Иисус сойдёт с неба и, поразив своим мечом всех земных царей, сам будет царствовать вместо них на земле, гл. 11, ст. 15 и гл. 19, ст. 18*).

И голос бури, который я слышал в небе, опять заговорил со мною и сказал мне:

– Подойди к берегу и возьми там кусок коры, развёрнутой[69] рукою посланника, стоящего на море и на земле.

И я выступил перед гонцом, говоря ему:

– Дай мне эту кору!

И он ответил мне:

– Возьми и съешь её. Будет горько в твоём

желудке, но во рту твоём она будет сладка, как мёд[70].

И я взял кору из руки гонца и съел её. Она была сладка, как мёд, во рту моём, но когда я проглотил её – горько стало в моём желудке.

– Тебе снова придётся, – сказала она мне своей горечью, – восстать в своих пророчествах на племена, народы и наречия и на множество царей.

Рис.34. Облачный вестник с радугой над головой.

Глава XI

Море выбрасывает Иоанну тростниковый стебель. Картина борьбы двух чаек с ураганом. Появление новой радуги

И передан мне морем тростник[71], подобный посоху, а гонец в облачной одежде уже вступил[72] в море, говоря мне:

– Подбери его и измерь им потом (*по-видимому, на размерах патмосского пшеничного [73] поля*) жилище бога – небо и созвездие Жертвенника и исчисли преклоняющихся в божьем жилище – звёзд. А проходное место [74] внутри жилища бога – Землю – исключи и не измеряй, потому что она отдана во власть толпищам. Они будут презирать святую крепость-небо – в продолжение сорока двух месяцев (1260 дней, до воскресенья 13

марта 399 года, когда, по вычислению автора, должен был придти на Землю воскресший из мёртвых Иисус). Но я дам власть двум провозвестникам моим пророчествовать в эти 1260 дней[75] в их белых накидках-безрукавках[76]

Вон они, эти две мои оливочки, два светоча (*вероятно, две береговые чайки*), избравшие своё жилище перед властителем Земли. Если кто захочет их обидеть, огонь изойдёт из их уст (*блеснула молния?*) и пожрёт врагов их, так что обидчику их надлежит быть убиту. Вон они[77] имеют власть затворять небо (*ливень пронёсся дальше?*), чтобы не шёл дождь во время их провозвестничества, могут делать воды кровавыми (*новым отблеском алой молнии?*) и могут поражать землю всякой язвой, как только захотят.

Когда же они исполнят своё провозвестничество, зверь, выходящий теперь из морской бездны (*в символах новой грозовой тучи*), сразится с ними, и победит, и убьёт их. И вон они упали и лежат как мёртвые на дорогах Великой твердыни (*большой прибрежной скалы*), которая духовно обозначаете собою тот Содом

и Египет, где и Христос был распят[78].

И будут смотреть на их трупы множество народных скопищ и толп, племён и языков (символизируемых волнами бушующего Средиземного моря, как говорит далее сам автор в гл. 17, ст. 15) в продолжении трёх с половиною[79] оборотов солнца, и не позволят положить их в гробницы (спрятаться в залитые водою гнёзда на обрыве утёса?) А живущие на суше будут радоваться и веселиться этому (береговые травы кланялись друг другу, качаемые ветром?) и будут посылать дары друг другу, потому что эти два провозвестника терзали живущих на суше (помяли травы своим падением?)[80].

Но вот после трёх сроков с половиною вошёл в них дух жизни божьей (чайки очнулись?). Они встали на свои ноги, и великий страх напал на смотревших на них (травы приникли к земле от сильного порыва ветра?)

И услышали они громовой звук с неба, говорящий им:

– Подымитесь сюда!

И поднялись они в облака, в небо, и смотрели на них враги их – волны и тучи.

И в тот же миг раздался сильный третий удар землетрясения, и десятая часть твердыни-утёса – обрушилась, и погибло при этом крушении семь тысяч трав, подобий[81] человеческих, а на остальных напал страх (*все приникли к земле от нового порыва урагана*) и воздали хвалу богу неба[82].

И вот затрубил седьмой гонец бури (и вместе с ним солнце снова выглянуло из туч), и раздались в небесах могучие звуки, говорящие:

– Отныне Царство Мира стало царством самого нашего властелина и его посвящённого, и будет он царствовать в веках веков!

А двадцать четыре старца-часа, сидящие на тронах вечности перед богом, падали на свои лица и преклонялись перед богом, говоря ему:

– Благодарим тебя, властелин наш, бог всемогущий, который был, есть и будет: ты принял свою великую власть, и сам воцарился на Земле. Возмущены народы несправедливостями, и пришёл час твоего гнева, и время судить мёртвых, и вознаградить твоих слуг, провозвестников и непорочных, и всех почи-

тающих твоё имя, больших и малых, и погубить губящих землю.

И раскрылся между туч голубой шатёр божий на небе, и появилась радуга, хранительница[83] обещания бога Ною, что не будет более потопа от дождей, и произошли молнии и громы, и шум, и большой град.

Глава XII

Картина Солнца в созвездии Девы. Новая борьба туч

И появилось на небе среди туч новое знаменье великое и чудное: женщина, одетая Солнцем (рис. 35). Внизу ног её была Луна, а над головой её висел венок из двенадцати звёзд – созвездие Волос Вереники[84]. Она была беременна (*наполнявшим её клочком тучи*) и рыдала, как от мучений, сопровождающих роды (*капли дождя, вызвавшие с противоположной стороны радугу, падали между солнцем и Иоанном, как яркие слезинки плачущей Девы*).

И вот, пока она готовилась к родам, явилось на небе другого рода знаменье. Вон большой бурый семиглавый дракон (*уродливая извивающаяся туча в созвездии Змея у ног девы*,

рис. 35) с десятью рогами. На головах его семь корон (*т. е. облачков в созвездии Северной Короны*), а хвост его захватил третью часть звёзд и увлекал их вместе с собою, к закату на Землю.

Дракон этот стал перед женщиной, которой надлежало родить, и хотел пожрать её младенца (*заслонить собою освобождавшиеся от туч со стороны Девы созвездие Геркулеса*), как только она родит его[85].

И появился на свет из-за туч Могучий[86] Сын (Геркулес, рис. 36), который должен пасти всех змей[87] железной дубиной. И медленно шествовало[88] дитя её перед богом и его Троном, а женщина убежала за облака в пустыню небесного пространства, где находилось среди созвездий Зодиака место, приготовленное для неё богом, чтоб содержали её там ещё 1260 дней (*т. е., до 13 марта 399 года*).

И вот произошла в небе война (*между тучами, стремившимися друг на друга*). Богоподобный солнечный[89] лик и его светлые, облачные вестники воевали против Дракона (*неслись на это созвездие в вышине*), а Дракон

и его мрачные, грозовые гонцы воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже им места на небе.

И повернулся в это время вниз (*прошёл через меридиан*) большой Дракон (рис. 37), древний змей, называемый клеветником[90] и преградителем[91], обольщение всей обитаемой Земли, начал опускаться в своём суточном вращении к горизонту вместе с гонцами своими.

И услышал я могучий голос ветра, звучащий в небесах:

– Настало избавленье! Настали власть и царство нашего бога и торжество его Посвящённого! Низвержен предатель наших братьев, клеветавший на них перед богом дни и ночи. Но они победили его кровью Овна и тем, что возвещали истину, не жалея душ своих, до самой смерти. Радуйтесь же, небеса и все живущие на них! Но горе находящимся на земле и море! К вам сошёл предатель в страшной ярости за то, что мало времени осталось ему жить!

Когда Дракон увидел, что уже спускается на землю, он последовал за Девой, производ-

шей на дневной свет Могучего Сына – Геркулеса. Но были ей даны два крыла большого орла (рис. 38), и улетела она от лица Змея на своё место в пустыне небесного пространства, чтобы жить там в продолжение одного годичного срока, двух сроков[92] и полусрока (*т. е. те же 1260 дней*). И извергнуло созвездие Змея[93] из своей пасти потоки дождевой воды (рис. 39) вслед за женщиной, чтобы смыть её водою, но Земля помогла ей. Она раскрыла свои поры и поглотила потоки, выброшенные Змеем из своей пасти. И расสวิрепел Дракон на Деву и ушёл за тучи, чтобы приготовиться к войне с остальными её детьми, соблюдающими божественные заветы, и с провозвестниками Иисуса-Посвящённого.

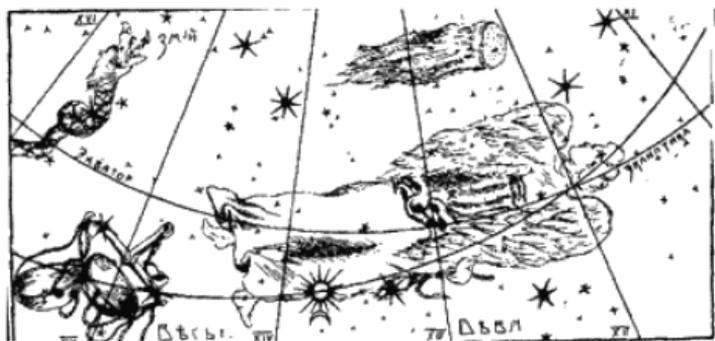

Рис. 35. Солнце и Луна в ногах созвездия Девы 30 сентября 1395 года. (Луна для ясности)

обозначена несколько ниже солнца.)

Рис. 36. Созвездие Геркулеса, избивающего змей дубиной. (По манускр. Grienberg'er'a, в Пулк. обсерв.)

Рис. 37. Созвездие Дракона, по манускрипту Grienberg'er'a.

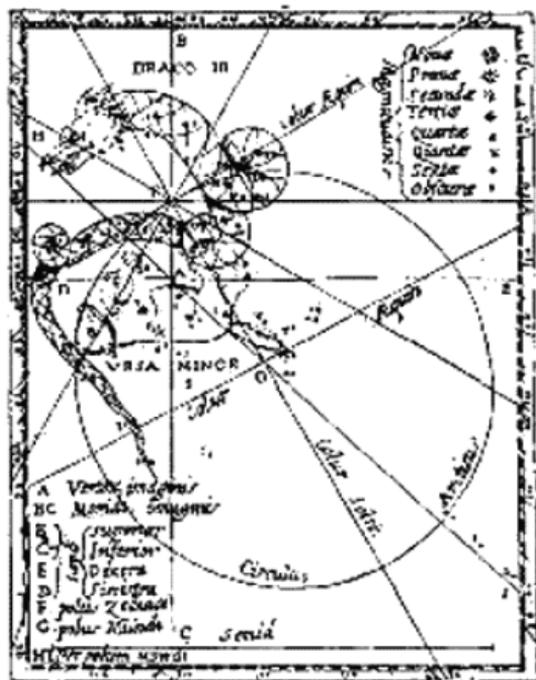

Рис. 38. Созвездие Девы, по манускр. Grienberger'a.

Глава XIII

Дальнейшее описание чудовищной тучи с семью головами и другой, двурогой тучи, священнодействующей перед нею

Я стал на морском песке, чтоб рассмотреть зверя, выходившего из моря (в виде чудовищной грозовой тучи), с семью головами и десятью рогами (рис. 39). На рогах его были десять корон, а над головой его эмблема[94] богохульства (*поднявшаяся к небу голова созвездия Змея?*)

Зверь, которого я видел в облаках, был похож в действительности на барса, его ноги как у медведя, а пасть его как у льва (*контур Византийско-Римской империи, рис. 41*). И дал ему Дракон свою силу и трон, и великую власть. И я видел, что одна из голов его была как бы смертельно ранена, но эта смертельная рана исцелилась (*туловище зверообразной тучи приблизилось к оторванной голове*). И вся земля дивилась этому зверю. И преклонялись люди (*символизируемые в качающихся от ветра травах?*) перед ним и перед Драконом, давшим ему власть, говоря:

– Кто подобен этому зверю и кто может с ним сразиться?

Ему были даны уста, говорящие гордо и кощунственно, и власть вести войну сорок два месяца (*те же самые 1260 дней до воскресенья*

13 марта 399 года)[95]. И он открыл свои уста, чтобы клеветать на бога и позорить его славу [96] и его жилище – небо (*на которое, вероятно, взбиралась туча с громовым ударом по созвездию Жертвенника*) и тех, кто обитает в нём. И было ему позволено вести борьбу с чистыми душою и победить их. И дана ему власть над всеми племенами и народами, над всеми языками и наречиями (*символизируемыми в волнах Средиземною моря, см. гл. 17, ст. 15*). И будут падать ниц перед ним все живущие на земле (*как травы, пригнувшиеся от ветра перед тучей*), имена которых не записаны в книге жизни у Овна, заколотого в своём созвездии при создании вселенной[97].

У кого есть уши, пусть слышит: кто ведёт в плен, сам попадёт в плен, кто убивает мечем, тот должен быть сам убит мечом! В этом коренится терпенье и надежда любящих правду.

И увидел я нового зверя (*символ государственной церкви*), выходящего (в виде другой уродливой тучи) со стороны суши. У него были два рога, похожие на рога Овна (рис. 42), но говорил он, как Дракон (*ударом молнии из*

этого созвездия?), и приобрёл для себя такую же власть, как и первый зверь-империя, и заставляя всю Землю и живущих на ней (в символе кланяющихся от ветра полевых трав) преклоняться перед первым зверем, у которого зажила на голове смертельная рана. Этот двурогий зверь производит великие чудотворства, даже огонь низводит с неба (в молниях?) на Землю перед людьми, вводит в заблужденье живущих на земле чудотворствами, которые производит перед первым зверем, побуждая живущих на Земле поклоняться изображению зверя, имевшего на голове рану от меча и исцелившегося от неё.

И было ему позволено наделить дыханьем изображение зверя (от которого пронёсся теперь сильный порыв ветра), и чтоб заговорило оно (ударами грома?), и чтоб были убиты (молниями, ударившими по неподвижным вершинам острова?) те, кто не преклоняется перед изображением зверя.

И вот Зверь (т. е. Византийская империя IV века, символизируемая звероподобной тучей) постановляет теперь [98], чтобы всем, большим и малым, богатым и бедным, свободным

и рабам, выдавали особые значки (по исследованиям Ньютона – кресты)[99] для ношения их на правой руке или на голове, чтоб не сме- ли ни покупать, ни продавать (как повелева- ет эдикт имп. Феодосия 395 года) все те, кто не имеет на себе этого значка зверя или его имени (латинский) или числового изображе- ния – суммы букв – его имени.

?=30

?=1

?=300

?=5

?=10

?=50

?=70

?=200

Сумма = 666

(Сумма числовых значений для букв грече- ского слова ???????? (латинский))

Здесь мудрость: у кого есть ум, сосчитай число зверя, потому что оно доступно челове- ку. Число это шестьсот шестьдесят шесть.

Рис. 40. Туча-зверь с семью головами-смер- чами и десятью отрогами (виденная мною в Швейцарии).

Рис. 41. Византийско-Римская империя конца IV века. Голова-Испания, как у льва, ноги – Италия и Греция, как у медведя (по Птолемею).

Рис. 42. Двурогий зверь.

Глава XIV

**Восхождение созвездия Овна.
Восторженное ожидание тихой
звёздной ночи после грозы и
землетрясения. Кровавая полоса
вечерней зари**

Я взглянул, и вот Овен стоит над Надгробным Холмом[100] (рис. 44), и за ним следу-

ют 144 тысячи звёзд, на лицах которых написана слава его отца. И слышался мне в грохоте моря и вое бури голос с неба, как шум множества волн, как звук могучих громов; и слышалась мне в таинственной мерцании первых появляющихся звёзд как бы музыка арфистов, играющих на своих арфах. Они поют свою новую песню-гимн Овну[101] перед созвездием Трона и перед Четырьмя Животными и перед Старцами-часами дня и ночи. И никто не мог научиться этой песне, кроме тех 144 тысяч неземных. Они девственно чисты душою и потому следуют за Овном, куда бы он ни шёл (*в своём суточном круговращении по небесному своду*). Они искуплены из среды людей в дар богу и Овну. В устах их нет обмана, они безукоризненны перед богом.

И увидел я иного рода вестника (*вероятно, голубя или ласточку*), летящего посредине неба с вечным благовествованием, возвещающая добрую весть окончания грозы всем живущим на земле народам и племенам, наречиям и национальностям. И говорил он громким голосом:

– Почитайте бога и хвалите его, потому что

наступил час его суда. Преклонитесь перед устроившим небо и землю, и море, и водные источники.

И другой вестник следовал за ним, восклицая:

– Пала, пала великая твердыня – Врата господни[102](*государственная церковь*), пала за то, что возмутительным вином своей безнравственности она напоила (*в обряде причащения?*)[103] все народы.

И третий вестник промчался за ними, говоря могучим голосом:

– Кто преклоняется перед зверем-империей и его изображением и принимает его знак (крест) для ношения на правой руке или на голове, тот будет пить вино божьего возмущенья, приготовленное без примеси в Чаше его гнева (*Созвездие Чаши зашло в это время в огненной полосе вечерней зари*). И будут мучить его огнём и горящей серой (*символизируемыми в оттенках загоревшегося заката*) перед непорочными вестниками и Овном. И дым от их мучений будет восходить в века веков. И не будут иметь покоя ни днём, ни ночью преклоняющиеся перед зверем и его

изображением и принимающие на себя знак принадлежности ему. В этом причина терпения непорочных, соблюдающих веления бога и веру в Иисуса!

И я слышал небесный голос, говоривший мне:

– Напиши: отныне счастливы те, кто умирает, сохранив божественные заветы. Да! говорит вдохновенье, они успокоятся от трудов своих, и дела их пойдут вслед за ними!

Я взглянул на запад, и вот там светлое облако, а на облаке сидит заходящее Солнце, подобие сына человеческого, с золотым венцом лучей на своей голове и с острым серпом новорожденной[104] Луны в руке.

И другой лёгкий, облачный вестник вышел из жилища бога-неба и воскликнул громким голосом сидящему на облаке:

– Опусть свой серп и соверши жатву. Наступило её время, потому что пшеница созрела на пашне *(за которой заходила серповидная луна)*. И опустил сидящий на облаке свой серп-луну – на Землю, а на Земле была уже совершена жатва.

И иного рода вестник *(созвездие Волопаса,*

рис. 45) вышел из жилища бога на небе тоже с острым серпом в руке, а ещё другой вестник, имеющий власть над огнём, пришёл (в виде тучки, окрашенной зарёю в огненные цвета) от созвездия Жертвенника и закричал он громким голосом вестнику с серпом (*спускавшемуся за виноградником Волопасу*):

– Опусти свой острый серп и обрежь гроздь винограда на Земле, потому что они созрели!

И опустил вестник свой серп на Землю, и как бы срезал на поле кисти винограда, и бросил его в великое корыто божьего гнева (*кровавую полосу вечерней зари, на которой обрисовывались тёмные силуэты растений виноградника*), и потоптал ногам и (рис. 46 и 47) это корыто, находящееся вне обитаемого места, за окраиной Земли, и разлилась через край кровь вечерней зари из корыта-горизонта на тысячу шестьсот стадий до самых Конских Узд (*группа звёзд в созвездии Возничего, находившегося тогда на севере, рис. 46 и 47*).

Рис. 44. Восхождение созвездия Овна.

Рис. 45. Созвездие Волопаса с его серпом (по манускрипту Grienberger'a).

Глава XV

Первые крупные звёзды появляются на восточной потемневшей части неба

Ия видел над собою[105] как бы стеклянное море, смешанное с огнём зари, а те, кто остался победителем зверя-империии его изображения в туче, и его пометки (креста), и числа имени его, стояли на этом стеклянном море в виде звёзд с цитрою бога[106](*созвездием Лиры, рис. 48, находившимся в зените?*).

Они пели гимн божьего служителя Моисея. («Внимай, небо: я буду говорить. Слушай, Земля, слова уст моих. Польётся, как дождь, ученье моё, как роса, будет речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву. Имя властелина прославляю, воздайте хвалу богу нашему. Он твердыня, и совершенны все

дела его... бог верен и нет неправды в нём»)
[107].

И они пели гимн Овна:

*Велики и чудны деянья твои,
Могучий властитель миров!
Твои справедливы и верны пути,
Ты вождь всех за правду борцов!
Кто славы тебе не воздаст на
Земле,
Твой путь не признает святым?
Сольются народы в могучей хвале
Предвечным законам твоим!*

И вот раскрылась в небе внутренняя часть голубого шатра свидетельства (*мелькнули первые крупные звёзды*), и появились на западе семь новых облачных посланников с семью последними наказаньями – ливнями дождя.

Они были одеты в светлые и чистые льняные одежды и опоясаны по грудям (*от отблеска вечерней зари*) золотыми поясами. И одно из четырёх животных (*созвездие Стрельца*)[108] дало им семь золотых облачных чаш, полных возмущением вечного бога. И наполнилась обитаемая звёздами часть жилища

бога дымкой, затуманилась от славы божьей и силы его, и никто не мог проникнуть вовнутрь неба, пока не окончатся семь наказаний этих посланников.

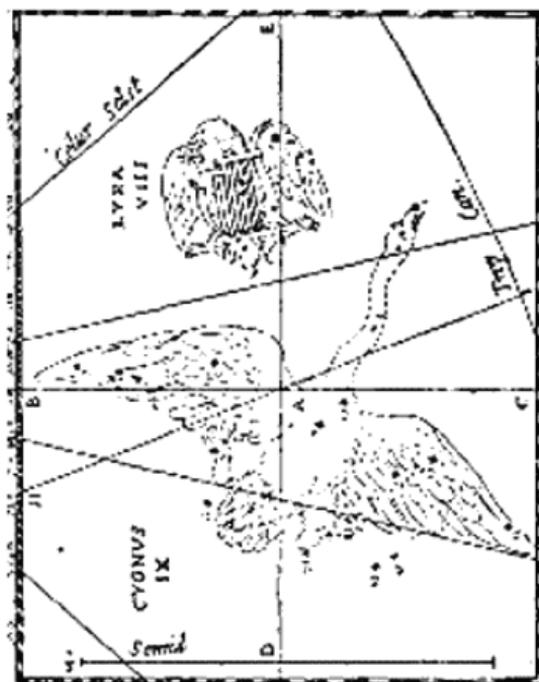

Рис. 48. Созвездия Лебеда и Лиры (по манускр. Grienberger'a, 1612 г.)

Глава XVI

Семь коротких дождевых ливней из тучек, спутниц грозы, пролетевших во время вечерней зари

И увидел я в небе новое знаменье, великое и чудное: семь посланников с семью последними наказаньями, чтоб утолился ими гнев божий[109]. И услышал я громкий голос из обитаемой звёздами верхней части жилища бога, говорящий:

– Идите и вылейте на Землю семь чаш божьего негодованья!

И вышел первый посланник и вылил свою чашу на почву побережья, и появилась скверная и злокачественная сыпь (брызги грязи?) на людях (вероятно, сбежавшихся сюда от страха перед землетрясением), имеющих знак зверя (крест) и преклоняющихся пе-

ред его изображением.

Второй посланник вылил свою чашу на море, и оно стало (*от кровавого отблеска вечерней зари*) как бы кровью убитого, и всякая живая душа почил в море (*заснула до утра*).

Третий посланник вылил свою чашу на реки и источники вод острова, и они тоже стали кровавыми. И услышал я голос вестника вод – журчащего ручейка, – говорившего:

– Ты прав, наш повелитель, который был, есть и будешь непорочен, в том, что постановил такой приговор. Эти люди пролили кровь ищущих правды и провозвестников твоих, и ты назначил им пить кровь. Они достойны этого!

И услышал я (*во всплесках почти успокоившегося моря?*) другой голос от созвездия Жертвенника:

– Да, властелин наш, бог всемогущий, истинны и справедливы твои приговоры.

И вылил четвёртый посланник свою чашу над зашедшим солнцем, и дал ему власть жечь людей в огне вечерней зари. И жёг их сильный жар, и они хулили имя бога, владеющего такими язвами, и не догадались просла-

вить его.

И вылил пятый посланник свою чашу над тронном зверя-императора[110], и стало мрачно его царство *(в сгустившихся сумерках)*, и кусали его подданные свои языки от отчаянья. И проклинали бога небес и за свои бедствия и несчастья, но не раскаялись в делах своих.

Шестой посланник вылил свою чашу над великой рекой Евфратом, и высохла в ней вода, чтобы открыть путь восточным царям *(символизируемыми восходившим из-за Евфрата созвездием Персея, с его приподнятыми мечом)*,

И увидел я, как выходили из уст созвездия Дракона на вершине неба и из пасти зверя *(со стороны Испаши, рис. 41)* и из уст лжепророка *(со стороны Иерусалима?)* три нечистых выдыханья *(тёмные уродливые облака)*, принявшие форму жаб (рис. 49). Это духи языческих богов, творящие чудеса. Они нисходят на земных царей во всей вселенной для того, чтобы вести их на войну против Овна в тот великий день всемогущего бога.

И собрались они на месте, называемом по-

еврейски Сторож благовествования (*созвездие Стрельца, астрологический дом Вероисповедания*).

[Вот иду, как вор! Счастлив, кто не спит и бережёт свою одежду, чтобы не ходить ему потом голым и не видели его неприличия!]

Седьмой посланник вылил свою чашу на воздух (*туча пронеслась без дождя*), и из обитаемой звёздами внутренности небесного шатра раздался от Трона громкий голос:

– Свершилось!

И тут произошли грохот и звуки, и громовые стрелы[111], и большой четвёртый удар землетрясения, какого ещё не было с тех пор, как появились люди на этой Земле. Такой удар! Такой большой! И Великая Твердыня (*прибрежный утёс*) расселась на три части, и свалились поселения народов. И были этим вспомнянуты перед богом великие «Врата господни»[112](*господствующая церковь*), чтобы дал он им пить чашу возмущения и гнева своего.

И весь остров[113], казалось, бросился бежать (*обычная иллюзия от отхлынувшей от берега воды по причине колебания dna*) и при-

брежных высот не стало более. И град камней до полутора пудов весом[114] посыпался с поднебесной высоты на людей (*собравшихся у побережья?*) И ругали люди бога за пораненья от этого града, потому что боль от них очень тяжкая.

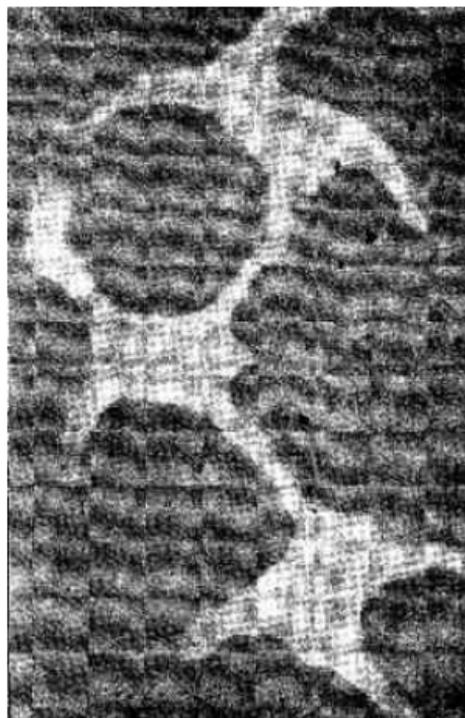

Рис. 49. Облачные жабы.

Глава XVII

Облачный силуэт женщины с чашей на багряном фоне догорающей вечерней зари

И снова выступил на небе один из семи облачных вестников, имевших ранее семь чаш. И стал внушать[115] мне:

– Пойдём, я покажу тебе приговор над великой самопродажницей (*государственной церковью*)[116], сидящей на множестве волн-народов. Её покупали цари земные, и напоены обитатели Земли вином её безнравственности.

И увёл он меня в восторженном состоянии в пустынное место. И увидел я оттуда (*в силуэтах облаков на огненном фоне вечерней зари*) женщину, сидящую на багряном семиголовом звере с десятью рогами, наполненном симво-

лами богохульства (*созвездием Самка Гидры*). И была женщина одета в порфиру и багряницу вечерней зари и украшена золотом и жемчугом и драгоценными камнями. В руке её была Золотая Чаша (*из облаков или на Самке Гидры*, рис. 51), наполненная мерзостями и нечистотами её безнравственности. А на лбу её надпись:

ТАИНСТВО![117]

Великая Твердыня «Врата господни», мать блудников и мерзостей земли!

И я видел, что женщина эта была обагрена (*на в алом фоне зари*) кровью ищущих правды и провозвестников Иисуса, и, рассматривая её, я дивился великим удивлением. Но вестник сказал мне:

– Чему ты удивляешься? Я объясню тебе таинство этой женщины и носящего её семиголового зверя с десятью рогами. Зверь, которого ты видел, был и нет его теперь (*империя уже разделилась между Аркадием и Гонорием*)[118], и должен будет снова выйти из бездны, чтобы пойти на свою погибель. И будут удивляться живущие на Земле, имена кото-

рых не записаны в предвечном[119] свитке жизни, глядя на зверя, который был ранее и не существует теперь, но явится.

Здесь мудрый смысл: семь голов – это семь холмов, на которых сидит женщина (*государственная церковь*), и в то же время это семь царей[120]. Пять из них уже царствовали (*Константин, Констанций, Юлиан, Валент и Феодосий*), шестой (*Аркадий*) есть теперь, а седьмой (*Иовиан, провозглашённый в 363 г. во время похода, но умерший, не дойдя до Византии*) ещё не пришёл, а когда придёт, то недолго ему быть (*только до 13 марта 399 года*).

Зверь же, который был ранее (*в туче*) и не существует теперь, есть восьмой властелин (*сама Империя*), и состоит из этих семи и пойдёт в погибель.

А десять рогов, что ты видел, это десять царей, которые ещё не получили царств, но получат с помощью зверя империи на один час. Все они будут иметь тот же самый образ мыслей и отдадут силу и власть свою в распоряжение зверя. Они будут воевать с Овном, но Овен победит их, потому что он властелин

властелинов и царь царей, и с ним будут все желанные, и избранные, и верные.

И сказал он мне ещё:

– Волны Средиземного моря, которые ты видишь там, где сидит продажная женщина, представляют собою народные скопища и толпы, племена и наречия. А сама женщина изображает собою Великую Твердыню государственную церковь, царствующую над земными царями[121].

Десять же рогов, которые ты видел в тучах на звере, возненавидят её и разорят, и отнимут её одежды, и пожрут, и сожгут её в огне. Потому что бог вложил в их сердца исполнить его волю, только одну эту волю, и затем отдать их царства зверю, пока не исполнятся слова бога.

Рис. 50. Облачный силуэт на созвездиях Самки Гидры и Чаши.

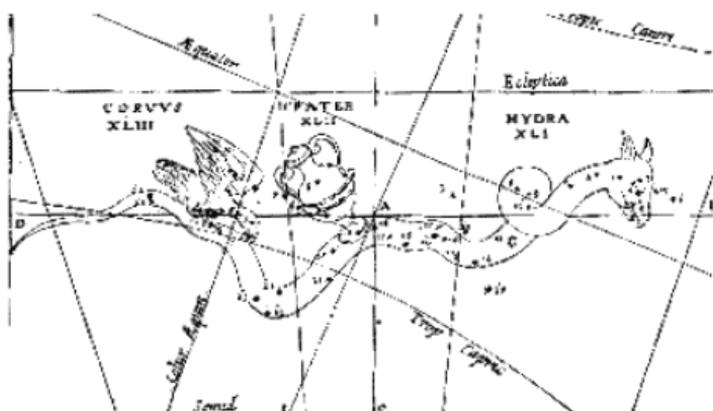

Рис. 51. Созвездие Самка Гидры и Чаша, по манускрипту Grienberg'er'a, 1612 г.

Глава XVIII

Ночной метеор и плач всех царей и торговцев земных о гибели великой твердыни «Врата господни»

И увидел я после этого в наступившей ночной темноте нового вестника (*яркий ночной метеор*). Он сходил с неба с великим блеском. Земля осветилась от его славы. И воскликнул он, в своём могуществе, громким голосом:

– Пала, пала великая твердыня «Врата господни»! Сделалась жилищем языческих богов [122], пристанищем всякой нечистой души, всякой грязной и отвратительной птицы! Все народы отведали возмутительного вина её безнравственности. С ней развратничали цари земные, и торговцы земли обогатились от её необыкновенной роскоши!

И услышал я другой голос с неба, говорящий:

– Выйди из неё, мой народ, чтоб не участвовать тебе в её преступлениях и не принять её наказания, потому что дошли до неба её преступления, и вспомнил бог её обиды. Поступите с ней так, как она поступала с вами! Отплатите ей вдвое за её выдумку[123]: в чаше, в которой она разбавляла[124] вам вино, разбавьте ей самой вдвое той же самой мерзостью и нечистотой! Сколько она гордилась и роскошествовала, столько же воздайте ей унижений и обид, потому что она говорит в своём сердце: нахожусь в союзе с царями. Я не вдова и не увижу печали!

Зато в один и тот же день придут на неё и напасти, и гибель, и унижение, и бедность, и будет сожжена огнём, потому что силён бог, её судья! И заплачут, и зарыдают о ней все цари земные, покупавшие её и роскошествовавшие с нею, видя дым от её пожара. Стоя вдали, от страха подвергнуться её мучениям, они будут восклицать:

– Горе, горе тебе, великая твердыня «Врата господни», сильная крепость! В один час ре-

шила твоё судьба!

И купцы земные заплачут и зарыдают о ней, потому что корабельные грузы их, пришедшие для неё, останутся непроданными: грузы золота, и серебра, и драгоценных камней, и бисера, и тонких полотён, и шелка, и багряницы, и кипарисового дерева[125], и изделий из слоновой кости, и всяких произведений из дорогого дерева, железа, меди и мрамора. И не купит у них никто корицы и каждого[126], и мира, и ладана, и вина, и елея, и пшеницы, и жита, и крупного скота, и овец, и лошадей, и экипажей, и человеческих тел и душ.

И плодов земных, приятных для души твоей, не и стало у тебя, и всё пышное и блестящее ушло от тебя, и ты уже не найдёшь его более!

И станут в отдалении все, продававшие эти товары и обогатившиеся от тебя, из страха подвергнуться твоим бедствиям, плача и рыдая, и говоря:

– Горе, горе тебе, великая твердыня, одетая в тонкое полотно, порфиру и багряницу и украшенная золотом, жемчугом и драгоцен-

ными камнями. В один час пропало такое богатство!

И все кормчие, и корабельщики, и мореходы, и всё множество плывущих к ней встали вдали от неё и зарыдали, видя дым от её пожара и говоря:

– Было ли что-нибудь подобное этой великой твердыне?

И посыпали они золой свои головы и восклицали, плача и рыдая:

– Горе, горе тебе, великая твердыня, от роскоши которой обогатились все, владеющие судами на море! Опустела в один час!

[Радуйся об этом небо и все непорочные посланники и провозвестники: совершил бог свой суд над нею!]

И один из сильных (*невидимых во мраке ночи*) вестников взял на берегу большой, как жёрнов, камень и бросил его в море (*послышался во тьме всплеск от его падения*) и сказал этим:

– С такой же стремительностью будет низвержена великая твердыня «Врата господни» и более не будет её!

И не будет в тебе слышно ни звуков играю-

щих арфистов, ни голоса поющих, ни трубных звуков, ни музыки играющих на свирелях и других инструментах! И не будет в тебе более никакого художника и художества, и шума жерновов уже не будет более слышно в тебе! Свет светильника не заблестит в тебе, и голос жениха и невесты не раздастся в тебе, потому что земные вельможи входили с тобою в сделки и смесью твоею (в золотой чаше) введены в заблуждение все народы. И найдена в тебе кровь всех провозвестников истины и непорочных и всех замученных за правду на Земле.

Глава XIX

Ночные грёзы Иоанна

И мне слышался в мерцании звёзд на небе как бы гимн многочисленного народа, говорящего:

– Хвала создавшему мир! Счастливое возвращение! Слава, почёт и могущество властелину нашему богу! Истинны и справедливы его приговоры! Осудил он великую самопродажницу, опозорившую Землю, и взыскал с неё за кровь своих верных, обagrившую её руки! И вторично все воскликнули: хвала создавшему мир!

И дым от её мучений восходил (*в виде морского тумана*) в вечность. А четыре животных времён года и двадцать четыре старца-часа преклонялись перед Троном на небе, говоря этим:

– Да будет так! Хвала создавшему мир!

И раздался голос от созвездия Трона:

– Хвалите бога, все его слуги и все почитающие его, малые и великие!

И мне слышался в звуках морского прибоя как бы гимн многочисленного народа, звучащий как шум множества волн, как голос могучих громов:

– Хвала создавшему мир! Стал царём над нами сам бог всемогущий! Будем же радоваться и веселиться и прославлять его! Вот наступила полночь брачный час Овна (*время его сентябрьских прохождений через меридиан*)[127], и жена его – Земля – уже приготовила себя, и окутывается она в чистый и тонкий покров ночного тумана. Этот покров есть символ непорочности чистых душою.

И сказал мне вестник-небо:

– Напиши: счастливы те, кто будет позван на полуденный[128] брачный пир Овна. Это истинные слова божества небес.

Я упал к его ногам, чтоб поклониться ему, но он сказал мне:

– Не нужно! Я товарищ тебе и твоим братьям, свидетельствующим об Иисусе. Богу по-

клонись, так как свидетельство об Иисусе есть дух пророчества.

И (*перенесшись воображением через три с половиною года*)[129] увидел я раскрывшееся небо, и вот там белый конь (*Юпитер*), а сидящий на нём (*Овен*) называется истинный и верный, справедливый на суде и в бою. Его глаза (*звёзды*) как огненное пламя. На голове его много диадем (*из одевающих его солнечных лучей*), и начертанного на нём имени не знает никто, кроме его самого. На нём одежда, обогрётная кровью, а имя его – слово бога. Все небесные воинства созвездия следовали за ним на своих светлых конях, облечённые в белые и чистые покровы. Острый меч (*всемогущего слова?*) исходил из его уст, чтобы им поразить образопоклонников (*господствующей церкви*)[130]. Он пасёт их железным посохом и давит в корыте вино гнева и возмущения бога на великую самопродажницу[131]. На бедре его одежды написано его имя: царь царей и властелин властелинов.

И увидел я мысленно одного небесного вестника (*созвездие Персея*)[132], стоящего над Солнцем. И воскликнул он громким голосом

ко всем птицам, летающим посреди небес (в созвездиях Орла и Ворона, рис. 53 и 54):

– Летите и собирайтесь на великий божий пир! Пожрите трупы царей, трупы полководцев, трупы сановников, трупы коней и всадников, и трупы всех их вольных и рабов, и больших, и малых!

И видел я зверя-империю, и царей земных, и их войска, собранные, чтобы вести войну с сидящим на коне и его воинствами. Но был побеждён зверь, а с ним и лжепророк (*союзная ему церковь*), устраивавший чудеса перед его лицом и завлекавший ими в свои сети всех, принявших знак зверя (*крест*) и преклонившихся перед его изображением. И оба были живыми выброшены в лагуну (*вечерней заре*), пылающую огнём и серой. Остальные же были поражены насмерть мечом, выходящим из уст сидящего на коне, и все птицы напитались их трупами.

Рис. 52. Прохождение Овна через меридиан, по Grienberger'у, 1612 г.

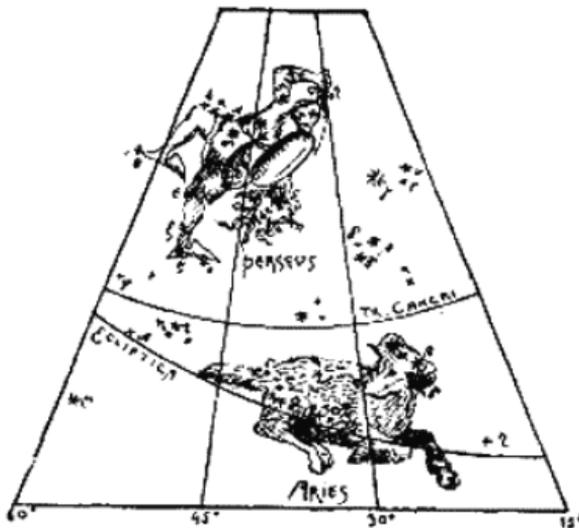

Рис. 53. Созвездие Орла, Дельфина и Антиноя (по Grienberger'y, 1612 г.)

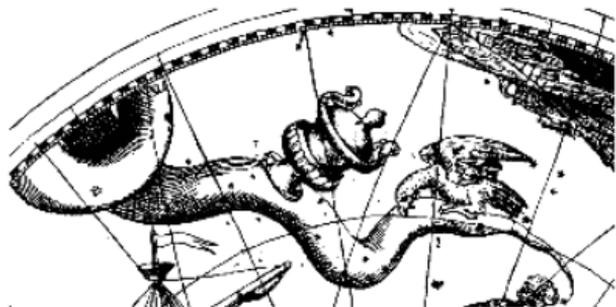

Рис. 54. Созвездие Самка Гидры, Ворон и Чаша.

Глава XX

Предутренние мечты Иоанна

Ия видел в эту ночь нового вестника (созвездие Змееносца), спускающегося на запад с высоты небесного свода с большой цепью (небесным экватором, рис. 55) на руке его и владеющего ключом от бездны Средиземного моря (в глубину которого он заходил)

[133]. Он удерживал драконовидное чудовище[134] древнего Змея, клеветника и преградителя, и связал его (*небесным экватором?*) на тысячу лет (*на всю эту ночь до утра*). И погрузил его в бездну моря (*куда закатился Змей*), и замкнул в ней, и наложил над ним печать морского тумана, чтобы не соблазнял более народы, пока не окончится назначенный ему срок[135].

А после этого он должен быть снова выпущен на малое время (*должен взойти на рассвете наступающего дня для того, чтобы тотчас опять потонуть в огненной сиянии утренней зари*, рис. 56).

И увидел я на снова прояснившемся небе седалища и сидящих на них (*24 звёздные часа суток*), и дана им власть судить людей. И души убитых за провозвестничество Иисуса и за божью науку, и души тех, которые не преклонялись перед зверем-империей и его изображением и не приняли его знака (*креста*) для ношения на своём лбу или правой руке, – все ожили снова (*в виде звёзд, снова выступивших из ночного тумана*) и воцарились вместе с Посвящённым (*Овном, не заходившим всю*

эту ночь до восхода солнца) на тысячу лет *(до конца ночи)*.

Остальные же из умерших *(уже зашедших звёзд)* не ожили *(не взошли снова)*, пока не окончится этот срок. Это первое пробуждение!^[136] Счастливы и непорочны участвующее в первом возрождении!^[137] Они не умрут вторично *(не зайдут уже более до самого восхода солнца)*, но будут служителями бога и Посвящённого на тысячу лет.

Когда же окончится тысяча лет *(пройдёт вся эта ночь)*, тогда освобождён будет клеветник из своей темницы *(голова Змея снова покажется из-под Земли на северо-востоке, где жили в это время гунны и монголы)* и выйдет обольщать народы, находящиеся на четвёртом углу земли, Гога и Магога^[138], чтобы вести их на войну. Число же их как песок морской.

И вышли они на равнину Земли *(на Заднепровские степи?)* и окружили лагерь непорочных и возлюбленный город, но вот упал огонь с неба от бога *(в виде огненной полосы утренней зари, занявшейся на северо-востоке)* и поглотил их. А клеветник и соблазнитель *(со-*

звездие Змея) попал в лиман, пылающий огнём и серой (*исчез в этой полосе зари*), где были уже вчера вечером и зверь, и лжепророк. И будут они мучаться и день, и ночь, в веках веков.

И представился мне большой светлый престол и сидящий на нём, от лица которого, казалось, бежали небо и земля, и не нашлось им места. И представились мне в померкших звёздах умершие, и малые, и большие, стоящие перед богом, и развёрнутые свитки папируса и ещё один свиток – папирус жизни – зодиакальная полоса.

И были судимы умершие по написанному в этих свитках, по своим делам. И отдало море умерших в нём, а смерть и бог подземного царства[139] отдали своих умерших, и каждый был судим по его делам.

А сами смерть и бог подземного царства, и все, кто не был вписан в папирус жизни, были брошены в огненный лиман утренней зари. Вот она, вторая смерть!

Рис. 55. Созвездие Змееносца, с небесным экватором, опоясывающим видимый свод (по манускрипту Grienberger'a).

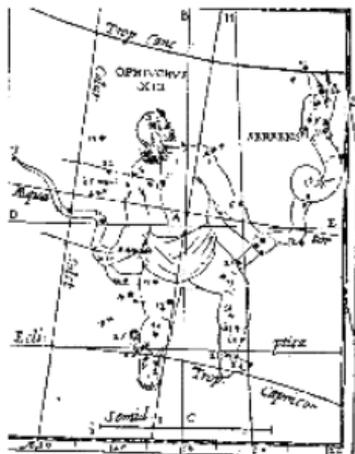

Рис. 56. Восхождение Змея утром 1 октября 399 г. на Патмосе.

Глава XXI

Утро нового дня. Иоанн измеряет тростью, выброшенной ему морем, величину вселенной

И увидел я в мерцании рассвета новое небо и новую Землю, потому что прежнее вчерашнее небо и прежняя вчерашняя Земля уже ушли в прошлое, и моря передо мной (удалившимся в глубину острова) уже более нет. И увидел я, Иоанн, святую твердыню – новое Царство мира[140](новую голубую завесу неба), спускающуюся с высоты от бога, как невеста, украшенная для своего жениха.

И мне слышался могучий голос с неба, говорящий:

– Вот шатёр бога и людей. В нём он поселится с ними, они будут его народом, и сам живущий с ними бог будет их божеством. И

отрёт он всякую слезу с их глаз, и смерти уже не будет. И не будет более ни горя, ни рыдания, ни болезней, потому что прежнее миновало.

И сказал мне сидящий на Троне:

– Вот видишь, обновляю всё... Запиши эти слова: они истинны и верны. Всё проходит! Я первая и последняя буква алфавита, начало и конец. Я напою жаждущего из источника живой воды[141]. Победитель получит всё в наследство. Я буду ему богом, а он мне – сыном. Участь же трусливых и изменников, опустившихся нравственно и убивающих ближнего, шарлатанов и составителей смеси в золотой чаше, поклонников изображений и всех обманщиков – лагуна, пылающая огнём и серой. Это их вторая смерть!

И появился передо мною в первом розовом облачке утра один из семи посланников, выходявших вчера с семьёю последними чашами воздаяний, и начал мне нашёптывать:

– Пойдём, я покажу тебе невесту – жену Овна.

И он привёл меня, в порыве вдохновения, на большой и высокий холм и показал мне

оттуда в полумгле рассвета всю святую твердыню – новое царство мира – новую небесную лазурь, спускающуюся с неба от бога. На ней лежала слава божья, а светило её восходящее солнце было подобно драгоценному камню, как бы красно-жёлтой кристаллической яшме.

Её окружает за горизонтом (рис. 58) большая и высокая стена с двенадцатью воротами, на которых находятся двенадцать вестников (*знаков Зодиака*, рис. 59) и написаны имена двенадцати племён народа-богоборца[142]. С каждой из четырёх стран света – востока, севера, юга и запада – по трое ворот. А под двенадцатью частями стены между воротами (у земного горизонта) заложены фундаменты и на них имена двенадцати посланников Овна (*знаков зодиака*).

В распоряжении нашёптывавшего мне это имелась в моих руках[143] мера из золотистого тростника (*выброшенная морем во время вчерашней грозы*)[144] для измерения святой твердыни с её оградой и воротами (*символическим образом, вероятно, на размерах хлебного поля по известной притче о пшенице и*

плевелах).

Твердыня расположена четырёхугольником, длина её такая же, как и ширина (рис. 56). И измерил её тростниковый стебель на двенадцать тысяч стадий (*считая, вероятно, длину тростника за символ стадии*)[145]. Высота твердыни (расстояние до вершины небесного свода) такая же, как и длина и ширина.

И измерил он высоту стены (поддерживающей небесный свод) в сто сорок четыре локтя (*вероятно, по высоте ограды того же поля, считая толщину стебля за символ одного локтя*).

Мера же находилась теперь в распоряжении человека, и была та самая, которая была у вестника (выбросившего этот тростник во время вчерашней грозы).

А стена была построена из яшмы – кремнёвых камней, и окружённое ею место – небесный свод было золотистое и чистое, как прозрачное стекло. Его основания (в сиянии утренней зари) отливали поочерёдно оттенками всевозможных драгоценных камней: оранжевой яшмой, синим сапфиром, молоч-

но-белым халцедоном, зелёным изумрудом, белым сардониксом с его алыми полосами (утренней зари), красным сердоликом, желтовато-зелёным хризолитом, синим аквамаринном, прозрачным топазом, зеленоватым хризопразом, красноватым гиацинтом и фиолетовым аметистом[146].

А двенадцать ворот (с земли на небо) – двенадцать жемчужин. Каждые ворота из одной жемчужины. Площади твердыни (поверхность утреннего неба) были чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел на ней, потому что храм её сам бог всемогущий и Овен.

И не имеет она нужды ни в Солнце, ни в Луне, так как слава бога освещает её, и светильник её сам Овен. Толпы спасённых будут ходить в его свете[147]. Её ворота не будут запираются днём, а ночи там не будет. И принесут в неё славу и честь народов. И не взойдёт в неё ничто нечистое, ничто преданное мерзости и обману, а только те, чьи имена начертаны в книге жизни у Овна.

Рис. 57. Созвездия Жертвенник, Скорпион, Змееносец, Геркулес и Дракон в их последова-

тельности на небе.

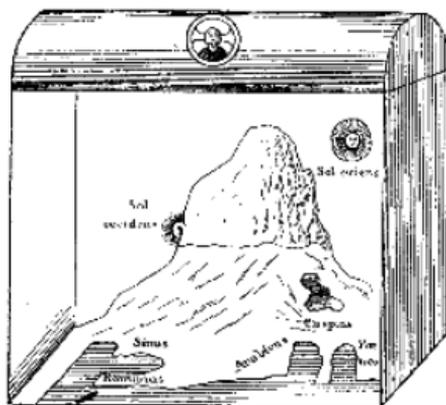

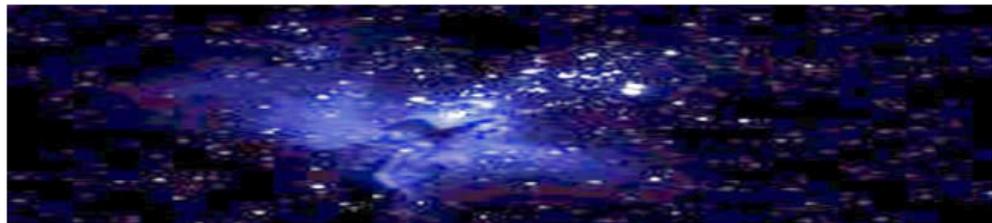
Рис. 58. Вселенная древних христиан из *Cosmas Indicopleustes*, 535 г.

Рис. 59. Астрологический гороскоп древних греков

Глава XXII

Заключение

Вестник, нашёптывавший мне всё это, указал мне на небе светлую реку живой воды (Млечный Путь), прозрачную, как кристалл, и вытекающую из Трона бога и Овна. Там посреди гладкой поверхности небесного свода, простираясь с одной стороны реки на другую

(с северного полушария на южное), находится ось жизни (ось вращения небесного свода), двенадцать раз в год приносящая дары, на каждый месяц свой особый дар, и ветвями своими (звёздными часами) охраняющая народы.

И не будет уже на небе ничего проклятого (ни Дракона, ни Змея и никаких других чудовищ), но только Трон бога и Овна, и все верные будут служить богу. И увидят его лицо, и имя его будет написано на их лицах. И ночи там не будет, и не будет там нужды ни в светильниках, ни в солнечном свете: сам бог осветит их, и будут они царствовать в веках веков.

– Слова эти истинны и верны, – снова сказал мне вестник, – Сам властелин наш, бог святых провозвестников, послал своего гонца (вчерашнюю бурю) показать своим слугам, что должно случиться вскоре[148].

И я, Иоанн, видел и слышал всё это! Я упал к ногам вестника-неба, показывавшего мне, чтобы поклониться ему, но он сказал мне:

– Смотри, не делай этого, я товарищ тебе и твоим братьям, провозвестникам истины.

Преклонись перед творцом мира и не запечатывай слов этого пророчества, потому что время его исполнения близко. Несправедливый пусть ещё делает несправедливости, нечистый пусть оскверняется ещё, добрый же пусть ещё делает добро и чистый душою пусть очищается ещё.

– Вот приду скоро, – говорит Иисус, – И всем принесу с собою моё возмездие и воздам каждому по его делам. Я первая и последняя буква алфавита, начало и конец. Счастливы исполняющие мои заветы: ось мировой жизни будет в их власти и они войдут в твердьню небе с воротами. А все льстецы, шарлатаны, безнравственные, убийцы и поклонники изображений, и всякие любящие и делающие неправду – будут вне её.

Я, Иисус, послал моего вестника засвидетельствовать всё это на собраниях верных. Я корень и потомок любви, звезда светлая и утренняя!

И чувство вдохновения и невеста-Земля говорят ему: приди! Пусть же скажет и слушающий: приди! Жаждающий пусть приходит и пусть берёт воду жизни даром!

И я говорю всякому, слушающему слова этого провозвестничества: если кто приложит к ним что-нибудь от себя, на того бог наложить все бедствия, о которых говорится в этой книге, а если кто отнимет что-нибудь от них, у того бог отнимете участие в книге жизни!

Сообщающий это говорит: ой, приду скоро!
О, приходи, властелин наш Иисус!

Да будете над всеми вами благосклонность нашего повелителя Иисуса-Посвящённого!

Да будете так!

Часть III

Когда написано «Откровение в грозе и буре»?

Определение времени по заключающимся в нём самом астрономическим указаниям.

I. О том, как можно определить простыми астрономическими способами точное время составления Апокалипсиса

Когда во время моего заключения в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости я в первый раз прочёл Апокалипсис[149] и сразу понял почти всю его астрономическую и темпестологическую часть совершенно так же, как она приведена здесь в моём переводе – я был просто изумлён и невольно спрашивал себя: каким образом могло случиться, что до сих пор никто не замечал в Апокалипсисе того, что было так ясно для меня[150], несмотря на отвратительный фран-

цузский перевод, по которому я прочёл эту книгу?

Ведь большая часть созвездий нашего северного неба названа здесь прямо по именам или вполне точно описана в фигурах представлявших их животных, имена которых остались за соответствующими группами звёзд и до настоящего времени. Везде указано, что эти фигуры находятся на звёздном небе, да и само это небо со всеми его годичными и суточными движениями описано замечательно поэтично...

Точно так же из всех последовательных картин обычного развития грозы не забыта здесь ни одна... Здесь есть и характерное мёртвое затишье в природе в момент приближения главной грозовой тучи с её передовым краем, завернувшимся вниз, как свиток старинного папируса, и сама эта туча, и каждый громовой удар дальнейших туч – гонцов этой бури, с усиленным ливнем после каждого удара молнии, – и появление радуги, и типические чудовищные фигуры разорванных на клочья облаков, постоянно появляющиеся после пролёта над головой наблюдателя первой

грозовой тучи, и несколько маленьких дополнительных ливней из этих туч... Всё это здесь описано без всяких иносказаний и притом иногда удивительно художественно.

И не раз приходило мне в голову при моих одиноких размышлениях об этом предмете в Алексеевском равелин, как мало большинство теологов знает о тех явлениях, которые творятся над их головами, в этом бездонном звёздном небе, красотой которого мы так часто восхищаемся в ясные зимние ночи.

Я сейчас же заметил, что по положению коней-планет в созвездиях, указанных Иоанном, было бы нетрудно вычислить с астрономической точностью и самое время, когда пронеслась описываемая им гроза, её год, и месяц, и день, и даже доли дня, для отдельных её периодов, с точностью до получаса... Уже простой расчёт по теории вероятностей указывал мне, что если картина звёздного неба, так подробно нарисованная Иоанном, была его фантазия, то мы не нашли бы её за весь древний период истории, а если она – реальность, то нашли бы её только раз: в тот самый год и день, когда она действительно бы-

ла. Но всё показывало мне, что книга Иоанна не фантазия, а точный и добросовестный рассказ о том, что он действительно наблюдал, и что написана книга под непосредственным впечатлением этих наблюдений в следующие за ним дни.

Однако взяться немедленно за вычисления я не имел тогда никакой возможности. В первые двенадцать лет моего заключения в Равелине и в Шлиссельбургской крепости не было в моих руках не только употребляемых для этого таблиц Леверрье, но даже и простых элементов планетных орбит, при помощи которых можно сделать с достаточным приближением подобные вычисления. Только впоследствии, через десяток лет или даже более, у меня явились эти элементы в добытых мною с большим трудом нескольких курсах астрономии, но я в то время был уже занят другими научными вопросами. Мои равелинские размышления об этой книге постепенно удалялись в тот укромный уголок мозга, где у каждого из нас хранится куча полузабытых предметов, подолгу не привлекающих к себе нашего внимания, а если и привлекающих

его порой, то не затрагивающих уже по своей старости наше мышление достаточно сильно, чтобы побудить нас на их специальную разработку...

Только теперь, в 1903 году, просьба моей соседки по заключению (в Шлиссельбургской крепости) Веры Николаевны Фигнер написать для неё что-нибудь из моих размышлений и исследований побудила меня немного порыться в своей голове и неожиданно для себя извлечь оттуда этот полузабытый предмет[151].

Прежде всего я принялся за вычисления, чтобы сначала точно определить время появления Апокалипсиса, а затем уже уяснить себе и точный смысл некоторых его мест, касающихся исторических событий и жизни данной эпохи, так как, не зная, когда написана книга, очевидно, нельзя было даже и пытаться уяснить себе заключающихся в ней намёков на тогдашние события.

Вычисления эти я первоначально произвёл, исходя из так называемых гелиоцентрических положений каждой исследуемой планеты, т. е. из мест, где она видна, если бы

смотреть на неё из центра Солнца. Затем я переходил путём тригонометрических выкладок к её геоцентрическому положению, т. е. к тому, где эта планета была видна в данное время с нашей Земли. Через несколько недель вычислений этим утомительным путём я нашёл, что никогда за все первые восемь веков нашей эры звёздное небо не представляло с о-ва Патмоса такой картины, какая описана Иоанном, за исключением одного единственного случая: вечера 30-го сентября 395 года по юлианскому стилю. В этот вечер всё до мельчайших подробностей было так, как указано в рассматриваемой нами книге. Определилось даже, что главная туча грозы пронеслась около 3-4 часов вечера, радуга появилась около 5 часов, а последние тучки «с чашами бедствия» были видны уже в 7-м часу, вскоре после заката солнца, совершившегося в этот день приблизительно за четверть часа до шести.

Но этим дело ещё не кончилось. Как только всё вычисление было сделано и проверено, со мной случилось то, что очень часто бывает (по крайней мере, со мною) в подобных случа-

ях. Я увидел, что всё это можно было бы в десять раз скорее вычислить другим, упрощённым способом, имеющим то преимущество, что всякий, кто знаком хотя бы с элементарными основаниями астрономии, может его повторить и убедиться лично в справедливости найденной мною даты 30 сентября 395 года, и в том, что она единственная из всех возможных. Вот этот-то способ я и укажу теперь читателю, но отнесу его в особую главу, для того чтобы любитель такого рода вычислений или очень интересующийся решением вопроса о времени Апокалипсиса произвёл все выкладки сам, а тот, кто не считает себя компетентным, мог бы прямо пропустить эту главу и приняться за следующую[152].

II. Простой способ определения времени, когда была написана рассматриваемая нами книга, и несколько простых способов проверить это определение

Из главы 12-й «Откровения», где говорится о «женщине, одетой Солнцем, внизу ног которой была Луна», видно, что Солнце в это время находилось в созвездии Девы. Другой женщины нет среди созвездий Зодиака. Дальнейшие главы говорят, что в этот день было новолуние (острый серп, зашедший вслед за Солнцем, в гл. 14, ст. 15 и др. места). Следовательно, и Солнце было в нижней части ног Девы около её бедра, приблизительно под звёздочкой η-Девы, которая по координатам конца XIX века приходилась на 13 h 48 m прямого восхождения. В петербургский полдень Солнце находилось почти как раз под этой же звёздочкой 10 октября 1895 юлианского года, да и теперь бывает почти там же (рис. 60) каждый год в это самое число. Но так как нам придётся оперировать с годами, отстоящими

от нас не мене как на 1500 лет назад, то нам нужно прежде всего определить, какого числа по юлианскому счислению Солнце находилось ежегодно под той же звёздочкой η-Девы в первые века нашей эры. Этим я прежде всего и занялся и определил, что тогда оно было в этой самой точке неба ежегодно около 30 сентября по юлианскому стилю.

Таков наш исходный пункт...

Значит, дело происходило осенью около 30 сентября. Это указывается не только положением Солнца в Деве, но также и другими местами рассматриваемой книги. Например, в конце главы 14-й говорится, что тогда уже созрел виноград. Поэтому при наших астрономических вычислениях нам нет нужды искать, какие положения занимала та или другая планета во все остальные времена года. Нам нужно знать только их сентябрьско-октябрьские положения, как будто бы Земля никогда и не сдвигалась с той точки своей орбиты, с которой Солнце видимо под звездой η-Девы, или, ещё лучше, как будто бы наблюдатель сорвался с земного шара 30-го сентября

в одно из первых столетий нашей эры и всё время висел в пространстве в этой точке земной орбиты, которую мы назовём **апокалиптической точкой**.

Теперь вопрос о времени появления «Откровения в грозе и буре» решается необыкновенно просто, как читатель сам можете увидеть, если прочтёт следующие несколько страниц.

А. – Эпохи прохождения Сатурна по Скорпиону

Возьмём прежде всего **Сатурна**, известного в астрологии своими зловещими свойствами, **мертвенно-бледного коня**, который, по главе 6-й, находился в астрологическом символе смерти – **Скорпионе**.

Из обычных календарных дат для этой планеты мы легко определим, что он в последний раз вступал из Весов в Скорпион в 1897 году, и 10 октября того года находился у самой ?-Скорпюновой Клешни. Эта дата и приходится как раз на нашу **апокалиптическую точку** земной орбиты, с которой Солнце видно под n-Девы.

Но со времени начала нашей эры до 10-го

октября 1897 юлианского года прошло 1896 лет (каждый в 365? дней) плюс 283 дня, т. е. всего 692 797 дней.

Очевидно, что если мы будем последовательно вычитать из этого числа дней по полному звёздному обращению Сатурна (= 10 759,235 дней), то будем всегда получать те времена, в которые Сатурн вступал в клешню Скорпиона для нашего воображаемого наблюдателя, как бы оторвавшегося от земного шара и всегда стоящего на **апокалиптической точке** земной орбиты.

Вычтем же сразу из найденного нами числа дней 64 полных обращения Сатурна, т. е. 688 591 день, и мы увидим, что в остатки получится 4206 дней, или 11 юлианских лет и 188,25 дней после начала нашей эры.

Это значит, что в 188,25 день 11-го года нашей эры Сатурн вступал в первый раз со времени рождения Христова в созвездие Скорпиона для нашего наблюдателя, прикованного к своей апокалиптической точке земной орбиты. Когда Земля пришла в эту точку в конце сентября 12-го года, Сатурн всё ещё оставался в Скорпионе, потому что для про-

хождения одного созвездия Зодиака он употребляет с лишком два года. Но в это время разбираемая нами книга ещё не могла быть написана, так как Иисус был ещё ребёнком, а в книге говорится о нём, как о воскресшем после смерти. Значит, будем прибавлять последовательно к этой основной дате времена полных обращены Сатурна (т. е. 10 759,235 дней = 29 лет 167 дней), чтоб узнать дальнейшие сроки его появления в Скорпионе.

Тогда легко найдём приложенную здесь таблицу I.

Таблица I

Юлианские времена вступления Сатурна в созвездие Скорпиона (около ?-Скорпионовой клешни) для наблюдателя, стоящего на **апокалиптической точке** земной орбиты, с которой Солнце кажется под бедром Девы

- 1 раз в 12 году на 188 день (в июле)
- 2 раз в 41 году на 354 день (в декабре)
- 3 раз в 71 году на 156 день (в июне)
- 4 раз в 100 году на 323 день (в ноябре)
- 5 раз в 130 году на 125 день (в мае)
- 6 раз в 159 году на 192 день (в октябре)

- 7 раз в 189 году на 94 день (в апреле)
- 8 раз в 218 году на 261 день (в сентябре)
- 9 раз в 248 году на 62 день (в марте)
- 10 раз в 277 году на 230 день (в августе)
- 11 раз в 307 году на 31 день (в феврале)
- 12 раз в 336 году на 198 день (в июле)
- 13 раз в 365 году на 364 день (в декабре)
- 14 раз в 395 году на 166 день (16 июня)

Так как Сатурн проходит фигуру Скорпиона в год, а затем оказывается уже в Змееносце, а через два года переходит в Стрельца, то очевидно, что книга Иоанна могла быть написана только в следующий за этими датами сентябрь или же в сентябре следующего за ним года (если захотим исключить Змееносца из созвездий Зодиака), потому что во все остальные годы Сатурн находился в других созвездиях.

Отсюда получим:

Результат 1-й

Если Апокалипсис был написан в первые четыре века нашей эры, то это, по Сатурну, могло быть лишь в следующие годы:

12-13; 42-43; 71-72; 101—102; 130—131;
160—161; 189—190; 218—220; 248—249;
277—279; 307—308; 336—337; 395 гг.

В. – Эпохи прохождения Юпитера по Стрельцу

Воспользуемся и для **Юпитера** тем же методом. Из приведённого нами рисунка неба (рис. 5) с вычерченным на нём путём Юпитера, или из соответствующей календарной даты видно, что 10 октября 1889 г. он проектировался с Земли почти прямо над ?-Стрельца [153], т. е. около 18 h 23 m по координатам этого времени. Но именно здесь и начинается лук фигуры Стрельца. Пока планета не перешла за эту точку, она ещё не вошла в Стрельца.

У Иоанна Юпитер назван **ярко-белым** конём, и затем сказано в главе 6-й, что «у сидящего на ярко-белом коне был в руках лук», и что, кроме того, «был ему дан венец». Никакой другой фигуры с луком и венцом, кроме одного Стрельца, нет среди созвездий Зодиака. Значите, дело идёт несомненно о Стрельце. Точно так же и ярко-белой планеты нет в Солнечной системе никакой, кроме Юпитера

и Венеры. Но Венера никогда не удаляется на такое расстояние от Солнца, чтобы быть в Стрельце, когда Солнце находится в Деве, как указано в гл. 12, где говорится о «женщине, одетой Солнцем». Значит, дело идёт несомненно о Юпитере, что подтверждается и данным ему эпитетом «победоносный».

Расчислим же теперь, когда Юпитер переходил за γ -Стрельца, т. е. вступал в Стрельца в первые четыре века христианства. В 1889 юлианском году, как мы уже сказали, это было геоцентрически около 10 октября, а Солнце в этот момент проектировалось как раз на бедро Девы, согласно с указаниями Иоанна в главе 12-й. Значит, мы имеем в этом случае как раз вход Юпитера в Стрельца для наблюдателя, стоящего **на вышеозначенной апокалиптической точке** земной орбиты, точке, которую Земля проходила в первые века около 30 сентября.

До 10-го октября 1889 юлианского года прошло 1888 лет и 283 дня, т. е. 689 875 дней. Очевидно, что если и здесь мы поступим так же, как с Сатурном, т. е. вычтем из этого числа дней один или несколько полных звёздных

оборотов Юпитера, то остаток укажет нам достаточно точную дату для какого-либо из предыдущих вступлений Юпитера в Стрельца.

Вычтем, например, 159 полных оборотов Юпитера, т. е. 688 881 день. В остатке окажется 994 дня, т. е. 2 года и 263,5 дней. Это значит, что в первый раз со времени рождества Христова Юпитер входил в Стрельца на 263,5 день 3-го года нашей эры. Если к этой дате мы будем последовательно прибавлять по одному звёздному обращению Юпитера (= 4332,585 дней = 11 юлианских лет и 314,835 дней), то и получим все последующие даты, как они показаны в прилагаемой таблице II.

Таблица II

Юлианские времена вхождения Юпитера в фигуру Стрельца, мимо ? его лука, для наблюдателя, стоящего на **апокалиптической** точке земной орбиты

1 раз в 3 году на 263 день (в сентябре)

2 раз в 15 году (в августе)

3 раз в 27 году (в июне)

4 раз в 39 году (в апреле)

- 5 раз в 51 году (в марте)
- 6 раз в 63 году (в январе)
- 7 раз в 74 году
- 8 раз в 86 году
- 9 раз в 98 году
- 10 раз в 110 году
- 11 раз в 122 году
- 12 раз в 134 году
- 13 раз в 146 году
- 14 раз в 157 году
- 15 раз в 169 году
- 16 раз в 181 году
- 17 раз в 193 году
- 18 раз в 205 году
- 19 раз в 217 году
- 20 раз в 229 году
- 21 раз в 240 году
- 22 раз в 252 году
- 23 раз в 264 году
- 24 раз в 276 году
- 25 раз в 288 году
- 26 раз в 300 году
- 27 раз в 312 году
- 28 раз в 323 году
- 29 раз в 335 году

30 раз в 347 году

31 раз в 359 году

32 раз в 371 году

33 раз в 383 году

34 раз в 395 году на 59 день (в марте)

Так как Юпитер, если его наблюдать с той же точки земной орбиты, никогда не остаётся в одном созвездии более 11 1/2 месяцев, то он мог быть в Стрельце только в те из сентябрей и октябрей первых четырёх веков христианства, которые непосредственно следуют за данными в этой таблице датами. Отсюда находим

Результат 2-й

Если Апокалипсис был написан в первые четыре века христианской эры, то, по Юпитеру, это могло быть только в следующие годы:

3; 15; 27; 39; 51; 63; 75; 86; 98; 122; 134; 158; 170; 181; 193; 205; 217; 229; 241; 253; 264; 276; 288; 300; 312; 324; 336; 347; 359; 371; 383; 395 гг.

С. – Когда Юпитер был в Стрельце, а Сатурн в Скорпионе, одновременно с

пребыванием Солнца в Деве?

Сопоставим теперь в хронологическом порядке полученные нами (в результате 1-й этой главы) годы пребывания Сатурна в Скорпионе с годами пребывания Юпитера в Стрельце (результат 2-й) для наблюдателя, всегда стоящего на **апокалиптической** точке земной орбиты, которую проходила наша планета в первые века христианства около 30 сентября.

Во все первые три с четвертью столетия после рождения Христа не было ни одного случая, когда Юпитер оказался бы в Стрельце одновременно с пребыванием Сатурна в Скорпионе, как это требуется в главе 6 (стих. 8 и 2) Апокалипсиса. Каждый год, когда Сатурн оказывался в Скорпион, Юпитера не было в Стрельце, и наоборот!

Только в 336 году мы в первый раз встречаем слабый намёк на такое совпадение, но и эта дата непригодна, так как, при более детальном определении оказалось, что в 336 году Юпитер уже вышел из плаща Стрельца и находился в промежутке между ним и Козерогом. Положение Марса тоже оказалось

неудовлетворительным для этого года, и только 395 год за все четыре века оказался вполне точно приспособленным для Апокалипсиса, во всех астрономических отношениях[154].

Значит, буря с землетрясением, о которой здесь говорится, пронеслась около 30 сентября 395 юлианского года, а приняв во внимание указание гл. 12 (ст. 1) Апокалипсиса, что Луна в это время была внизу ног Девы, мы легко вычислим, что дело происходило именно вечером 30 сентября 395 года, и ни днём раньше, ни днём позже.

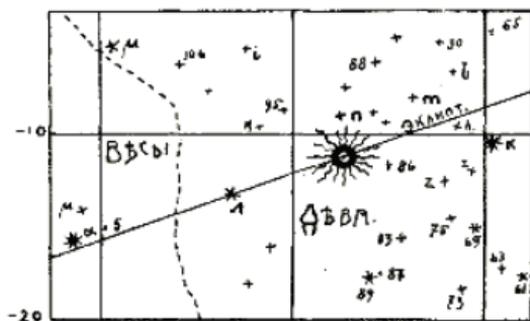

Рис. 60. Положение Солнца в созвездии Девы для 30 сентября 395 юлианского года.

III. Другие астрономические способы, которыми получается та же самая дата для времени возникновения Апокалипсиса и подтверждается предыдущее вычисление

Итак, время возникновения книги Иоанна записано, так сказать, неизгладимыми буквами на самом небе, которого ещё никто не имел возможности подделать для подтверждения своих взглядов при политических или религиозных распрях средних веков, когда разгорячённые или фанатизированные головы, желая во что бы то ни стало настоять на своём, не пренебрегали никакими средствами и завалили нас целыми грудями подложных документов.

Но интереснее всего то, что в данном случае мы можем определить ту же самую дату не только одним приведённым мною способом, но и другими, тоже астрономическими, средствами, независимыми от первого. Можно, например, движения Юпитера, которыми

я воспользовался выше, заменить независимыми от него перемещениями Марса (огненно-красного коня под Персеем, о котором говорится в глав 6-й) и перемещениями Луны, для которой указано в главе 13 новолуние, и в результате мы получим опять ту же самую дату 30 сентября 395 года. Иоанн как будто предчувствовал, что время его книги может быть затеряно или подделано, а потому и дал на этот случай целый ряд замаскированных лишь для непосвящённого астрономических указаний, при помощи которых было бы возможно не только определить истинное время его произведения, но и подтвердить его несколькими астрономическими путями.

Вот, например, некоторые из этих удостоверений.

1-е удостоверение. В главе 1-й сказано, что описываемая гроза произошла в воскресенье. Какой день недели было 30 сентября 395 года? Применяя обыкновенные таблички, помещаемые во всех подробных календарях для определения дня недели в любое число юлианского месяца, находим без труда: 30-е сентября 395 юлианского года именно и было **воскре-**

сенье.

2-е удостоверение. В главе 6-й сказано, что у сидящего над огненно-красным конём (т. е. единственной огненно-красной планетой, Марсом) был в рук большой меч. Из всех фигур астрономических созвездий над эклиптической мечом обладает один Персей. Следовательно, Марс был под Персеем в то время, когда Иоанн производил свои наблюдения. Значит, если найденная нами дата верна, то так и окажется, а если нет, то уже простой расчёт по теории вероятностей говорит, что на случайное совпадение здесь нельзя надеяться.

Употребляя тот же метод вычисления, какой я объяснял на примере Юпитера и Сатурна, я нашёл, что 30 сентября 395 года Марс был видим с Земли под 34° прям. восх. по современным координатам, т. е. в груди Овна (рис. 61).

Возможная ошибка не превышает здесь трёх градусов долготы[155], и она для нас совершенно безразлична, так как Марс всё-таки остаётся под Персеем, прикрывающим сверху всего Овна.

Итак, положение Марса тоже удостоверяет

справедливость нашего первого определения, что книга Иоанна писана осенью 395 года, потому что весь сентябрь этого года Марс шёл по Овну, направляясь от Тельца к Рыбам попятным движением, для того, чтобы, прекратив его после выхода из Овна в Рыбы, снова повернуть назад и пройти в следующие месяцы под тем же Персеем из Овна в Тельца прямым движением.

Но почему же автор не сказал прямо, что на огненно-красном коне – Марсе – сидел Овен, а предпочёл назвать фигуру, сидящую над Овном?

Прежде всего потому, что он принимал сближение Персея с конём войны – Марсом – за символ близкого нашествия персов, так как в глав 16-й прямо говорит, что высохла вода в великой реке Евфрате для того, чтобы приготовить путь восточным царям, первыми из которых и являлись персидские.

С другой стороны, в момент наблюдения Иоанна, т. е. около 4-5 часов вечера 30 сентября 395 юлианского года, Овен вместе с Марсом был ещё скрыт под горизонтом, готовясь к восходу, и его положение определялось по

Персею, как бы лежавшему на этой самой части горизонта. Очень вероятно и вполне согласно с мистическим настроением автора, что он счёл это за прямое указание с неба не говорить, что Марс был в Овне, а определить его место по тому из лежащих над ним созвездий, которое уже находилось над горизонтом. Однако косвенные намёки, что Марс был здесь, имеются в некоторых других местах книги. Присутствие в Овне этой планеты гнева и войн и должно было дать Иоанну повод к заключению, что «заколотый Овен», наконец, разгневан и выступает на войну против своих врагов, и что война его должна будет окончиться через 3? года, когда в это же созвездие войдёт «победоносный яркий конь» Юпитер.

Но какова бы ни была в глазах читателя ценность этих моих соображений, факт остаётся фактом: Марс указан под Персеем, и мы нашли его там в установленную другими путями дату. 3-е удостоверение. Меркурий в главе 6-й назван **тёмным конём** (????? ????? – тёмный, мрачный, мутный конь). Ни к какой другой планете такой эпитет не может отно-

ситься, к Меркурию же он вполне подходит. Это самая малая из всех пяти известных древним планет, и в полном смысле планета-невидимка. Простым глазом её можно наблюдать в умеренных поясах Земли лишь при исключительных условиях, изредка осенью перед восходом Солнца или весной тотчас по закате Солнца, да и то лишь в продолжение нескольких минут, потому что она скоро потухает в лучах зари. Многим астрономам северных стран никогда не удавалось видеть Меркурия простым глазом. На Средиземном же море, где атмосферические условия лучше, её время от времени можно видеть, хотя и не каждый год.

Так как наблюдения Иоанна производились в осеннее время (когда Солнце бывает в созвездии Девы), то он не мог видеть вечером Меркурия, потому что в это время Меркурий бывает (даже в случае наибольшего удаления от Солнца) очень низко над горизонтом и теряется в лучах вечерней зари. Вот почему он и назван здесь тёмным, т. е. невидимым конём, подобно тому как тёмная Луна бывает невидима во время новолуний. Но Иоанн, как

живший после знаменитого астронома Птолемея, имел уже вполне пригодные способы для определения положения этой планеты среди созвездий Зодиака для любой недели. Положение это он и указывает очень точно в той же глав 6-й, говоря, что у сидящего над тёмным конём были в рук Весы (????? – коромысло). Это самое слово – ?????? – и употреблялось в греческой астрономии и астрологии для обозначения **созвездия Весов**, так что никаких недоразумений здесь быть не может. А под **сидящим над тёмным конём** подразумевается, очевидно, созвездие Змея, находящееся прямо над Весами.

В той же самой главе 6-й, как бы во избежание даже тени недоразумения относительно природы тёмного коня, упоминается и его астрологическая специальность. Меркурий в мифологии – бог торговли, поэтому вполне понятно и данное ему повеление: «Дневная порция хлеба за динарий, и за динарий же три дневных порции ячменя! Но масла и вина не повреждай». С таким повелением можно было обращаться только к одной планете – Меркурию.

Это обстоятельство и даёт нам новый прекрасный способ проверки определённой нами даты. Если наша дата верна, то 30-го сентября 395 юлианского года Меркурий был в созвездии Весов.

Так это и было в действительности. Астрономические вычисления, сделанные мною по циклам его прохождения по Солнцу, показали, что в этот день Меркурий был в глубине созвездия Весов. Он готовился переменить своё прямое движение на обратное, на пути к своему нижнему соединению с Солнцем, находившимся, как мы уже знаем, около бедра Девы, поблизости от Весов[156].

4-е удостоверение. О Луне сказано в главе 12 совершенно определённо, и притом без всяких иносказаний. Там прямо говорится, что внизу ног Девы была Луна.

Это указывает на новолуние в тот же самый день 30 сентября 395 года, потому что Луна движется очень быстро и проходит в сутки около 13° , а Солнце, по дальнейшим указаниям, находилось в это время уже в бедре Девы. Даже в самый момент новолуния можно было сказать, что Луна находилась «внизу

ног» Девы, так как по склонению она была действительно в нижней их части по направлению к горизонту (рис. 62). Это сразу даёт нам разгадку некоторых тёмных выражений, находящихся в двух местах Апокалипсиса.

Когда я в первый раз прочёл в конце главы шестой фразу: «и солнце стало мрачно, как волосяной мешок[157], а Луна (тёмная по причине новолуния) вся целиком[158], как кровавое пятно», и «звёзды небесные *попадали* [159] на Землю», – мне сразу пришло в голову что здесь говорится о солнечном затмении. К тому же самому заключению приводил и конец главы восьмой, где говорится: «и поражение была третья часть Солнца и третья часть Луны».

Вот почему, решив вопрос о том, что 30-го сентября 395 года действительно был момент новолуния, я сейчас же воспользовался этим обстоятельством, чтобы посмотреть, не сопровождался ли этот момент солнечным затмением. В данном случае вопрос решался очень просто. В имевшемся у меня журнале Knowledge, vol. 26, находилась точная формула для определения положения Луны для вся-

кого времени, и я вычислил по ней, что вечером 30 сентября действительно было кольцеобразное солнечное затмение, проходившее через Южную Америку[160].

С этого мгновения стали для меня ясны и вышеприведённые две загадочные фразы. Как один из усерднейших астрономов и астрологов своего времени, Иоанн не мог не знать Саросского цикла затмений (через каждые 18 лет и 11 дней), посредством которого халдеи задолго до него уже предсказывали затмения. Этот цикл употреблялся в его время и греческими, и египетскими астрономами. Он не давал Иоанну возможности точно вычислить время дня, в которое наступит затмение, а вместе с тем и пункты земной поверхности, с которых оно будет видимо, но благодаря ему Иоанн хорошо знал, что в этот самый день затмение неизбежно и что, может быть, его уже видят где-нибудь на Земле, и «все цари Земли бегут скрыться в пещеры гор».

Он, очевидно, ждал его весь этот день, для него и вышел на берег Патмоса, а когда в момент закрытия Солнца толстыми грозowymi тучами внезапно наступил как бы вечерний

сумрак и показался «гневный лик» Солнца между ними, он и заключил, что ожидаемое им затмение уже совершается наверху за тучами.

Что же касается до того, понимал ли он истинную причину затмений Солнца, как факта закрытия его Луной, то это очень сомнительно. Его собственное описание показывает, что он просто признавал эти явления за особенные знамения бога, подчиняющаяся определённой законности. Дело в том, что древних наблюдателей совершенно сбивали с толку **лунные** затмения. Пока Земля не считалась такой же планетой, как и все другие, пока её представляли, как Иоанн, четырёхугольным дном мировой коробочки, прикрытой стеклянным колпаком, по которому ходят небесные светила, – лунные затмения не могли быть ничем объяснены, а это бросало тень таинственности и на соответствующие им солнечные затмения. Правда, что в половине второго века уже появилась книга Птолемея, представлявшая Землю шарообразной и пытавшаяся объяснить небесные явления обращением вокруг Земли Солнца и Луны по цик-

лам, т. е. кругам (рис. 64), а остальных планет по циклам (называемым в астрономии диферентами) и эпициклам, т. е. надкругам, «как будто бы колесо находилось в колесе» (Иезекииль, 1). Но эта система, благодаря выделению Земли в центр вселенной, являлась настолько запутанной, что могла возбуждать недоверие у людей, считавших, как Иоанн, Библию за непосредственное откровение самого бога.

Для человека с таким мировоззрением, какое изложено в первых главах Книги Бытия, тот факт, что лунные затмения бывают только в ночи полнолуний, а солнечные – в дни новолуний, должен был представляться простым совпадением. Всё, что мог бы сказать по этому поводу Иоанн, придерживавшийся, как мы видели из его книги, библейского мировоззрения, – это то, что бог открыл древним халдеям Саросский цикл затмений и этим посвятил людей в часть своих таинственных предопределений, но на вопрос, каким путём потемняет бог светила, он, вероятно, ответил бы, что «одним своим всемогущим словом», а правильность этих явлений объяснил бы без

колебания правильностью самих предопределений бога.

Но как бы ни думал об этих предметах Иоанн, из его книги ясно следующее: он знал заранее, что в данный день должно произойти солнечное затмение. А этот факт служит новым удостоверением правильности нашей даты.

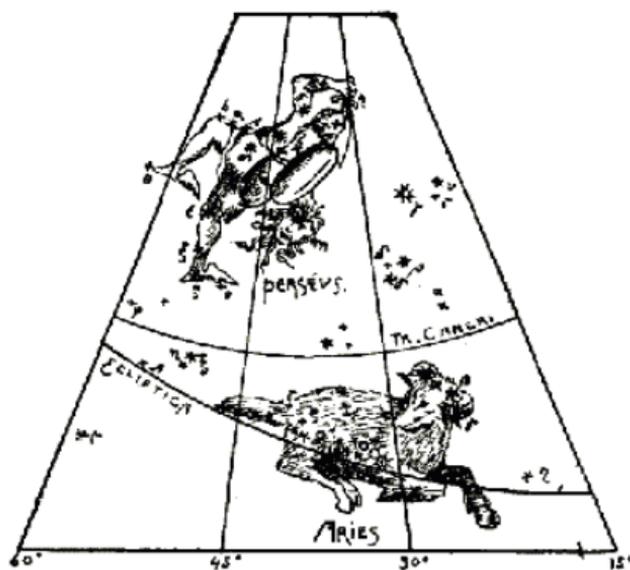

Рис. 61. Марс под Персеем в Овне (по манускрипту Grienerger'a).

Рис. 62. Положение Солнца и Луны 30 сентября 395 года (Луна показана несколько южнее Солнца).

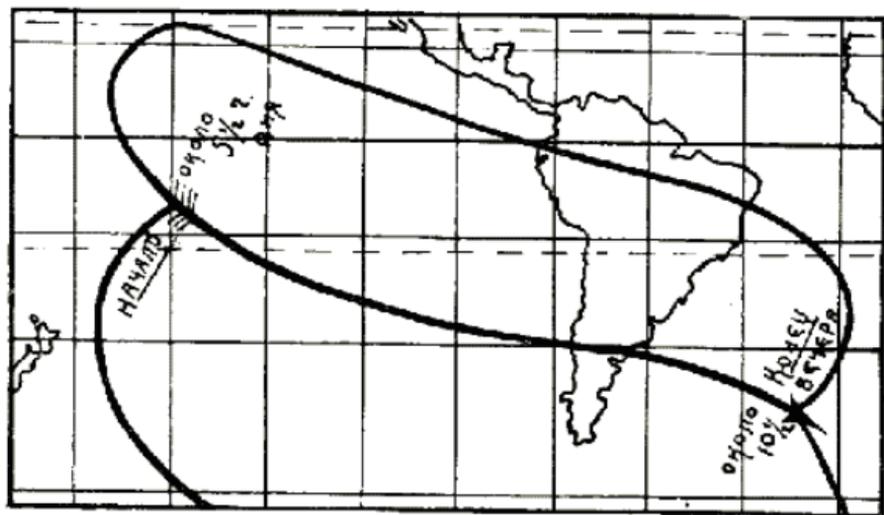
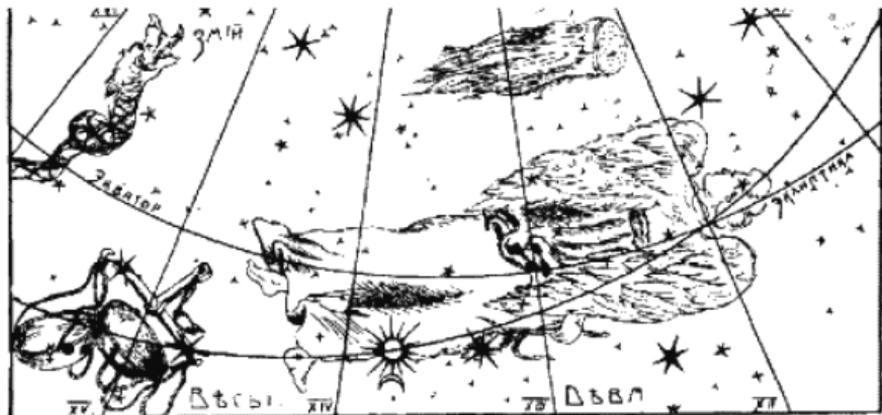
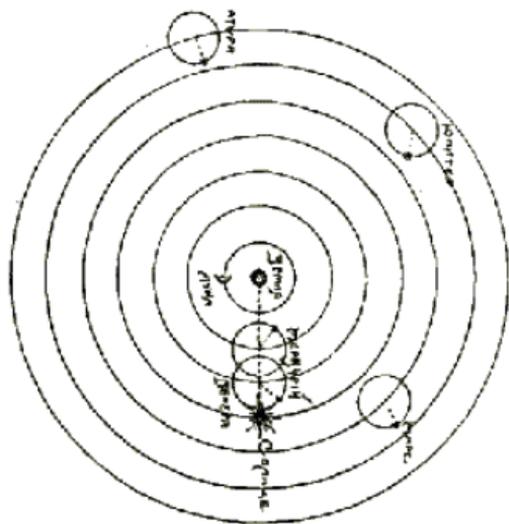

Рис. 63. Путь солнечного затмения 30 сентября 395 года по Птолемею.

Рис. 64. Система Птолемея (половина 2-го века.)

IV. Заключение

Итак, многочисленные астрономические данные, рассеянные по всему Апокалипсису, не оставляют ни малейшего сомнения, что гроза, описанная Иоанном, пронеслась над Патмосом около 5 часов вечера 30 сентября 395 года. Описанного им вида звёздного неба, по всей вероятности, вообще не было ни разу за весь исторический период времени [161], кроме указанного здесь дня. Если бы против этой даты были целые горы древних манускриптов, то и тогда их всех пришлось бы считать подложными.

Но на самом деле мы не имеем о ней за первые четыре века никаких серьёзных сведений, кроме десятка взаимно опровергающих друг друга цитат, голословно приписываемых тому или другому из христианских епископов, и дошедших до нас лишь в копиях средневековых монахов. В самом же «Откровении в грозе и буре», как довольно хорошо сохранившемся древнем документе, мы находим, помимо астрономии, целый ряд чисто исторических указаний на его принадлежность концу четвёртого века, согласно нашим вычислениям.

Всё его содержание говорит о распрях, происходивших в это время между различными сектами христианского мира, о высоком государственном положении византийского духовенства, его роскоши, влиянии и различных пороках, компрометировавших его в глазах всех искренних и правдивых людей того времени.

Некоторые из этих исторических указаний я привёл уже в подстрочных примечаниях к своему переводу, другие же сами собой выясняются далее.

Что же касается до того, что днём для исполнения астрологического предсказания было назначено Иоанном воскресенье 13 марта 399 года нашего современного летоисчисления, то этот факт тоже чрезвычайно знаменателен и находится в полном согласии с мистическим отношением автора к числам и годам.

В марте этого года у многих древних христиан, в том числе, очевидно, и у автора, кончались полные четыре века после предполагаемого ими времени рождения Христа. Дело в том, что наше современное летосчисление было изобретено лишь в 6-м веке католическим монахом Дионисием Малым (Dionisius Exiguus), умершим около 556 года. Он «определил» рождение Христа в субботу 25 декабря 753 года от основания Рима[162] (очевидно, в ночь с субботы на воскресенье) и первым годом христианской эры назначил 754 год от основания Рима (когда 25 декабря приходилось уже в воскресенье). Это летосчисление было официально принято в Италии только в 10-м веке, при папе Иоанне XIII (968—970 гг.), а затем распространилось и по другим странам

континента Европы, дойдя в 14-м веке до Испании, в 15-м – до Греции и в 1700 году до России.

В первые же четыре века нашей эры этого нынешнего летосчисления не было и в помине. Годы считались в Римско-Византийской империи от предполагаемого «основания Рима», а год, месяц и день рождения Христа ещё не были установлены официально. В одной из речей, приписываемых Иоанну Хризостому (относимой к первым годам 5-го века), говорится о спорах между современными ему христианами относительно месяца и дня рождения Христа, а что касается до года его рождения, то историки-богословы и до сих пор определяют его различно. Одни теологи 4-го и 5-го века утверждали, что он родился за 4 года до принятой нами теперь эры, а другие определяли это событие за два года до неё, как и делают до сих пор английские богословы.

Считая по этому последнему способу, мы находим, что указываемый Иоанном день 13 марта 399 года, как время исполнения его астрологического пророчества, назывался тогда

13-м марта 401-го года после предполагаемого рождения Христа, т. е. срок исполнения помечен начальным годом нового, пятого, века после этого выдающегося события. Кроме того, не следует забывать, что год в то время начинался не с января, как теперь, а с марта, в котором находилось 20-го числа весеннее равноденствие. По еврейскому счёту с этого самого равноденствия и начинался новый год, а граждане Римской империи считали свой год с 1-го марта.

Почему же автор отнёс момент исполнения своего предсказания именно к 13-му марта? – Очевидно, потому, что, кроме астрологических соображений, это был последний воскресный день четвёртого века, так как следующее воскресенье, 20-го марта 399 года нашей эры, или 20 марта 401 года от предполагаемого им года рождения Христа, являлось уже воскресным днём нового, пятого, столетия. В эту знаменательную неделю между 13 и 20 марта и должна была совершиться описанная автором борьба Иисуса с его византийскими врагами-клерикалами и его суд над ними, и новый пятый век должен был сойти с

небес уже на обновлённую Землю.

Всё это вполне совпадает с мистическим мировоззрением автора, по которому вся история мира и людей была распределена в стройном порядке по годам и числам. Мы это видели уже не раз в «Откровении в грозе и буре», где вместе со звериным числом 666 фигурируют и другие числа: семь гонцов бури, семь вестников с чашами, четыре животных перед престолом творца мира и т. д., и т. д. Все эти отдельные применения чисел – только различные проявления одной и той же общей мистической идеи автора о числе как выдающемся факторе в мироздании.

Часть IV

Характеристика византийской жизни конца IV века и послания автора Апокалипсиса к семи малоазиатским собраниям верных

I. Главные фракции христианского мира к концу четвёртого века

Когда при долгих блужданиях по какой-либо очень тёмной и плохо исследованной научной области вам приходится напасть на след какого-либо неожиданного открытия, этот след всегда имеет для вас что-то обаятельное, и невольно влечёт за собой всё далее и далее, как неизвестная полузаглохшая тропинка в глубину дремучего леса. И вы идёте по ней в неведомые места, сбиваетесь с едва заметного следа и снова возвращаетесь на него, пока тропинка не пропадёт совсем или не приведёт вас к какому-либо обитаемому

месту, уведя иногда на такое большое расстояние и в такие отдалённые места, которых вы и не собирались посещать.

Точно то же было и со мной, когда я заинтересовался близкой для меня по обычному роду занятий астрономической и темпестологической частью Апокалипсиса. Она завлекла меня на время в такую область, которая, казалось, не имела никакого соприкосновения с физико-математическими науками: в историю первых веков христианства. И всё это было совершенно неизбежно: один шаг влёт за собою другой, и остановиться на одном, не перейдя к другому, значило бы бросить даром всю работу.

Едва было окончено астрономическое вычисление, доказавшее мне неожиданно позднее время появления Апокалипсиса, как сейчас же явились вопросы: кто бы мог быть его автором, какова была его дальнейшая судьба и с какою целью или по каким причинам византийские теологи средних веков приписали его совсем другому времени и другому лицу, и этим сбили с толку всех последующих исследователей?

К счастью, в моём распоряжении в Шлис-сельбургской крепости, кроме моих прежних сведений по истории древнего мира, было несколько подходящих для этого книг: «Беседы святого Иоанна Златоустаго» (шестое издание, Москва, 1877 г.), «История первых четырёх веков христианства» Муравьёва (1866 г.) и 12 объёмистых томов «Житий святых», перепечатанных с поправками в 1852 году с издания 1689 года[163]. Эти последние книги, несмотря на свою односторонность, имели для меня особенную ценность, так как они, можно сказать, документальны. Они представляют из себя большую часть переводы древних византийских историков и писателей, собранные наивным и ограниченным Макарием Московским и отредактированные потом Димитрием Ростовским, бравшим их в том виде, в каком они были написаны, почти не стирая своей обработкой оригинальной окраски документов.

Приводить здесь всего, прочитанного мною по этому поводу, было бы, конечно, неуместно, а потому я и дам только очень короткий очерк состояния христианского мира

во время появления книги Иоанна, а также и его собственной жизни, избегая всяких второстепенных подробностей.

В конце четвёртого века, при шестом византийско-римском императоре Феодосии Первом (378—394), мы застаём Римскую империю в период своего окончательного распада на две части: восточную и западную.

Начиная с Константина Первого (325—337), перенёсшего столицу империи из Рима в Византию (330 г.) и объявившего христианство государственной религией, хотя сам он и не крестился до самой смерти, государство делилось очень часто между двумя или несколькими соправителями. Сыновья и родственники каждого умирающего императора немедленно начинали между собою кровопролитные войны, пока одному из них не удавалось перебить всех своих братьев и соправителей, чтобы достигнуть единовластия.

Вычисленный нами для книги Иоанна 395-й год был также и годом окончательного распада обеих половин империи, из которых каждая пошла с этого времени (с 17 января 395 г.) своим собственным путём, не стремясь

более ни к каким дальнейшим соединениям.

Во весь этот длинный период распадений и соединений обе части империи подвергались постоянным нападениям извне. Ещё в 363 году, когда император Юлиан был убит в сражении с персами, его преемник Иовиан (363—364) заключил с ними невыгодный договор с уступкой нескольких городов и выдачей неприятелю своего союзника, армянского царя. Но и это не повело к согласию. Сейчас же после смерти Иовиана (364 г.), умершего, не дойдя до своей столицы, Константинополя, персидский царь объявил свой договор уничтоженным. Его войска начали угрожать малоазиатским провинциям вплоть до того времени, когда, по нашему вычислению, была написана книга Иоанна. Этим самым и объясняется его предсказание, что высохнет вода в Евфрате «для того, чтобы открыть путь царям от солнечного восхода»[164], – событие, предзнаменованное в его глазах пребыванием планеты Марса под Персеем.

Кочующие гунны, хун-ну китайских летописей, двинулись за 20 лет до появления Апокалипсиса из внутренней Азии через реку

Урал и, перейдя через Дон, покорили в 375 г. живших к западу от него вестготов.

Соседи же их и соплеменники остготы, обитавшие между Бугом и устьями Дуная, перепуганные этим нашествием, перешли через Дунай во Фракию и отдались под покровительство Византийско-Римской империи. Но вскоре притеснения посылаемых к ним корыстолюбивых наместников вызвали у них восстание. В 378 году остготы разбили наголову при Адрианополе посланные против них римские войска, и вся страна вплоть до Константинополя сделалась «жертвою варваров», которые, впрочем, уже давно были христианами-арианами. Уцелели лишь укрепленные города империи. Только новому императору Феодосию удалось, наконец, заключить с ними соглашение и водворить их обратно во Фракию. Но тотчас после его смерти, 17 января 395 года, незадолго до выхода «Откровения в грозе и буре», они снова поднялись, и затем, разорив придунайские области, ворвались в 396 году в Элладу и Пелопоннес, как бы оправдывая пророчество Иоанна. Однако вскоре они были оттеснены обратно римским полком.

водцем Стилихоном.

Точно так же грабила страну перед выходом Апокалипсиса и та часть ариан-готов, которая была поселена для защиты границ малоазиатских провинций.

Полная дезорганизация царила и на других окраинах империи: аллеманы опустошали Галлию и Рецию; сарматы и квады – Паннонию; пикты, скотты, саксы, франки и фризы – Британию; мавританские народы – провинцию Африку. По всей Европе начиналось какое-то лихорадочное стремление «варварских» народов передвигаться значительными массами от востока к западу, известное под названием великого переселения народов в IV и V веках.

Понятно, что всё это должно было создавать всеобщую атмосферу беспокойства, особенно благоприятную для появления таких книг, как Апокалипсис, а также и для восприимчивости к ним читающей публики.

Не менее тревожно было и внутреннее состояние христианской церкви, достигшей теперь господства над языческими и с ожесточением наносившей им последние удары.

Как только император Константин Первый, перебив своих родственников и соправителей, сделался в 325 году единовластным, он сейчас же признал христианскую религию государственной. Но в ней уже происходило самопроизвольное распадение на различные фракции, с их неизбежными дразгами, пререканиями и враждой, и вот, с целью примирения, Константин собрал их представителей в 337 году на «вселенский собор» в Никее, около Константинополя. Таким образом, этот знаменитый христианский собор открылся под председательством языческого императора, так как Константин умер некрещёным или крестился лишь на смертном одре[165].

В результате оказалось не только не примирение, но ещё большее распадение христианской церкви на две враждующие между собою фракции, ненависть которых друг к другу дошла, наконец, до такой степени, что они взаимно предали друг друга анафеме и при уличных столкновениях доходили не только до драк, но даже до кровопролития.

Первая из фракций, главнейшими представителями которой были на Никейском соборе

Арий, Евсевий Кесарийский и Евсевий Никомидийский, руководилась в своих представлениях об Егюшуа-Иисусе первоначальными взглядами христиан первого века и утверждала, что он есть переходное существо между богом и человеком (т. е. полубог). Она называла его подобосущным богу[166].

Вторая фракция имела руководящими представителями мирликийского епископа-чудотворца Николая и Александра Александрийского с его диаконом Афанасием. Она называла уже Егюшуа (как и следовало ожидать на основании эволюции представлений) одинаковосущным с богом[167], желая этим сказать, что он другая личность или особа (persona) той же самой божественной сущности. Однако, несмотря на это, фракция Николая чудотворца и его единомышленников оставляла в силе и старый библейский тезис, что «божество» едино, т. е. не распадается на личности, как «человечество». Из соединения вместе этих двух непримиримых друг с другом представлений с прибавлением к ним на равных правах ещё святого вдохновения (??????), которое, осеняя человека, даёт ему

дар творчества и предвидения, а по природе своей есть дух (т. е. одушевлённый газ), – и произошло впоследствии учение о святой троице, сохранившееся и до сих пор в большинстве христианских фракций.

Во время Никейского собора вся эта теологическая софистика лишь только вырабатывалась. Новая религия должна была развиваться тем же путём, как и большинство других. Её основатель, Егошуа из Назарета[168], с течением времени должен был принимать всё более и более божественные свойства. Из простого человека, каким его считали современники, он должен был – эволюционным путём – превратиться сначала в полубога (как на это указывает и самое прилагательное Христос, обычное греческое слово, означающее: помазанный, выкрашенный, посвящённый в высокий духовный сан), а затем и в полного бога, принявшего человеческий образ.

Сторонники Ария не могли, конечно, удержать своих переходных представлений об Егошуа, а потому и из Никейского собора ничего не могло выйти, кроме окончательного

разрыва. Всё, чему здесь можно удивляться и что стоило бы специально разъяснить, это исторические причины, благодаря которым ариане сейчас же после смерти Константина Первого (337 г.) могли вернуть себе преобладание и продержаться как господствующая фракция целых 44 года, вплоть до 381 года, когда новый император, Феодосий, снова возвратился к сторонникам Николая Мирликийского.

Нападки Ария на Никейском соборе в 325 году, по-видимому, не были возражениями чисто отвлечённого, теоретического характера, но носили также (как это постоянно бывает во все бурные периоды внутренних столкновений между политическими и религиозными фракциями) характер обвинения противной стороны в глупости, неискренности, шарлатанстве и т. д. и т. д. Для иллюстрации стоит только послушать современных духовных ораторов, когда различные их фракции начинают полемизировать между собой. А в древности это велось ещё первобытнее.

Эти обвинения почему-то особенно вывели из равновесия епископа Николая мирли-

кийского, называемого чудотворцем.

Ввиду доказанной уже в настоящее время подложности большинства документов, относящихся к Никейскому собору, и сомнительности остальных, мы можем только догадываться, что Арий избрал его предметом каких-то обличений (можете быть, именно по случаю какого-либо из его не дошедших до нас чудес). Николай же ответил ему вместо разъяснения ударом по лицу. На соборе произошёл шум и смятение. Николая выгнали вон, и после него главным защитником единственности Егюшуа с богом оказался простой диакон александрийского епископа – Афанасий, сделавшийся впоследствии епископом в той же Александрии.

После многих бурных сцен собор решил окончательно признать Егюшуа второй личностью божества. Ариане были преданы анафеме, и император Константин признал своей государственной церковью фракцию **николаитов**, как, вероятно, арианская фракция называла своих противников после личного столкновения своего главы с Николаем[169].

В этом, по моему убеждению, и заключается

ся разгадка слова «николаиты», два раза встречающегося в укоризненном смысле у автора «Откровения в гроз и буре» в его письмах к семи малоазиатским обществам, которые мы приложим несколько далее. Название **николаиты** здесь явно производится от Николая, подобно тому, как иезуиты – от Иисуса (Jesus). Но никакого другого выдающегося Николая в четвёртом веке не было, а потому и в Апокалипсисе, как книге конца четвёртого века, речь может быть только о сторонниках учения Николая Мирликийского, а не о легендарных «николаитах первого века», вероятно, никогда не существовавших и выдуманных в средние века, чтоб объяснить слово «николаиты» в Апокалипсисе.

Причины, почему это название господствовавшей в Византии в конце IV века фракции не дошло до нас в византийских сообщениях, совершенно понятны. Каждая из двух фракций называла себя **универсальной** (по-гречески **кафолической**), а вторую считала отщепенской и называла её по имени наиболее отличившегося из её представителей на разделившем их навсегда Никейском собор.

Что же касается до того, чем отличился этот представитель, ударом противника по физиономии или ораторским искусством, было безразлично для древних: о ком больше шумели, тот и должен был наложить своё имя на своих сторонников. На Николая же ариане особенно сильно негодовали со времени Никейского собора. Значит, в наших николаитских источниках средних веков мы можем найти только название *ариане*, как имя противников, но не найдём *николаитов*, а в арианских источниках (к сожалению, почти совсем истреблённых в средние века) мы везде встретили бы николаитов или афанаситов, но нигде не встретили бы *ариан*.

Такой способ названия, по особенно эффектным деятелям, был тем более уместен и неизбежен, что партия Николая (как мы уже заметили выше) не долго продержалась у власти, и скоро сама стала непризнанной государством фракцией. Сейчас же после смерти Константина, как только византийский трон занял его сын Констанций (337—361), начался поворот в пользу ариан, которые скоро и заменили при дворе сторонников Николая и

Афанасия и, предав их на созванном Константином соборе анафеме, начали поступать с ними так же, как и те поступали с ними во время своего господства.

Когда в 361 году умер, наконец, Константин, преемник его Юлиан (Флавий-Клавдий, 361—363), разочаровавшийся в обеих, отказался от услуг и той и другой из христианских фракций и объявил полную веротерпимость. Он сам более всего сочувствовал гонимым в это время богам древнего пантеона, за что и получил от христиан название *отступника*. Затем, с избранием в императоры малоазиатскими войсками Иовиана (363—364), умершего от раны в Азии раньше своего приезда в столицу, империя снова возвратилась к христианству, и преемник Иовиана Валент (364—378) опять объявил государственной церковью арианскую.

Это продолжалось до самой его смерти, навсегда положившей конец господству ариан. Как только новый император Феодосий Первый (378—394) вступил на престол, он окружил себя «николаитами», среди которых наиболее влиятельным был в это время непри-

миримый враг Иоанна Хризостома (предполагаемого нами автора Апокалипсиса) Феофил, епископ александрийский.

Собранный императором в 381 году Константинопольский собор, состоявший, как предполагают, исключительно из восточных епископов, без участия римских, вновь предал ариан анафеме, и по его решению Феодосий начал жестоко гнать их вместе с язычниками и всеми другими менее распространёнными христианскими фракциями. На этом (первом Константинопольском) соборе и была установлена, как говорят, вторая половина известного «символа веры», сохранившегося и до сих пор в обеих ортодоксальных фракциях «вселенской» церкви.

Такова в общих чертах история попеременного господства двух главных христианских фракций четвёртого века, вплоть до первого года царствования Аркадия, когда, 30-го сентября 395 года, пронеслась над островом Патмосом та гроза с землетрясением, которая дала начало «Откровению». К какой из этих фракций принадлежал его автор?

Всё показывает, что ни к одной из них. Это,

по его словам, были только «два рога похожие на рога Овна», и оба принадлежали второму зверю – зверю государственной церкви – «который говорил как дракон» и приобрёл такую же власть, как и зверь-империя[170].

Но помимо этих двух борющихся за власть фракций, в христианском мире четвёртого века было несколько других, – сравнительно небольших, обособленных групп, – которые не могли стремиться к исключительному господству, а потому и не были ещё анафематизированы ни той, ни другой стороной, занимая между ними как бы промежуточное, нейтральное положение. Особенно видной между ними являлась в это время фракция **оригенистов**, распространённая небольшими общинами, главным образом по Малой Азии, Египту и Сирии.

Своё имя она получила от знаменитого александрийского учёного Оригена (185—254), ученика Аммония Сакса, философа неоплатонической школы. Отец его, христианин, был замучен в цирке во время гонения при Септимии Севере, в 202 году, и это обстоятельство экзальтировало мальчика до край-

ней степени. Он начал вести самый суровый образ жизни, посвящая всё своё время наукам и размышлениям. Говорят, его способности были так блестящи, что несмотря на его молодой возраст, несовместимый с представлениями древних об учёности и авторитете, к нему массами стекались ученики.

Когда его слава, как проповедника и преподавателя, была уже упрочена, александрийский епископ Димитрий захотел его утилизировать для своей церкви и назначил его при ней *оглашателем* (ангелосом).

Прямая обязанность этого лица была «*оглашать*» неофитов, т. е. преподавать им сущность христианского учения и, кроме того, прочитывать получаемые от других христианских кружков известия и сообщения. Отсюда понятно, почему «Откровение в грозе и буре» и было адресовано, как увидим далее, ангелосам, т. е. оглашателям или преподавателям семи малоазиатских собраний, бывших, как увидим далее, оригенитскими.

Преподавание Оригена, а затем и его последователей, оригенитов, было несравненно шире и разнообразнее, чем в остальных хри-

стианских фракциях. Ориген ввёл сюда, помимо библейских сказаний и истории христианства, ещё геометрию, астрономию, географию, философию, логику и другие «языческие» науки, стараясь побудить своих слушателей «изучать бога в его творениях».

Очень может быть, что это необычное расширение подготовительной программы и поспорило его с епископом Димитрием, так как в 229 году Ориген навсегда оставил Александрию и удалился в Кесарию Палестинскую, где местный епископ Феоктист, по соглашению со своим начальником, епископом Иерусалимским Александром, назначил его пресвитером (что значить «старший»). Ориген открыл здесь новую школу с не меньшим успехом и по той же самой широкой программе. Это до такой степени вывело из себя его бывшего епископа Димитрия, что он сейчас же обвинил Оригена в лжетолкованиях священных книг и пустил ему вдогонку ещё инсинуации личного характера, вероятно, вызванные лишь припадками собственного раздражения. Затем Димитрий созвал в Александрии собор своих подчинённых и анафемати-

зировав Оригена в своей епархии.

Но это нисколько не повредило Оригену в глазах его новых начальников. По-видимому, совершенно напротив: он не только был оставлен на своём месте, несмотря на все протесты Димитрия, но и получил большое влияние на окружающих епископов, приезжавших к нему на совещания в затруднительных обстоятельствах.

Среди оригинальных особенностей учения Оригена было, между прочим, утверждение, что небесные светила движутся «заключёнными в них духами (?????)», которые, переходя различные степени очищения, облакаются всё в более и более светлые тела (или одежды). Этому же взгляда придерживается и автор «Откровения в грозе и буре», когда говорит в главе VII о том, как накладывали на звёзды печати перед бурей.

Из остальных же пунктов, в которых Ориген расходился с господствующей церковью, наиболее замечательными являются следующие. Он говорил, что человеческая душа творится прежде рождения человека, и, следовательно, нет на ней *первородно гогреха*, пере-

дающегося от отцов к детям, как учит церковь. Он утверждал, что адские мучения не вечны, так как это противоречило бы милосердию бога, и что земной рай и многие другие места библейских книг нужно понимать аллегорически. Теологи ему приписывают более тысячи бесед и много других сочинений. Но какие из них подлинно принадлежат ему и какие подложны, – всё это ещё вопросы будущего.

Небольшой порыв гонения во время воцарения Максимиана (235—238) заставил пятидесятитрехлетнего Оригена бежать из палестинской Кесарии в другую, боле далёкую. Затем он поселился в Тире, откуда ездил в Ахайю и Басру месопотамскую, но после снова возвратился в Тир. Здесь он мирно предавался литературным трудам, пока новый порыв гонения при Деции в 253 году не захватил и его, уже шестидесятивосьмилетнего старика. Его подвергли пыткам, после которых он и умер в следующем году.

Несмотря на анафему, которой Ориген подвергся со стороны своего первого епископа – Димитрия Александрийского, его популяр-

ность была чрезвычайно велика во всём христианском мире третьего и четвёртого веков. Он считался знаменитейшим из христианских писателей. Благодаря большим требованиям от своих последователей по отношению к умственному развитию, ни сам Ориген, ни его ученики не могли, конечно, образовать сильной фракции. Они составляли вплоть до 553 года (когда их всех предали анафеме на пятом вселенском соборе) особую учёную группу, подозрительную как для ариан, так и для николаитов. Их по временам обвиняли в чернокнижии, но они, как мы сказали выше, ещё не были анафематизированы никем, кроме Димитрия александрийского.

В то время, о котором мы говорим, т. е. в год выхода «Откровения в грозе и буре», эта фракция была по-прежнему немногочисленна, но в следующие же годы после его появления она приобрела (очевидно, благодаря ему) неожиданное распространение. К ней склонился на время (в 398 г.) даже епископ иерусалимский Иоанн, рассорившийся за это с непримиримым врагом оригенистов, кипрским епископом Елифанием. В этой-то груп-

пе, как мы увидим далее, числился и автор «Откровения в грозе и буре».

Но прежде чем мы примемся за выяснение его личности, dokonчим перевод его книги и приведём здесь отдельно семь его посланий к малоазиатским оригенистам. К ним одним, по моему мнению, и адресовал он свою книгу, исключив все остальные христианские фракции, как чужие. Эти письма составляют целиком 2-ю и 3-ю главы «Откровения в грозе и буре», но так как содержание их не имеет никакого отношения к остальным главам книги, а втиснуто туда насильно, как бы в виде предисловия, помещённого по ошибке в середину книги (чем сильно портится связность её изложения), то я и решил перевести их особо.

Слог их тоже совершенно особый: это подражание обычной форме ветхозаветных пророчеств, где увещания написаны не от имени самого автора, а как бы под диктовку разговаривающего с ним бога.

II. Послания Иоанна к семи малоазиатским собраниям его единомышленников, вставленные посредине «Откровения в грозе и буре» (главы II и III Апокалипсиса)

Оглашателю[171] собрания в Эфесе напиши: так говорит держащий семь свечей в своей правой руке и обходящий[172] (*кругом неба*) среди семи золотых светильников (т. е. уже известный нам гневный лик Солнца, выглянувшего в щель между двумя слоями грозовой тучи, символ разгневанного Иисуса): знаю твои дела, и труды, и терпение, и что ты не способен сносить дурных[173]. Ты испытал хвастающихся, будто они посланники Иисуса, но на самом деле не таковы, и нашёл, что они лжецы. Ты осмотрителен и обладаешь терпением, боролся за меня и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил свою первую любовь (здесь игра слов: ???'?? значит одновременно и любовь, и вечерние собрания христиан первых веков). Вспомни же, от чего ты отпал, сознайся в ошибке и воспроиз-

води первоначальные дела[174]. А если не так, то я скоро приду к тебе и сдвину твой светильник с его места. Но есть у тебя заслуга в том, что ты ненавидишь поступки **николаитов**, которые ненавижу и я. Имеющий ухо да слышит то, что вдохновение говорить собраниям! Побеждающий будет вкушать от дерева жизни, находящегося посреди божьего сада[175].

Оглашателю собрания в Смирне напиши: так говорит первый и последний, который был мёртв и ожил (т. е. тот же символизировавший Иисуса гневный лик Солнца, которое в этот самый день подвергалось затмению и снова просияло): знаю твои дела, печаль и бедность (хотя на самом деле ты богат), и доносы от тех, которые говорят, что они иудеи, но не таковы, а сборище преграды (между богом и людьми)[176]. Не бойся того, что тебе придётся претерпеть. Вот доносчик будет бросать некоторых из вас в тюрьмы, чтобы соблазнить, и будет вам скорбь около десяти дней (по каким-то астрологическим соображениям). Будь верен до смерти, и я дам тебе Венец Жизни (созвездие Венца?)[177]. Имю-

щий ухо да слышит то, что вдохновение говорит собраниям. Победитель не пострадаете от второй смерти!

Оглашателю собрания в Пергаме напиши: так говорит имеющий наточенный меч с двумя остриями (тот же гневный лик Солнца, поперёк которого лежало веретенообразное облако): знаю твои дела и то, что ты живёшь там, где трон доносчика (вероятно, какого-нибудь епископа, занимавшегося сыском и творившего чудеса с «золотой чашей», см. главу 17), и защищаешь моё имя, и не отказываешься верить мне даже в такие дни, в которые среди вас, где живёт преградитель, умерщвлён мой верный провозвестник Антиппа (вероятно, обличавший этого епископа[178]). Но я имею немного против тебя за то, что у тебя там есть придерживающиеся учения Валаама (древнееврейского пророка), который научил Валака[179] (царя языческих моавитов) бросить соблазн перед сынами Израиля – Богоборца: чтобы они вкушали посвящённое образам и проституировались (с властями, ??????????). Таким образом[180], и у тебя оказались сторонники учения николаитов, которое

я ненавижу. (Припомним, что фактическим главой николаитской фракции стоял в 395 года ожесточённый враг Иоанна Хризостома – Феофил Александрийский.) Исправься же, а если нет, скоро приду к тебе и буду воевать с ними мечом моих уст. У кого есть ухо, да слышит то, что вдохновение говорит собраниям! Победителю дам вкушать от сокровенного небесного хлеба[181], и получит он от меня белый избирательный камень и новое звание, начертанное на этом камне, которого не знает никто, кроме получающего[182].

Оглашателю собрания в Фиатирах напиши: так говорит дитя бога, у которого глаза как огненное пламя, а ноги подобны бронзе (та же грозная фигура в облаках): знаю дела твои, и любовь, и услуги, и верность, и терпение, и что последние дела твои больше первых. Но имею немного против тебя за то, что ты позволяешь твоей хозяйке[183] Иезабели (имя, часто дававшееся Иоанном Хризостомом враждовавшей с ним фракции византийского духовенства), называющей себя провозвестницею, учить и улавливать моих слуг и проституироваться (со светской властью) и

вкушать посвящённое изображениям (отсюда видно, что и здесь дело идёт о тех же николаитах, с которыми фиатирская община оригенистов, вероятно, жила в союзе и добром согласии). Я дал ей время покаяться в своей продажности, но она не покаялась. Вот я повергну её на носилки, а проституировавшихся с нею в великую скорбь, если не раскаются в своих поступках, и детей её поражу смертью, и узнают всё, что я – испытывающий сердца и внутренности, и воздам каждому из вас по вашим делам. Всем же остальным в Фиатирах, которые не держатся её учения и не знают так называемых секретов[184] преградителя, я говорю, что не наложу на вас другого бремени. Только до конца держите то, что имеете, пока я приду. Победителю (символизируемому созвездием Геркулеса) и соблюдающему мои дела дам власть над змеями[185], и будет он пасти их железной дубиной (рис. 65) и разобьёт их вдребезги, как глиняную посуду, как и я (Христос, символизируемый Змееносцем) принял (пасти змея) от отца моего. И дам победителю утреннюю звезду (Венеру, находившуюся в Змееносце[186] под Геркулесом).

Имеющий ухо слышать да слышит то, что вдохновение говорит собраниям.

Оглашателю собрания в Сардах напиши: так говорит имеющий семь вдохновений и семь звёзд (Большой Медведицы): знаю твои дела, ты носишь имя (оригенита) как будто живой, но ты мёртв. Пробудись и укрепляй остальных, близких к смерти, потому что я не нашёл твои дела совершёнными перед моим богом. Вспомни, как много[187] ты получил и слышал, сохрани же это и исправься. Если же не будешь бодрствовать, приду на тебя неожиданно, как вор, и ты не узнаешь, в какой час я приду к тебе. Однако есть в Сардах несколько имён (??????), которые не запятнали своих одежд, и будут они обходить со мною (в виде новых звёзд, вокруг небесного полюса) в светлых одеяниях, потому что они непорочны. Победитель будет одет в светлые одежды. Я не изглажу его имени из книги жизни, но признаю его перед моим отцом и перед его вестниками. Имеющий ухо слышать да слышит то, что вдохновение говорит собраниям!

Оглашателю собрания в Филадельфии на-

пиши: так говорит непорочный и истинный, имеющий ключ возлюбленного[188], который отпирает так, что никто уже не отворит. Знаю твои дела. Вот я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить её. У тебя немного силы, но ты сохранил моё учение и не отрёкся от моего имени. Вот я сделаю лжецами всех из сообщества преграды, которые говорят, что они иудеи, но не таковы на деле. Вот заставлю их придти и преклониться перед твоими ногами, и узнают, что я тебя люблю. За то, что ты сохранил завет мой о терпении, и я сохраню тебя от часа искупления, который должен сойти на всю вселенную, чтоб исправить живущих на Земле. Вот приду скоро. Сохрани, что имеешь, чтобы никто не похитил твоего венка. Победителя сделаю колонной в храме моего бога и окружу стеною[189], чтоб он не вышел опять, и напишу на нём имя моего бога и имя моего сооружения, нового царства мира, сходящего с небес от бога, и моё новое звание. У кого есть ухо, да слышит то, что вдохновение говорит собраниям!

Оглашателю собрания в Лаодикии напиши: так говорит правда, верный и истинный

свидетель, начало божьего творения: знаю твои дела, – ты ни холоден, ни горяч! Но вот ты ни холоден, ни горяч, а тёпл, и хочется мне изbleвать тебя из моего рта! Ты говоришь: «я богат, я накопил добра и ни в чём не имею нужды», а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и беден, и слеп, и гол! Советую тебе купить у меня золото, очищенное огнём, чтобы обогатиться тебе действительно, и светлые одежды, чтобы одеться и не проявлять стыда за свою наготу! Протри лучше[190] свои глаза, чтобы видеть. Я обличаю и наставляю всех тех, кого люблю. Будь же ревностен и покайся. Вот я встал у дверей и стучу. Если кто услышит мой стук и откроет двери, войду к нему и буду есть с ним, и он будет есть со мной. Победителю дам сеть со мною рядом на моём престоле, как и я победил и сел с моим отцом на его престол! Имеющий ухо слышать да слышит то, что вдохновение говорит собраниям!»

Здесь кончаются письма Иоанна к малоазиатским собраниям его единомышленников.

Читатель видит, как я уже предупреждал,

что эти семь писем совершенно не имеют никакого отношения к остальному содержанию книги. Но и они интересны в некотором смысле для истории того времени. Они показывают, что автор не принадлежал к господствовавшей при нём церкви, иначе он не адресовал бы своего послания исключительно семи малоазиатским городам, как будто бы других не стоило и предупреждать о такой важной вещи, как скорое пришествие Христа на Землю. Во всяком случае, он не исключал бы Рима, который со времени Петра был естественным центром христианства, несмотря на все гонения первых веков, или даже благодаря именно им.

Из одного этого обстоятельства очевидно, что он принадлежал к какой-то из небольших групп, имевших в 395 году автономную организацию только в этих семи городах, а в остальных местах не обособлявшихся от какой-либо из двух главных фракций – ариан и николаитов. По самому астрологическому характеру книги не трудно видеть, что она наиболее соответствует духу оригенистов, вводивших в свою теологию не только узкое изуче-

ние Библии, но и все современные им языческие науки, особенно астрономию и астрологию, так как в изучении неба – предполагаемого жилища бога – они старались, по Оригену, изучить его самого. К этому же приводят и другие исторические факты, как мы увидим далее.

Рис. 65. Созвездие Змееносца, попирающего ногою смерть (Скорпиона), и созвездие Геркулеса, попирающего Дракона и пасущего змей (его детей) железной дубиной. Утренняя звезда, Венера, находилась 30 сентября 395 года в правой пятке Змееносца и показана в ней тёмным кружком.

III. Нравы византийского духовенства в конце IV века[191]

Нравы богатых в конце IV века были ещё слишком часто языческими нравами, господствовавшими в продолжение всей империи. Роскошь была необыкновенна, дебош всеобщий и свободный.

Aime Puech

Апокалиптическое описание *Великой Самопродажницы*, «одетой в жемчуг, кисею и драгоценные каменья», «преследующей праведников» и «проституирующей с земными царями», до того ярко рисует нравы византийской церкви конца четвёртого века при её пышном патриархе Нектарии, что уже по одному этому книгу Иоанна было бы необходимо отнести к данному времени.

Вот как очерчивает эти нравы французский академик Тьерри[192].

„При исчислении пороков (византийского) духовенства Палладий отмечает три, которые уже сами по себе должны были бы вызвать гибель церкви: сладострастие, обжорство и

жадность. Это была «истинная мать всех пороков[193] (апокалиптическая «мать блудников и мерзостей Земли»), так как она их зачинала в своём чреве и воспитывала их».

„Порок сладострастия, который Палладий ставит в вину византийскому духовенству [194], проявлялся в особенности в обычае жить с *сёстрами-аганетами* (возлюбленными сёстрами) или подводимыми женщинами (*mulieribus sub-introductis*). Этот довольно недавний обычай, если верить Иоанну Хризостому (т. е. самому автору Апокалипсиса, как увидим далее), до такой степени процветал и так повсюду распространился подобно плеведам, что заразил теперь весь христианский мир (т. е. церковь), как на Востоке, так и на Западе, и угрожал перейти в церковное установление... Напрасно протестовали учёные, напрасно анафематизировали соборы, и сами гражданские законы свирепствовали против этого сожительства духовенства с девушками и их проституирования, настолько же губительного для дисциплины, как и бесчестившего религию, – злоупотребление сопротивлялось всем лекарствам... Часть духовенства,

заражённого этим пороком, составляла могущественную организацию (*великую твердыню Апокалипсиса*), о которую разбился не один доктринёр и не один епископ...

Иоанн Хризостом (в 397 году) не первый раз был в этой опасной борьбе. Когда он был ещё диаконом в Антиохии (*т. е. за несколько лет до составления им в 395 году «Откровения в грозе и буре»*), он написал два знаменитые трактата – первый по адресу современного духовенства, а второй – по адресу девушек, которые предоставляли себя дебошам этого лживого братства»...

«Суровый хирург призвал (в 397 году) на свой суд тех, которые жили таким образом, выгнал одних и обличил других»... «Зло за зло, – говорил он им, – я предпочитаю сводников таким служителям церкви, как вы» ... «Войдём, – говорил он, – в помещение, где они живут вместе с девицами, и предположим сначала, что девица бедна. Бедна и потому принуждена работать своими руками. Священник всегда около неё, их комната общая, их меблировка общая. Какое зрелище, скажите мне, представляется вам в жилище челове-

ка, предназначившего себя по своему состоянию уединённым размышлениям? Женские юбки, пояса и митры, висящие вместе на стенах. В комнате ладаница, прялка, веретено... Таковы украшения священнического жилища!

«Теперь предположим, что „духовная сестра“ богата... Нужно, чтобы у ней ни в чём не было недостатка, так как сами светские матроны меньше требовательны, чем эти девицы, и священник должен их всем снабдить! Сколько беготни нужно, чтобы удовлетворить её! Он бежит сначала к продавцу серебряных изделий, чтоб узнать, готова ли посуда, годно ли для употребления зеркало его дамы, будет ли получена в надлежащее время амфора вина или флакончик с душистым маслом. От продавца серебряных изделий он бежит в косметический магазин, так как этот род девиц любит косметики, и они им нужны разнообразные и дорогие[195]. Священник объясняет продавцу, какие из них предпочитает его дама... Затем следуют фабриканты материй и ковров... Весь день священника проходит в беготне из лавки в лавку, его душа бо-

лее не в церкви, а на рынке!..»

«Но вот открывается базилика... Сколько профанации, сколько новых скандалов ожидает нас в ней! Священник ждёт у дверей появления своей дамы, и когда она проходит, он идёт перед нею, как её евнух или её привратник. Он прокладывает ей дорогу, расталкивая плечами толпу, и получает вдоль всего пути улыбки публики. И бывает, что он не только не краснеет, как следовало бы, но тщеславится этим. Когда приближается страшный момент таинства, дама помогает ему в этом, священник поворачивает к ней голову и как будто советуется с ней взглядом» ... «У этих женщин мания вмешиваться во всё, они решают церковные вопросы и сеют везде ссоры».

«Второй порок, заражавший константинопольское духовенство, был обжорство, лакомство, страсть к пирам, – одним словом, глотка, как энергично говорится на латинском языке. Священники и диаконы вели в городе в роскоши и удовольствии самую изнеженную и самую роскошную жизнь».

«Корыстолюбие было третьей и наиболее смертельной язвой этого развратного духо-

венства» ... «Сделавшись (против воли) наследником пышного Нектария, который принёс с собой на епископскую кафедру обычай роскоши, не уступая в этом городским префектам, Иоанн Хризостом с самого начала поставил для себя делом чести уничтожить это великолепие»[196].

«Он приказал продать все шёлковые и золотые украшения, которые драпировали алтари базилик при его прибытии, все пурпурные ткани и богатые священнические одежды[197]. Великолепные мраморные обкладки и монолитовые колонны, которые Нектарий назначил для украшения церкви Анастасии и которые лежали на земле в ожидании архитектора, были тоже проданы с аукциона. Он разбил и продал священные чаши[198], стоявшие огромных денег, и желал иметь только самые простые»[199]. Он назначил на покаяние или распустил большую часть диаконов, ведших очень светскую жизнь и нередко назначавших святилища и алтари для своих любовных походов»[200].

Вся эта выписка из книги Амедее Тьерри „Св. Иоанн Хризостом и императрица Евдок-

сия» до такой степени соответствует описанию великой вавилонской твердыни, которое мы уже читали в Апокалипсисе, а роль великого пророка этого времени, Иоанна Хризостома, так подходит к роли автора «Откровения в грозе и буре», что искать другого было бы совсем неуместно. Однако, приняв во внимание, что большинство современных теологов должны с предубеждением отнестись к моему исследованию, предположим, что всё это ещё требует доказательств. Начнём разбирать вопрос систематически, как будто мы не имеем ещё никаких указаний на личность автора Апокалипсиса, а только знаем из наших астрономических вычислений, что книга была написана под непосредственным впечатлением грозы, пронёсшейся над Патмосом 30 сентября 395 юлианского года и землетрясения, всколыхнувшего остров в этот же самый день.

Часть V

Личность автора

«Откровения в грозе и буре».

Иоанн Златоуст как революционер и демагог

Главнейшие источники

Dialogus Historicus Palladii episcopi
Helenopolis cum Theodoro, ecclesiae
Romanae diacono de vita et conversatione beati
Joannis Chrysostomi, episcopi Constantinopolis.

????????? ?????????????? '????????????????? '?????????.

[Обе книги в издании Patrologiae Cursus
Completus. Patrologiae Graecae tomus 57. 1858.]

Жития святых. 1852 г.

Amedee Thierry. St Jean Chrysostome et
l'imperatrice Eudoxie. Paris, 1872.

Aime Puech. St Jean Chrysostome et les
moeurs de son temps. Paris, 1891.

Муравьёв. История первых четырёх веков
христианства. 1866.

????????? ?????????????? '????????????????? '?????????. 1858.

I. Основные требования, которым должен удовлетворять автор «Откровения в грозе и буре»

Само «Откровение в грозе и буре» даёт целый ряд указаний на личность своего автора. Вот, например, некоторые из них:

1. Автора звали Иоанном.

2. Он жил в Малой Азии или около неё.

3. Он жил в конце четвёртого века.

4. В 395 году он был не очень молод, потому что пишет как человек, пользующийся авторитетом в семи городах Малой Азии, и не очень стар, так как сохранил к этому времени всё своё воображение и впечатлительность к окружающим явлениям природы.

5. Он обладал недюжинным литературным талантом и сильным красноречием, как это видно из «плача сильных над гибелью великой твердыни» и других глав книги.

6. Его обычный язык был греческий. Слог, которым он пишет, обнаруживает опытную руку, а потому делается несомненным, что он написал не только одно это произведение, но

и ряд других книг на греческом языке, о которых не могло не остаться исторических воспоминаний.

7. Он родился в богатой семье, так как драгоценные камни были для него настолько обычная вещь, что он без пояснений употребляет их для определения оттенков утреннего неба или облаков, совершенно не давая себе отчёта в том, что для большинства людей названия этих редких вещей – простые звуки, не вызывающее никакого представления. В такую ошибку постоянно впадают авторы, с детства привыкшие к чему-нибудь очень редкому для остальных.

8. Он получил блестящее по своему времени образование, потому что прекрасно владел астрономией, математикой и т. д. Допустить, что это был рыбак, или пастух, или что-нибудь в таком роде, было бы просто смешно.

9. Он был христианским теологом.

10. Он был революционером и республиканцем, так как мечет грома и молнии на земных царей.

Но в первые века нашей эры выдающиеся

литераторы, поэты и революционеры были не настолько часты среди греков, чтоб их пришлось долго разыскивать, когда и имя, и место, и время их жизни совершенно точно определены. Можно с уверенностью сказать, что если хоть один из малоазиатских Иоаннов конца IV-го века окажется удовлетворяющим всем этим требованиям, то другого уже не стоит и искать.

Вот почему, как только было закончено моё астрономическое вычисление, давшее 395 год, я сейчас же обратился к истории первых четырёх веков христианства и сразу натолкнулся на такую древнюю знаменитость, которой имя дошло и до наших дней: на замечательного византийского демагога, оратора и писателя, Иоанна Антиохийского, называемого Хризостомом, или Златоустом.

Всё в его биографии соответствовало приведённым мною требованиям и указывало, что автор был именно он, и что непримиримая ненависть к нему византийского императора и клерикалов находилась в прямой связи с опубликованием этой самой книги. Вот вкратце его биография, которую я составляю

главным образом на основании древнегреческих сказаний о его личности. Как ни скудны и односторонни эти источники, но фактическая часть их совершенно достаточна, чтобы доказать справедливость моей догадки, что он был истинным автором разбираемой нами астрологической книги конца IV века[201].

II. Легенды о детстве Иоанна Антиохийского и его молодости до появления «Откровения»

Иоанн Хризостом, знаменитый византийский революционер и протестант против господствовавшей при нём государственной церкви (возведённый после смерти неизвестно какими способами в её собственные святыне), родился, по-видимому, в 354 или 355 году, т. е. за 41 год до появления «Откровения в грозе и буре»[202]. Его родители, язычники, были очень богатые люди привилегированного сословия, и дали ему блестящее по тому времени образование. Его отец был военачальник по имени Секунд, а мать его называлась Анфуса[203]. Они жили в Антиохии Си-

рийской, находящейся близ устья реки Оронт, впадающей в Кипрский залив недалеко от южного берега Малой Азии, и владели в этой местности большими поместьями.

По выходе из детства Иоанна отдали сначала Либанию софисту и Андрагафию философу[204] для обучения астрологии, математике, географии и всем тогдашним наукам.

По словам Либания, он был обращён в христианство в 370-м году Мелетием[205], епископом Антиохийским, отвергаемым тогдашней государственной церковью. По другим же, более достоверным источникам, Иоанн принял христианство лишь на 23-м году, после того, как умерла его мать. Отец его умер, когда Иоанну не было ещё и пяти лет, оставив мать его Анфусу очень молодой вдовой. Ей было с небольшим двадцать лет, и кроме Иоанна, у неё не было никаких других детей.

Достигнув восемнадцатилетнего возраста (т. е. приблизительно в 372 году, когда государственной церковью была ещё арианская), Иоанн отправился в Афины, чтобы закончить в тамошней знаменитой школе своё образование. Школа эта была языческая, и в ней

преподавались в полном размере все науки того времени. Сколько лет там пробыл Иоанн – неизвестно. Мы знаем лишь, что, по окончании курса с блестящим успехом, он вернулся обратно в Антиохию во всеоружии современного ему знания, но, по-видимому, с разбитым сердцем и с мистическими наклонностями, развившимися на этой почве.

Они-то, можно думать, и побудили его на двадцать третьем году принять христианство, поддаваясь увещаниям друга своего детства, какого-то Василия, сделавшегося христианским епископом в очень раннем возрасте.

В чём состояли его разочарования, не трудно догадаться уже по тому одному, что о них совсем умалчивают его византийские биографы. Он тогда был в возрасте, когда для каждого неизуродованного человека наступает потребность в любви, а в то же время непременно появляется и предмет, на который она должна направиться. По всей вероятности, то же было и с Иоанном в Афинах, и очень возможно, что неожиданная смерть любимой девушки и вызвала у него тот внезапный порыв мистицизма и потребности в отшельниче-

стве, который привёл его к принятию христианской религии, обещавшей ему свидание в загробной жизни.

Этот порыв был так силён, что Иоанн хотел сейчас же удалиться в горы, в один из монастырей, но просьбы матери успели отклонить его от такого намерения. Однако в скором времени умерла и его мать, и для него не оставалось более никаких задерживающих причин. Иоанн роздал нуждающимся всё своё имущество, освободил всех своих рабов и рабынь, и поселился в одной из уединённых пустынь, в горах близ Антиохии, вероятно, в Малой Азии, прилегающей к этому городу.

Всё это случилось почти за 17 лет до появления «Откровения в грозе и буре», около 378 года, когда Иоанну было приблизительно 24 года. В это время государственной церковью в Византийско-Римской империи всё ещё была арианская. Группа оригенистов, к которой Иоанн по своему высокому образованию должен был неизбежно чувствовать особенную симпатию[206], ещё не выделялась ничем особенным из всех остальных фракций, не принадлежавших к господствовавшей церк-

ви. Очень возможно, что оригениты находились в то время ещё в хороших отношениях и с «николаитами», провозгласившими на Никейском соборе единосущность Иисуса с богом, хотя эта последняя фракция была уже неоднократно анафематизирована господствовавшей арианской церковью, а оригениты ещё не были прокляты никем.

От этого периода его жизни сохранилось, как говорят, несколько написанных им книг, например, книга «О горе сердца» и нежно-ободрительно-увещательное послание «К падшему монаху Феодору». Насколько подлинны или не испорчены переписчиками эти книги, содержание которых, впрочем, вполне подходит к его нежному и, по-видимому, совершенно разбитому в этот период времени сердцу, сказать трудно, потому что весь этот период его жизни переполнен легендарными сообщениями.

Рассказывается, например, что живший в том же самом горном уединении чрезвычайно «прозорливый» старец Исихия подсмотрел в одну ночь, когда все остальные спали, как в комнату Иоанна тайно вошли два человека.

Один из них подал ему свиток папируса и сказал:

– Прими этот свиток из моей руки. Я Иоанн, лежавший на груди властелина на тайной вечере. Я оттуда почерпнул божественное **Откровение** (по-гречески: Апокалипсис). И тебе бог даёт узнать (из него) всю глубину премудрости, чтобы ты напитал людей нетленной пищей и премудростью и заградил еретические и иудейские[207] уста, говорящие беззаконие на нашего бога.

Затем в средневековых византийских документах, наших единственных источниках [208], следуют все обычные, так сказать, героические подвиги, необходимые, по мнению древних христианских историков, для биографии каждого пророка: и исцеление глаза, много месяцев болтавшегося на щеке у одного очень хорошего человека, и умерщвление мистическим способом льва-людоеда, которого никто не мог убить оружием, – одним словом, полный аксессуар всевозможных **невероятных** рассказов. Впрочем, они несравненно лучше смешанных с ними **вероятных**, т. е. правдоподобных измышлений, потому что

эти последние в некоторых случаях совсем нельзя отличить от действительных событий.

Только что приведённый рассказ о посещении Иоанна другим, боле древним Иоанном, я нарочно привёл почти целиком ввиду того, что он является как бы отголоском существовавшего некогда мнения, что «Откровение в грозе и буре», хотя и было действительно опубликовано Иоанном Антиохийским, но на самом деле принадлежало перу другого, ещё боле великого Иоанна, «рыбака с Генисаретского озера». Мы видим здесь как бы кончик того моста, по которому в пятом веке был сделан переход от одного Иоанна к другому: сначала Иоанн Антиохийский был объявлен не самостоятельным автором Апокалипсиса, а только его передатчиком, или даже плагиатором книги, принадлежавшей на самом деле непосредственному ученику Христа, а затем, чтобы не возбуждать сомнений в подлинности книги, было замолчано и самое посредничество второго Иоанна. Но об этом мы будем говорить ещё много, далее, при изложении последних гонений на Иоанна.

Прошло четыре года пребывания Иоанна в

его горном монастыре в непрерывных занятиях науками и теологическими размышлениями. Он жил вдали от шумного света, а в этом свете происходили тем временем очень важные события и перемены. В первый же год его пребывания в монастыре умер император Валент (364—378 гг.), и с его смертью сильно пошатнулось при дворе влияние ариан. Чем они заслужили немилость нового императора, Феодосия, неизвестно, но он явно начал покровительствовать их врагам, николатам. На третий год своего царствования он созвал, наконец, так называемый второй, т. е. Константинопольский, собор (381 г.) против тогдашнего константинопольского епископа Македония. Этот верховный прелат, соответственно его арианскому исповеданию, признавал Иисуса лишь подобосущным богу, а святого духа (т. е. святое вдохновение, дающее людям ясновидение и творческие способности мысли) – простым орудием Иисуса, как среднего существа между богом и человеком.

Собор (состоявший, как предполагают, только из представителей восточной церкви, без участия западных, подвластных Риму)

проклял эти арианские воззрения, а вместе с ними осудил также и группу апомеев, последователей Асция и Евномия, утверждавших, что Иисус не подобен богу-отцу. На этом же соборе был, как утверждают, окончательно формулирован и обычный символ веры, как обязательный для всякого правоверного христианина, и установлено ещё несколько правил, счёт которых различен у различных древних авторов.

Иоанн, заметим мимоходом, не был приглашён или не поехал сам на это собрание, несмотря на то, что был уже известным христианским писателем и красноречивым проповедником, и несмотря на то, что на соборе могли присутствовать не только самые незначительные пресвитеры, но и диаконы. Как же он отнёсся к переменам в основных догматах христианской религии, провозглашённым на этом соборе?

Пересматривая сохранившиеся источники и документы, мы находим, что около этого самого времени или лишь немного после него он тайно убежал из своего монастыря... Действительно, считая наиболее вероятной да-

той его рождения 354 год, как это показано в „Минеях», и приняв во внимание, что 18-ти лет он уехал в Афины оканчивать своё образование, где пробыл около 4 лет, а затем приблизительно через год умерла его мать, мы прямо подходим к 377 году как времени, когда он принял христианство и удалился от света в монастырь. Приложив же к этой дате те четыре года, которые Иоанн, по словам историков, провёл в монастырь, мы и получаем для времени его бегства знаменательный 381 год, когда Константинопольский собор провозгласил господствующей религией «николаитскую» и предал анафеме «арианство».

В этом же году[209], как говорят, противник государственной церкви антиохийский епископ Мелетий назначил Иоанна своим диаконом.

Его византийские биографы, конечно, не делают этих неподходящих для них хронологических сопоставлений. «Пробыв в монастыре том четыре года, – говорят они, – и восхотев безмолвного жития, Иоанн ушёл оттуда **тайно** в пустыню и, найдя **некую пещеру**, поселился в ней и пробыл в ней два года, живя

один в помышлениях о боге»[210].

Однако простой здравый смысл говорит, что для внезапного бегства Иоанна из его монастыря тотчас после Вселенского собора, на который его не пригласили, имелись с его стороны веские причины. Наше сопоставление времён и событий ясно показывает, что бегство Иоанна было в связи с переменами, происшедшими в христианской церкви и даже в самой религии со времени воцарения Феодосия. Перед этим событием, при господстве ариан, обитатели Иоаннова монастыря принадлежали, по всей вероятности, к числу гонимых, какими в то время были все не-ариане, а после воцарения Феодосия, когда всё перевернулось на обратную сторону, они легко могли признать себя солидарными со стоящими теперь у власти «николаитами», т. е. той фракцией новой государственной церкви, во главе которой стоял в это время, как увидим далее, злейший враг Иоанна – Теофил Александрийский.

В результате гонимые товарищи Иоанна вдруг (с 381 г.) сами превратились в гонителей и анафематизаторов. До воцарения Фео-

досия и Константинопольского собора они сами попрекали ариан за союз со светской властью против остальных христианских фракций, и выражали, вероятно, этот попрек, как всегда в подобных случаях, в принципиальных формах, называя арианскую фракцию «великой вавилонской твердыней», а теперь они сами заняли её место.

Лица с неразвитым нравственным чувством сейчас же находят себе в подобных случаях оправдательные мотивы и мгновенно забывают всё, что сами же говорили раньше. Но Иоанн, как всё показывает, не принадлежал к их числу. У него была одна и та же мораль, как для других, так и для себя, а потому, при этой неожиданной перемене, ему, конечно, не оставалось ничего другого, как, истощив все доводы, убеждения и напоминания о прошлых нападениях на всякий союз со светской властью, уйти от своих бывших товарищей, не простившись с ними ни одним словом.

Предание о его двухлетнем пребывании в пустыне, в неведомой до сих пор никому пещере, можно думать, такая же легенда, как и

сотни остальных, которыми переполнена его жизнь. Если бы такая пещера существовала, то она давно была бы местом пилигримства верующих. Притом же Иоанн, горячий и красноречивый проповедник, не был из таких, которые бежали от людей.

Да и времени для этого анахоретства мы не находим в хронологии его жизни. Сопоставляя все известные нам факты, мы приходим к заключению, что убежал он из монастыря прямо в Антиохию, к оригенитскому епископу Мелетию, который и назначил его своим диаконом в том же 381 году, т. е. вскоре после 1-го Константинопольского собора[211].

В Антиохии, которая по важности и величине была тогда третьим городом Византийской империи, в это время господствовал сильный раскол между христианами. Одна их партия принадлежала к господствовавшей теперь в Византийской империи фракции николаитов и находилась в общении с её номинальным главой – папой. Она имела своим, т. е. единственно ортодоксальным, епископом в Антиохии сначала Павлина, а потом Евагрия. В момент возвращения Иоанна в

храме Павлина проповедывал известный ненавистник оригенистов и личный враг самого Иоанна – Иероним Блаженный, назначенный пресвитером Павлина ещё в 379 году.

Вторая партия антиохийских христиан не признавала ни Павлина, ни Иеронима, и выбирала себе своих епископов, не причислявшихся к господствующей церкви и подвергавшихся обвинению в оригенистстве. Руководителями её сначала был Мелетий[212], а затем Флавиан. Последнего даже требовали в Рим для оправдания от обвинения в ереси, но он отказался ехать, не признавая папу своим начальником.

У них-то, т. е. у Мелетия и его преемника Флавиана, а не у ортодоксального Павлина, и поселился Иоанн после своего двухлетнего пребывания неизвестно где. Мелетий назначил его своим диаконом, а Флавиан в 386 году – пресвитером[213].

Деятельность пресвитера, особенно оппозиционного, к каким принадлежал Иоанн, не была ещё в это время той чисто обрядовой, как теперь в ортодоксальных церквях. Она сводилась, главным образом, на поучения не

только религиозного, но и часто научного характера и на полемику с противниками, из которых самым главным в Антиохии был, как мы уже отметили выше, Иероним Блаженный. Между речами, приписываемыми Иоанну, мы находим, например, даже такие, где трактуется о физиологии, астрономии и т. д.

Но более всего поражало в них слушателей не содержание, а то, что он их произносил прямо, а не читая по рукописи. «Прежде него не видали и не слышали в том городе (заметьте, в одном из главных!), чтобы без книги или хартии проповедывали слово божие: он был первый такой проповедник»[214].

Читая его речи в современных изданиях, мы прежде всего должны иметь в виду следующее важное обстоятельство: так как по греческой азбуке нельзя писать не только стенографически, но даже бегло, то все образчики его речей, дошедшие до нас в произведениях средневековых монахов, следует считать подложными или составленными впоследствии на память кем-либо из его слушателей. В них сохранились, вероятно, одни лишь темы, а всё остальное принадлежит составителям и

корректора́м, или, во всяком случае, в них вкралось много посторонних вставок и поправок.

Дело в том, что древние монастырские переписчики чужих рукописей почти никогда не могли воздержаться от их корректирования, когда дело касалось религиозных представлений авторов. Всё, что казалось им в устах уважаемого ими писателя не ортодоксальным, истолковывалось ими на свой лад и передавалось от его имени в искажённом виде, или просто выбрасывалось вон при переписке, как вставленное туда предыдущим переписчиком, и заменялось своими собственными измышлениями, нередко совершенно противоположного значения.

Но как бы недоверчиво ни относились мы к подлинности или идентичности дошедших до нас речей Иоанна и всех древних ораторов вообще, – уже одно его прозвание **Златоуст** достаточно показывает, что его проповеди отличались необычной по тому времени увлекательностью.

Всякий раз, как в Антиохии узнавали, что Иоанн будет говорить, его сторонники бро-

сали все свои обычные занятия и бежали к нему в церковь. Однако из этого ещё не следует, что Иоанн говорил очень ясно и популярно. Совершенно напротив: его речь отличалась той же самой особенностью, какую мы видим так хорошо в «Откровении в грозе и буре». Она всегда характеризовалась своей поэзией, смешанной с неудобопонятными для непосвящённого, но поражающими свою неожиданностью аллегориями.

Все признают, что темы его речей отличались необыкновенным разнообразием. По отношению к общественным вопросам он, несомненно, был очень радикален и сильно склонен к социализму. «Ему, – говорит один из новейших французских историков[215], – случилось выражать о причинах неравенства между людьми идеи, в которых мы с удивлением замечаем чрезвычайное сходство с идеями Руссо» ... «Всё зло исходит от этого холодного слова, моё и твоё (первое письмо к Тимофею, 12). По происхождению же и природе все люди одинаковы, имеют те же потребности и те же права... Значит, коммунальное состояние более естественно, чем собственность... Ни-

кто не спорит из-за того, что общее: ни из-за солнца, ни из-за воздуха, ни из-за воды, которыми все пользуются на равных правах. Нет ссор из-за общественной собственности, площадей, портиков и сооружений, на которые все имеют право».

В этом положении знаменитого проповедника при непризнанном господствующей церковью епископе Флавиане и пробыл Иоанн до 387 года. И вот, как раз через несколько месяцев после назначения этого «вождя народа» пресвитером в оппозиционной церкви Флавиана, население Антиохии восстаёт против византийского политического и религиозного деспотизма и разбивает на площадях города статуи тогдашнего императора Феодосия, его жены, уже умершей в это время, Флакиллы, и его детей, наследников престола, Аркадия и Гонория.

Взбешённый Феодосий тотчас послал в Антиохию свои войска, и начались пытки и истязания. Масса жителей разбежалась по окрестностям, а вместо них нахлынули в Антиохию оппозиционные, готовые на смерть подвижники из соседних пустынь и монасты-

рей с обличениями властей.

Известный пустынный монах Македоний, прибывший из своих гор, остановил на улице царских сановников, присланных для суда, и «приказал им сойти с лошадей». Услышав его имя, суеверные представители власти покорно повиновались, а он произнёс им длинную проповедь на тему, что «медные фигуры ничто в сравнении с фигурами живыми и разумными», которых они теперь губят, и грозил им гневом небесного бога за их жестокости.

Всё это показывает, что низвержение воздвигнутых в Антиохии статуй вышло не из-за какого-нибудь чисто гражданского столкновения в роде стереотипного «увеличения неких налогов», а по религиозным причинам, вызывавшим напряжённое состояние и в других местах. Этим напряжённым состоянием и объясняется также, почему поехавшему тотчас же в Константинополь (или вызванному туда для оправдания) епископу Иоанна, Флавиану, удалось весной 388 года склонить Феодосия прекратить своё мщение и не уничтожать Антиохии, как он грозил, до основания.

Но почему же поехал для оправданий именно начальник Иоанна, непризнанный и подозрительный для господствующей церкви епископ Флавиан, а не официальный и единственно признанный для Антиохии епископ Павлин? Уже это одно показывает, что низвержение статуй относили на счёт паствы Флавиана и Иоанна, и что гроза разразилась именно над их сторонниками, а не над ортодоксальными сторонниками Павлина.

Принимал ли Иоанн какое-либо участие в низвержении этих императорских статуй? Можно думать, что да. Он был прирождённый демагог, как характеризует его византийский писатель Зосим[216]. Из его дальнейшей биографии мы увидим, что во время своего пребывания в Константинополе, через 10 лет после этих событий, он начал метать в своих речах громы и молнии, как только на одной из площадей города воздвигли статую императрицы Евдоксии. Он требовал в своих проповедях её снятия с колонны, несмотря на вызванный этим гнев императрицы. Несомненно, что такого же мнения он был и в Антиохии. Не были ли точно так же его пропове-

ди (вроде помещённых в Апокалипсисе о поклонниках изображений) причиной низвержения императорских статуй и здесь? Приписываемые ему речи «О статуях к Антиохийскому народу», составленные по воспоминаниям или просто сочинённые за него его почитателями в средние века, ничего не говорят о статуях и о необходимости их низвергать. Но тон их всё же характерный.

«Можно подумать, – говорит один из его новейших биографов[217], – что он разделяет вину виновных, что он испытывает, как один из соучастников, ужас их опасности, что гибель, которая угрожает им, угрожает и ему».

Но если в это время Иоанн и не был даже таким резким противником появления на городских площадях каких бы то ни было императорских изображений, как впоследствии в Константинополе, то всё же вид жестокостей, сопровождавших расследование этого дела, должен был вызвать в нём ненависть к общественному и духовному деспотизму византийских императоров. И она, действительно, не угасла у него во весь последующий период его жизни, вплоть до самой смерти.

Враждебное отношение к византийскому самодержавию ещё более обострилось у него в 393 году при кровавой расправе императора Феодосия над жителями Фессалоник (теперь Салоники) за какое-то возмущение, причины которого ещё не выяснены историками. Расправа эта была так жестока, что взволновала общественное мнение даже и в западной половине Византийско-Римской империи, и миланский епископ Амвросий, при проезде императора через Милан, запретил ему посещение своего храма в виде наказания за его дикие деяния в Фессалониках.

Точно так же не могло не отразиться на отношении Иоанна к Византийской империи начавшееся в 394 году, т. е. всего за год до вычисленного нами времени появления Апокалипсиса, жестокое религиозное гонение, которому подверглись одинаково как язычники, так и все христиане, не принадлежащие к господствующей николаитской церкви. Они были лишены всех общественных и личных прав, даже права передавать своё имущество по наследству. Они не могли более ни продавать, ни покупать чего-либо без специально-

го удостоверения в правоверии или благонадежности, как об этом и говорится в 13-й главе Откровения: «и вот он постановляет теперь, чтобы всем, и большим и малым, и богатым и бедным, и свободным и рабам, выдавали особые значки (по исследованиям Ньютона, кресты †) для ношения их на правой руке или на голове, для того, чтобы не смели ни покупать, ни продавать все те, кто не имеет на себе знака зверя или его имени (латинянин), или числового изображения его имени (666)».

Все эти гонения должны были особенно сильно действовать на Иоанна. Они были направлены против его единомышленников, потому что, как мы уже знаем, он принадлежал к пастве непризнанного государственной церковью и отказавшегося ехать к папе для оправданий Флавиана, а не к пастве Павлина, единственно официально признанного антиохийского епископа.

Но что же стало с Иоанном после низвержения статуй в Антиохии? За все семь лет, протёкших от антиохийской расправы до выхода «Откровения в грозе и буре», 30 сентября 395 года (и последовавшей вслед за этим

смерти императора Феодосия), мы находим пробел в его биографии. По некоторым источникам и сопоставлениям мы можем только догадываться, что сейчас же после низвержения статуй в Антиохии он был посажен Феодосием в одиночное заключение в том же самом монастыре, из которого, как мы уже знаем, он убежал в 381 году. Но через два года пребывания, как говорить историк, «в безмолвном житии» он, по-видимому, снова бежал оттуда, получив за это время сильный ревматизм в ногах, не оставлявший его до конца жизни.

И мы не можем заполнить этого семилетнего пробела в его биографии до смерти Феодосия, если не признаем, что он был автором «Откровения», а следовательно, как видно из самой его книги, скитался в это время по Малой Азии, где организовал собрания своих единомышленников в Лаодикии, Филадельфии, Сардах, Фиатирах, Пергаме, Смирне и Эфесе, которым и адресовал потом, на 41 году жизни, свою книгу, после того как попал, по своему личному желанию или снова был послан Феодосием, на уединённый остров Пат-

Рис. 66. Иоанн на скале.

III. Насильственное поставление Иоанна на константинопольскую кафедру после появления «Откровения». Его жизнь до 13 марта 399 года, когда был назначен срок исполнения этого астрологического пророчества (период от 30 сент. 395 до 13 марта 399)

Бывают случаи, когда, не имея в руках никаких летописных сведений, современный историк обладает полной возможностью описать общественное настроение какой-либо исключительной эпохи несравненно более верно и правдиво, чем могли бы сообщить ему это старинные летописцы. Зная, например, что 20 ноября 393 года нашей эры было солнечное затмение, центр которого проходил через Грецию, Константинополь и Малую Азию, и что небо там было в это время ясное, современный историк имеет полную возможность описать всеобщую панику в малообразованных слоях константинопольского обще-

ства, сопровождавшую это явление, имевшее место за два года до появления Апокалипсиса. Если он останется в пределах должной умеренности и будет руководиться тем, что в аналогичных случаях происходит и в других странах, стоящих на том же уровне цивилизации, то его картина будет совершенно верна и даже много лучше тех, какие могли бы прийти до него через посредство древних летописцев. В ней не будет, по крайней мере, ни «летающих драконов», ни «голосов невидимых ангелов», ни «мёртвых, появившихся из своих гробов», и никаких других неправдоподобных, или ещё хуже – *совсем правдоподобных* – вымыслов и прикрас, с какими старинные легковерные историки постоянно перемешивают действительность, особенно когда они принадлежат к духовенству.

В таком же положении мы находимся и по отношению к тому времени, когда внезапно появилась книга Иоанна. Мы знаем, какой ужас наводила даже в средние и новые века та дикая фантазмагория, какой представлялось малообразованному читателю содержание «Откровения в грозе и буре». И весь этот

ужас наводили апокалиптические чудовища Иоанна уже тогда, когда его книга давно отошла в прошлое, а потому и исполнение пророчества невольно относилось читателями к далёкому будущему. Можно же представить себе, каково было непосредственное впечатление появления Апокалипсиса, когда каждый понимал его смысл буквально и ожидал начала предсказанных бедствий каждую минуту! Дышащая в каждой строке искренность автора и его глубокая вера в свои собственные слова, хаос диких образов, торопливо нагромождённых один на другой, и увлекательный лиризм некоторых мест, – всё это исключало всякую мысль об умышленном обмане. Книга Иоанна должна была вызвать среди христианских читателей, и даже в жившем среди них языческом мире, такую панику, какой ещё не бывало в истории человеческих суеверий[218].

Факт этой паники настолько же несомненен, как несомненно и существование самого Апокалипсиса. *В каждом городе и местечке, где его прочитывали впервые, он должен был возбудить всеобщий ужас среди верующих. На-*

чиная от Эфеса, куда он впервые попал, этот ужас должен был распространяться вместе с книгой в Смирну, Пергам, Фиатиры, Сарды, Филадельфию и Лаодикию, а затем прокатиться неудержимой волной и по всему остальному христианскому миру, по мере того как с первоначальной рукописи снимались новые копии и попадали в другие города. Конечно, медленность копирования, редкость и дороговизна папируса и нелюбовь старинных сектантов делиться своими секретами с представителями враждебных им вероисповеданий должны были, особенно в первые месяцы, сильно задержать распространение книги, и, по всей вероятности, первые копии её вышли из пределов Малой Азии не ране 396 года.

В это время Феодосий был уже несколько месяцев в гробу, и, «роковой по счёту», седьмой император Аркадий занял его место в Византии. Новому императору было в это время не более 19 лет, он только что женился на дочери одного франкского полководца – Евдоксии, девушке такой же суеверной, как и он сам, но несравненно более живой и энергич-

ной. Аркадий при своей бесхарактерности и вялости сейчас же попал под власть своей жены, которая и начала управлять через его посредство всей империей.

Как ни были заинтересованы скомпрометированные «Откровением» представители господствующей николаитской фракции в том, чтобы книга Иоанна не дошла до императорской четы, но это, конечно, было невозможно ввиду производимого ею громового впечатления и ужаса, распространившегося среди самих николаитов. Рано или поздно она должна была дойти до Аркадия и Евдоксии и поразить их ужасом ещё более, чем всех остальных сторонников союза церкви с государством.

Что же было им делать в этой неминуемой беде? Конечно, ничего иного, как вызвать самого провозвестника бедствий и признать его своим собственным пророком. Всё, что ему угодно приказать, немедленно исполнить, всё, что он отвергнет, немедленно предать анафеме... За всё, чем погрешили, необходимо просить искреннее прощение и дать клятвенное обещание исправиться!

Всё это в точности и было сделано с Иоанном в столице Византии. В 397 году (т. е. около года с половиной после того, как Иоанн написал свою книгу и вызванная ею паника уже успела распространиться до Константинополя) здесь умер, очень кстати, больной и престарелый епископ Нектарий. И вот, как говорит один из самых правоверных историков на своём полуцерковном языке, византийская императорская чета «и все константинопольские священники, и окрестные епископы, и весь народ», едва дождавшись дня смерти своего епископа, уже «требуют единогласно», чтоб на его место посадили, «помимо всех корыстолюбивых соискателей»[219], никого иного как простого и до сих пор непризнанного официально пресвитера Иоанна, рукоположённого сектантским епископом Флавианом и никогда не бывшего в Константинополе!

Но как же отнёсся к этому сам Иоанн, которого так неожиданно возвеличили? В это время мы снова застаём его на родине, в Антиохии, куда он, вероятно, был специально вызван Флавианом и старыми знакомыми для

наставлений по поводу того же самого Апокалипсиса. Специальный императорский посол, в сопровождении почётной стражи, быстро приехал в Антиохию и вручил Флавиану указ отпустить в Константинополь Иоанна, назначаемого первым епископом, «патриархом» восточной церкви. Но Иоанн, очевидно, принял это за хитрость, чтобы выманить его на расправу, и укрылся от императорского посольства в храм, как делали все люди, боявшиеся преследования властей, «и вся Антиохия сбежалась к этому храму для того, чтобы его защищать».

Не в силах ничего сделать с Иоанном и защищавшим его населением, торжественное посольство вернулось ни с чем к императору и императрице. При обычных условиях на слушников императорского указа обрушилась бы гроза. Непокорный Иоанн был бы послан в заточение, а на предложенное ему высокое место был бы назначен «один из корыстолюбивых соискателей этого престола». Но здесь, очевидно, было не до того, и вот императорская власть поступает совершенно небывалым способом...

Новому императорскому послу, адъютанту Астерию, было приказано похитить его из Антиохии. Антиохийский градоначальник заманил Иоанна в предместье города[220], как бы на совещание по поводу религиозных сомнений, и когда тот, ничего не подозревая, пришёл к нему, его со всевозможными почестями и поклонами насильно посадили в колесницу и, окружив конвоем, дрожавшим от страха и благоговения, отправили в Константинополь...

И вот, 26-го февраля 398 года[221], как раз за год до срока исполнения пророчества (назначенного на 13 марта 399 года), Иоанн прибыл в столицу Византийской империи[222]... «И вышел к нему (везомому под стражей, чтобы не сбежал) весь город со множеством вельмож, посланных императором встречать его, и принят был с почётом[223] и народа, и все радовались о таком светильнике церковном (которого за два года не признавали своим)».

Каким образом удалось заставить Иоанна (после того, что он писал в своём «Откровении») согласиться занять место константинопольского верховного епископа? По всей ве-

роятности, всеобщие слёзы, раскаяние и просьбы народа сильно размягчили его сердце, и он решил молить за них бога среди вызванной им самим всеобщей паники и ожидания кончины мира[224].

Но факты говорят, что и это он сделал не сразу. Он не хотел принять назначения, пока не созовут в Константинополе собора из всего духовенства Византийской империи, и это требование было тотчас исполнено императором Аркадием. Все первостепенные епископы были вызваны тотчас же в столицу. Даже закоренелый враг Иоанна, Теофил Александрийский, принуждён был согласиться из страха собственного осуждения... «и сам рукоположил Иоанна».

Рассматривая этот необычный собор в связи с тем фактом, что Иоанн был привезён насильственно и что в «Откровении» он грозно обличал господствующую фракцию Феофила (т. е. николаитов), нам понятна неохота Теофила и других его сторонников, ещё не совсем потерявших голову, ехать на этот собор. Как бы ни уверяли нас ортодоксальные историки, что собор этот был созван лишь потому,

что «император хотел торжественного поставления Иоанна»[225], но это простые слова, потому что ни для кого другого не собирали вселенских соборов, ни раньше, ни позже Иоанна, а посвящали прямо, вызывая для этого фракийского епископа[226]. Да и собор созвать в те времена, при плохих путях сообщения, было далеко не легко.

Причина же съезда в данном случае становится вполне понятной, как только мы припомним некоторые места «Откровения». Очевидно, что автор его не хотел и не мог принять должность главы восточной церкви, пока лица, с которыми ему придётся общаться как с собратьями, не дали ему торжественного обещания не делать более поступков, за которые он метал на них громы и молнии.

И когда все эти обещания были ему даны епископами, поражёнными ужасом от перспективы скорого пришествия Христа, как оно описано в «Откровении», Иоанн, вероятно, и согласился считать их за своих.

На панику же среди христиан и, как её результат, необычное религиозное настроение при его водворении единогласно указывают

все источники. «Ристалища и амфитеатры, – говорит высокопарно Муравьёв в своей „Истории первых четырёх веков христианства“ [227], – временно опустели (в первый год его пребывания), как осушаются берега от волн, стоняемых сильным ветром. Волны народные хлынули в церковь. Кафедра сделалась слишком отдалённой, чтобы можно было слышать его слова, и он «был принуждён говорить с амвона посреди церкви».

Что же он проповедывал в это время? Я уже не раз говорил, что идентичности дошедших до нас речей всех древних ораторов совершенно нельзя доверять. Все они сильно искажены древними корректорами, обтесывавшими речи всех, кому они сочувствовали, по образу и подобию своих собственных проповедей, а из слов врагов непременно делавшие глупость и чепуху, не говоря уже о множествах прямых подлогов. Но если мы допустим, что те речи, которые приписывались Иоанну за этот период, не особенно искажены, то они очень характерны. Во многих из них он прямо говорит о близком пришествии Иисуса, и раз или два намекает на 400 год по-

сле его рождения, что и соответствует вычисленному нами 399 году, так как время рождения Егюшуа считалось за год или за два до начала нашей эры.

«Властелин близок: ждите его. Мы не далеки от исполнения (пророчества), и мир уже склоняется к концу. Это возвещают войны, бедствия и землетрясения. Это возвещается иссяканием любви. Как тело в предсмертной агонии испытывает всевозможные боли, как здание перед крушением роняет отваливающиеся доски крыши и стен, так и бедствия, нахлынувшие со всех сторон, возвещают кончину мира». Такие же места мы находим и в других приписываемых Иоанну речах[228].

Во всех них звучит, кроме того, ещё одна струна, совершенно соответствующая данному моменту. Он говорит везде о безграничном милосердии божием к кающимся грешникам и о необходимости не отчаиваться в своём спасении даже и при самых ужасных грехах, если кто успеет в них раскаяться своевременно: „Даже своего собственного предателя Иуду, – говорит он в своей первой же речи этого периода[229], – простил бы Христос, ес-

ли б он не впал в отчаяние и не повисился. Раскаялся Иуда. Согрешил, сказал он, предав кровь неповинную. Услышал эти слова соблазнитель, узнал, что тот вступает на лучший путь и начинает идти к спасению, и испугался исправления. Милосердного, мол, имеете властелина: когда хотел Иуда предать его, он прослезился над ним и много увещивал его (этого увещания нет в евангелиях, дошедших до нас). Во сколько же раз скорее он примет кающегося... И пригнал его к повешению, и вывел из настоящей жизни, и лишил его стремления к покаянию. А то, что Иуда спасся бы, если бы остался жив, подтверждается распинателями, потому что Иисус спасал вешавших его на кресте и на самом кресте молил о них отца»...

Все девять речей, составляющих эту серию поучений, представляют только различные мотивы на ту же самую тему, вполне подходящую ко всеобщему ужасу и покаянию перед кончиной мира. Но есть и другие темы, можете быть, принадлежащие к тому же первому году его пребывания в Константинополе.

В одной из этих речей Иоанн советует, на-

пример, богатым людям «вставать ночью со своих пышных постелей и созерцать течение небесных светил посреди глубокого безмолвия и великой тишины ночи, освежающей и облегчающей душу, потому что мрак и спокойствие ночи пробуждают благоговение, а люди, лежащие на своих постелях, как в гробах, изображают кончину мира».

За два года, протёкшие с тех пор, как он составлял на уединённом острове своё «Откровение», ему, конечно, много пришлось пережить и передумать. В то время как всех остальных людей, с каждым новым месяцем приближения срока, охватывала всё большая и большая паника, у него самого всё более и более должно было возникать сомнение в том, что его предсказание исполнится в той самой форме, в которой он предполагал. В том, что оно было божественного происхождения, он, как мы увидим далее из нескольких его проповедей, не сомневался до самого конца. Но отсутствие многих из предсказанных им промежуточных событий уже должно было заставить его догадываться, что бог поступил с ним так же, как с пророком Ионой,

которому он поручил возвестить гибель великого города Ниневии, а потом пожалел город ввиду всеобщего раскаяния его жителей и пощадил его, оставив Иону плакать под кустом. Жалел ли и Иоанн о том, что часть из предсказанных им бедствий была уже отменена богом? По-видимому, нет, потому что он был очень мягкосердечен. Его «великая твердыня Врата господни» теперь представлялась ему кающейся Магдалиной, какой она, несомненно, и была в эти промежуточные годы, когда все николаитские епископы воображали, что дамоклов меч уже спускается над их головами.

И вот, в конце концов, Иоанну, не видевшему исполнения предсказанных им бедствий, по-видимому, стало казаться, что бог смилостивился над грешными епископами и отменил большую часть назначенных для них в «Откровении» наказаний. По крайней мере, во многих из приписываемых ему за это время проповедей прямо говорится, что бог часто внушает своим пророкам такие пророчества, которым не суждено исполниться, с единственной целью напугать грешников,

чтобы привести их к раскаянью и затем отменить назначенную для них кару. Чрезвычайно интересны несколько мест, находящихся в некоторых из этих речей, но я буду цитировать их далее, так как многие из них относятся уже к 399 и 400 годам, когда пророчество потерпело окончательное фиаско, и на Иоанна начала подниматься буря.

В это же время, т. е. от его насильственного водворения на константинопольской кафедре 26 февраля 398 года и до конца 400-го года (когда с благополучным окончанием четвёртого века все вдруг приободрились), его деятельность сводится главным образом на уничтожение всевозможных пороков, скопившихся в византийской церкви, на сокращение формальной стороны её богослужения, на введение вечерей по образцу древних христиан (как об этом и писал он в «Откровении» в послании к эфесскому собранию своих единомышленников) и на примирение между собою враждующих фракций христианского мира.

Прежде всего, конечно, он постарался примирить обновившуюся в его глазах господ-

ствовавшую фракцию со своим прежним епископом Флавианом, не признаваемым ею за епископа даже и после возвеличения Иоанна. С этой целью в Рим отправились по его желанию верейский епископ Акакий и пресвитер Исидор. То, что раньше считалось невозможным, теперь оказалось совсем легко: они быстро возвратились и привезли **общительные грамоты** Флавиану[230], а с ним, очевидно, и всем оригенистам.

Точно так же удалось ему привлечь к себе и ариан. Вражда между ними и николаитами была так велика, что между обеими фракциями постоянно происходили побоища на улицах Константинополя и других городов, особенно когда встречались две противоположные религиозные процессии. Примирить их было бы совершенно невозможно в обыкновенное время, но Иоанну в его исключительном положении удалось сделать даже это, хотя и на короткое время. Арианская фракция отнеслась к нему настолько хорошо, что готские ариане просили его собственноручно рукоположить к ним в епископы пресвитера Улиаса, что и было исполнено Иоанном.

Теперь, когда мы знаем время выхода «Откровения» и могли уже убедиться, что его автором был сам Иоанн, мы можем прямо сказать, что в первые годы его управления не было и не могло быть ни николаитов, ни ариан, и никаких других христианских сект: все были оригенистами, или, вернее, иоаннитами, как и назывались в то время сторонники Иоанна. Потом, когда минули эти ужасные три года ежедневного ожидания кончины мира, когда наступил новый пятый век и сам Иоанн, без сомнения, объявил, что бог смилостивился над грешниками и отложил на долгий срок свой приход на Землю, все прежние страсти, как сейчас увидим, разразились с новой силой и смели с лица земли и самого Иоанна, и всех его друзей, и сторонников...

Рис. 67. Путь Апокалипсиса по Малой Азии.

IV. Роковой день 13 марта 399 года. Фиаско астрологического предсказания. Попытки Иоанна оправдаться

Я не буду останавливаться на ряде чудесных происшествий, которыми изукрасили древние византийские историки весь этот период жизни Иоанна, чтобы из моего повествования не вышло рассказа в роде тысячи и одной ночи. Я прямо перейду к роковому для

него дню 13 марта 399 года, когда, по его астрологическим вычислениям, Агнец из созвездия Овна должен был спуститься на Землю на ярко-белом коне – Юпитере. О том, что сошествие Христа на Землю должно было совершиться в этот самый воскресный день, вероятно, знал только он один, так как он зашифровал его в 11, 12 и 19-й главах «Откровения» настолько хорошо, что целых полторы тысячи лет никто ничего не мог разобрать. Но можно думать, что в общем виде он не раз намекал и даже прямо проговаривался своим друзьям в интимных разговорах, что всё окончится в 399 году и что следующий за этим пятый век уже будете «царством властелина нашего Иисуса Посвящённого»[231].

От его интимных друзей сообщение это неизбежно должно было распространиться и далее от уха к уху. В конце концов ни для кого из верующих не оставалось тайной, что событие связано с последними годами четвёртого века от рождения Христова, хотя точного «начала» пятого века никто не знал, потому что время рождения Египсиа-Иисуса не было тогда официально определено. Четыре века

были даны людям, чтобы они уверовали в него, а пятого уже не будет, думали все сторонники Иоанна, и это вполне соответствует представлениям древних, что всё в мире связано с числами...[232]

Но вот, когда посторонние лица ещё продолжали в ужасе ждать исполнения пророчества, роковой день уже минул для Иоанна, и ничего особенного не произошло в природе... Как перенёс это Иоанн? Указания на это мы находим в его собственных речах по поводу пророка Ионы. История обоих пророков так сходна, что я решаюсь привести коротенькое библейское сказание об Ионе почти целиком:

«И было слово властелина к Ионе, сыну Амафии: встань, иди в великую твердыню [233] Ниневию (как и Иоанну было велено проповедывать против великой твердыни Вавилона) и проповедай в ней, ибо злодеяния её дошли до меня.

И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица властелина (как, может быть, и Иоанн на Патмос)... Но поднялась буря, и моряки выбросили в море Иону, ибо узнали эти люди, что он бежит от лица властелина, как он сам

сказал им.

И повелел властелин большому киту проглотить Иону. И был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона властелину, богу своему, из чрева кита ... И бог велел киту извергнуть Иону на сушу.

И встал Иона, и пошёл в Ниневию по слову властелина. Ниневия же была город великий у бога, на три дня ходьбы.

И начал Иона ходить по городу и проповедывать, говоря: „ещё **сорок** дней[234] – и Ниневия будет разрушена!“ И поверили ниневитяне богу, и объявили пост, и оделись во вретница от большого из них до малого (как и константинопольцы при Иоанне). И дошло это слово даже до царя Ниневии, и он встал (как Аркадий у Иоанна) с престола своего и снял с себя царское облачение, и оделся во вретнице, и сел на пепел.

И увидел бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел бог о бедствиях, о которых сказал, что наведёт на них, и не навёл.

Иона сильно огорчился этим и был раздражён. И молился он властелину, и сказал: «О,

властелин! не это ли говорил я, когда ещё был в стране моей? Потому я и бежал в Фарсис, я знал, что ты бог благой и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и пожалеешь о бедствиях. (Читатель сам видит, что эти понятия о боге носят явно христианский, а не древне-библейский характер.) И теперь, властелин, возьми душу мою от меня. Ибо лучше мне умереть, чем жить (лжепророком)».

И сказал властелин: «Неужели это огорчило тебя так сильно?» А Иона вышел из города и сел у восточной стороны. Он сделал себе шалаш и сел под ним в тени, чтобы увидеть, что будете с городом. И произрастил властелин-бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтоб избавить его от огорчения. Иона очень обрадовался этому растению. И устроил бог так, что на другой день, при появлении зари, червь подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навёл бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: „Лучше мне умереть, нежели

жить».

И сказал бог Ионе: «Неужели так сильно огорчился ты за растение?» Он сказал: «Очень огорчился, даже до смерти». Тогда сказал властелин: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневию, великой твердыни, в которой более двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?»

Эта коротенькая легенда так дышит ново-заветными представлениями о боге первых веков христианства, и так напоминает историю самого Иоанна, какой она представляется после моего вычисления времени «Откровения», что я не раз думал, не принадлежит ли она уже началу пятого века, и не лежит ли в основе её история самого неудавшегося пророчества Иоанна? Даже имя Иона легко могло быть лишь иностранным произношением имени Иоанна, ведь обратился же Иоанн у разных народов в Яна, Жана, Джона и т. д.?

Однако этому предположению противоречат многие ссылки на сказание об Ионе (отно-

симое некоторыми средневековыми теологами к 862 г. до Р.Х.) в речах, приписываемых самому Иоанну, а для астрономической проверки времени своего возникновения легенда об Ионе не даёт никакой опоры[235]. Но для нас в данном случае это неважно. Если рассматриваемая легенда христианского происхождения, то она, несомненно, относится к Иоанну, жизнь которого переполнена всевозможными легендами, и показывает, как он сам и окружающее его, и весь народ на востоке объяснили неудачу предсказания. Если же она более раннего происхождения, то она же и должна была послужить ему истолкованием его собственного положения. Действительно, в речах, приписываемых Иоанну, и относимых к его константинопольской деятельности, мы находим целый ряд ссылок на Иону и других пророков, предсказания которых отменялись богом. Такими ссылками как будто оправдывается он сам, или, скорее, оправдывают его последующие авторы, составлявшие по чужим воспоминаниям эти речи. Вот, например, несколько цитат из собрания его (?) проповедей «О покаянии», изданных в

Москве в 1877 г. шестым изданием на церковнославянском языке.

В первой речи говорится: «Город Ниневия весь спасся этим способом (т. е. покаявшись в своих грехах и прося бога смилостивиться над собой), хотя определение божие приводило их в отчаяние, потому что не сказал им пророк, что спасутся, если покаются, а просто: „ещё три дня – и Ниневия погибнет» (в латинской Вульгате и современных списках вместо трёх дней – сорок). Однако хотя и бог угрожал и пророк вопил, а также и изречение не содержало в себе никакой отсрочки или условия, они не пали духом и не бросили добрых надежд. Для того-то и не приложил бог условия и не сказал, что если покаются, то спасутся, **чтобы также и мы, слыша (теперь) божие определение, произносимое без условия**, не отчаивались и не ослабевали, видя такой пример». Подчёркнутые слова здесь характерны: мы вовсе не так часто слышим «божии определения, произносимые без условия», чтоб о них стоило говорить ни с того, ни с сего, в обычное время. По всей вероятности, это место именно и относится к тогдашнему

ожиданию второго пришествия христового и к предсказанным в «Откровении» бедствиям.

Во второй речи приводится пример неисполненного пророчества Илии Ахаву: «И предлагает Илия Ахаву определение такими словами: Так говорит бог: за то, что ты убил Навуфея и взял в наследство себе его виноградник, и пролил кровь неповинного человека, так прольётся и твоя кровь и собаки вылизуют её, и продажные женщины обмоются в ней (в Вульгате и современных списках последнего выражения нет, да и всё место редактурировано иначе, см. 3-я книга Царств, гл. 21, в конце). Но Ахав признался в неправде, и бог отменил назначенный для него приговор». „Однако перед этим, – продолжает Иоанн в своей речи, – извинился бог перед Илией, чтобы он не оказался лжецом и не выстрадал того, что выстрадал Иона... Что же бог говорит Илие? Видел ты (говорит он), как пошёл Ахав, плача и сетуя передо мною? Не сделаю, как он заслуживает по своей злобе (в Вульгате и современных списках говорится, что бог только перенёс месть с отца на сына)». Затем и в этой речи опять повторяется

весь рассказ об Ионе, а остальное её содержание всё – о надежде на милосердие божие ко всем кающимся грешникам.

В пятой беседе автор снова возвращается к Ионе и, повторив весь рассказ о его неудавшемся пророчестве, заключает его так: „Чего же ради, боже, предвозвещаешь бедствия?» *Для того,* отвечает он, *чтобы не сделать мне того, что предсказываю.* Для этого он и геенною грозил нам (вероятно, в недавнем «Откровении в грозе и буре»), чтобы не отослать нас в неё: «пусть, мол, устрашат вас слова, а не опечалят вещи!»

В седьмой беседе указывается на смысл семидневной отсрочки в падении Иерихона и говорится: „Ты силён (боже) сдвинуть горы с места и повергнуть в море, а единого упорного города не хочешь сокрушить, но семь дней определяешь до его разорения! Зачем? Не могущество моё, отвечает он, бессильно, а милосердие медлительно! Даю семь дней, как Ниневии три дня, и может статься, что город этот примет проповедь о покаянии и спасётся!» Здесь видно такое сильное желание автора подобрать из Библии как можно более

примеров относительно отменённых богом пророчеств, что он впал даже в невольную натяжку, придавая такое толкование повелению бога Иисусу Навину (Навин, глава 6) семь дней обходить Иерихон с трубными звуками, раньше чем падут его стены. В Библии нет и намёка на возможность такого объяснения, какое даёт этим обходам Иоанн.

Наконец, в четвёртой речи этой серии (которая, по всей вероятности, была последней из них, так как их порядок не установлен), мы читаем: „Когда мы были смущены от голода и мора, от града и бездождия, от пожаров и неприятельского нашествия, не всякий ли день базилика была тесна по причин собравшегося народа?.. Когда же отменил бог этот гнев и, прекратив невзгоды, произвёл тишину после *такой бури*, мы снова возвратились к нашим прежним предприятиям. И хотя я не переставал об этом предсказывать и провозвещать в *самое время искушения*, однако вы несколько не воспользовались этим. Вы выбросили всё это из ваших мыслей, как сон в прошедшую ночь. Поэтому и боюсь я теперь более, чем тогда, как бы не навлечь вам на се-

бя зол более тяжких, чем первые, и чтоб не получили вы от бога неисцелимой раны».

В этой речи чувствуется как будто уже успокоение публики от всеобщей паники, вызвавшей насильственное водворение Иоанна в Константинополь, когда «цирки и амфитеатры опустели, как осушаются берега от волн, сгоняемых сильным ветром». Конечно, я далёк от мысли (как уже не раз говорил) считать эти речи *стенографированными* со слов самого Иоанна, а не составленными за него впоследствии по воспоминаниям или преданиям. Сличение тех из них, которые дошли до нас в двух древних копиях, достаточно показывает, что с ними обращались бесцеремонно [236]. Однако некоторые особенности приводимой нами серии обнаруживают их большую правдоподобность. За это говорит прежде всего полное отсутствие в них каких бы то ни было ссылок на «Откровение в грозе и буре» и на евангелие от Иоанна, хотя обильно цитируются три остальные евангелия, а также многие книги из Библии и особенно послания Павла.

Невольно чувствуется, что эти речи были

редактированы людьми, для которых ещё не потерялась традиция о принадлежности Апокалипсиса этому самому Иоанну. Даже в тех местах, где специально говорится о втором пришествии Христа, как, например, в речи «В день сошествия святого духа», редактор не решился ввести цитат из «Откровения»: «Хотите ли, скажу вам и нечто страшное, но не для того, чтоб опечалить, но исправить вас. Тогда огненная река[237] потечёт перед престолом этим (т. е. небом), тогда свитки папируса откроются, и будет произведён суд страшный и грозный, и будут прочитаны записи нашей жизни, как и в земных судах. О свитках же тех много упоминали пророки».

В подтверждение этих слов передатчик Иоанна приводит цитаты из Моисея и Давида, слова Иисуса у Луки, затем цитирует Малахию, притчи Соломона и послание Павла к Колоссянам[238]. Одним словом, он выбирает все крупинки из того «старого и нового завета», который был при нём, а о главном из всех новейших пророчеств, и притом таком, которое приписывается теперь любимейшему из учеников Иисуса, ни одного слова! Если бы

эти речи были отредактированы позднее, и при том человеком, не знавшим о принадлежности «Откровения» самому Иоанну, то он, наверное, переписал бы здесь всю 20 главу «Откровения», специально посвящённую этому «страшному и грозному суду» и этой «огненной реке или лагуне».

Сопоставляя все приведённые места об Ионе и других неоправдавшихся предсказаниях, нельзя не заметить, что автор этих речей старается зачем-то указывать на них при всяком удобном поводе. Почему же так влечёт его к этой теме о неудавшихся пророчествах, которой избегают все остальные писатели, старающиеся представить решения бога непреложными? Потому, отвечу я, что ему нужно было оправдать ими, как в своих глазах, так и в глазах других, отмену пророчества Иоанна. Речь, в которой Иоанн должен был официально известить к 399 или 400 году, что все предсказанные бедствия, а с ними и сам приход Иисуса на Землю отложены, ввиду всеобщего покаяния, на неопределённое время, не дошла до нас, да и не могла дойти, после того как самое пророчество решили

приписать другому лицу и времени. Мелкие же отголоски второстепенных оправданий Иоанна, произносимые при других подходящих случаях, как мы видим сейчас, сохранились в отрывочных заметках, всё равно, представляют ли они собственные речи Иоанна, или редактированы за него через несколько десятков лет по воспоминаниям его сторонников.

Судя по некоторым из цитированных нами мест и по последующему поведению Иоанна, можно думать, что после первого периода уныния от неудачи, когда он, вероятно, как Иона, молил бога о смерти, к нему снова вернулись и вера и бодрость, и он причислил себя даже к числу тех пророков, которых бог заблаговременно предупредил об отмене своего решения. Его взгляды на «божественное вдохновение» давали ему полное право сделать такое заключение. Поселив в его душе жалость к кающимся грешникам, допустив его похищение из Антиохии и не исполнив ряда промежуточных наказаний, бог как бы повелел ему усомниться самому в непреложности пророчества и успокаивать всех надеждою

прощения в случае покаяния...

По крайней мере, совершенно так и поступил Иоанн в Константинополе. Он всё время проповедовал о покаянии, как средстве получить прощение бога, и энергично уничтожал многочисленные пороки духовенства в своём «патриархате», к которому принадлежало 6 епископств Фракии, 11 Малой Азии и 11 Понта[239]. В то время, как все остальные из известных нам древних проповедников отличались легковерием ко всему чудесному и распространяли всякие небылицы, ходившие в их время, с целью подтверждения истин своего учения, один Иоанн решился в принципе отвергать возможность творить чудеса в его время. «По какой причине теперь пресеклась и отнялась у людей эта благодать (доказывать свою правоту чудесами)? Не потому, чтоб бог хотел нас обидеть, но, наоборот, чтобы почитать! Желая показать нашу веру, он делает так, что мы и без вещественных доказательств верим ему. Те (прежние) не поверили бы невидимым доказательствам, если бы заранее не получили чудес и залогов, а я и без того верю. Вот причина, по которой теперь не

бывает чудес».

V. Поездка Иоанна в Азию. Бешеное гонение на него и на оригенитов

Замечательно интересен с нашей точки зрения таинственный съезд малоазиатских и некоторых других епископов в Константинополе в 400 году, т. е. вслед за фиаско апокалиптического предсказания Иоанна. Зачем они съезжались? Древние историки не захотели сообщить этого потомству. Только Палладий неопределённо намекает на съезд, но не говорит о его цели[240].

Теперь мы прямо можем сказать, что друзья Иоанна съезжались для обсуждения того, как им быть теперь, когда Иисус не явился в назначенный ему срок. Тем же самым объясняется и его трёхмесячная поездка по Малой Азии после праздника рождества в этом же 400 году.

Мы плохо знали бы психологию древних, если бы допустили, что жители и власти могли выпустить его из Константинополя ранее, чем была окончательно отменена грозящая им гибель, т. е. до 25 декабря 400 года. Как бы

ни успокаивал их Иоанн после 13 марта 399 года, но в глазах людей, не понимавших его астрологии, событие неизбежно должно было связаться с окончанием первых четырёх веков, и ранее этого им нельзя было успокоиться. А вдруг Иоанн хитрит? Отпустят его из города, а в это самое время и пошлёт бог все предсказанные бедствия? Нет, пусть уж лучше он остаётся заложником. Бог его пожалеет и не разрушит города обещанным землетрясением, таким землетрясением, «какого не было ещё с тех пор, как люди живут на Земле». И можно быть уверенным, что все зорко следили, как бы пророк не сбежал, так как и привезён он был насильно, под стражей...

Да и сам Иоанн не мог быть вполне уверен до этого времени, что Иисус не придёт совсем. Он мог отсрочить только свой приход до окончания полных четырёх веков. Всё это так соответствует числовым представлениям автора «Откровения», да и всех древних.

Сама астрология нимало не противоречила этому, потому что последнее прохождение Солнца, Луны, Меркурия, а можете быть и ещё какой-нибудь из планет через зловещее

созвездие Скорпиона должно было окончиться только 8 декабря[241] 400 года.

Но вот и эти опасные дни прошли благополучно. Иоанн, конечно, успокоил всех в Константинополе и получил, наконец, отпуск для того, чтобы съездить в Малую Азию и лично объяснить положение дел в тех семи городах, которым он непосредственно адресовал своё пророчество.

Он спешно отправился в Эфес и другие малоазиатские города, «несмотря на зимнее время и плохое состояние здоровья». Причины, выставляемые для этого византийскими историками, так же противоречивы и неудовлетворительны, как и причины всех других необыкновенных происшествий в жизни Иоанна после появления «Откровения».

Почему он не мог подождать даже двухтрёх месяцев до начала лета и «поехал, несмотря на болезнь и ревматизм в ногах»? Потому, отвечает нам Палладий[242], что Евсевий, епископ валентинопольский, обвинил Антония, епископа эфесского, «в корыстолюбии», но примирился с ним раньше, чем успел приехать Иоанн для разбирательства

дела, да и сам этот Антоний умер, но эфесская община всё-таки «умоляла Иоанна придти лично, чтоб водворить в ней спокойствие», и Иоанн поспешил (9 января 401 г.) «на жалостный зов её»[243].

Для нас теперь вполне разъясняется и эта спешность, и путаница византийских историков, не желавших обнаружить действительную причину. Автору «Откровения» было абсолютно необходимо совершить эту поездку и объясниться с «семью малоазиатскими городами», куда он послал свою книгу, лично и на месте, несмотря ни на что и при первой же физической возможности. Если сам бог, по словам Иоанна, **«извиняется»** перед своими пророками за отмену их предсказаний, то как же пророку не поспешить извиниться перед теми, кого он неумышленно обманул? Конечно, при этом случае никто не мешал ему заняться и некоторыми частными делами, в роде постановления на место умершего эфесского епископа Антония своего диакона Гераклида или отрешить от должности целый ряд враждебных ему епископов[244].

Но цель созвания им малоазиатских епи-

скопов сначала в Константинополь, а затем в Эфес на какие-то таинственные совещания для нас теперь очевидна. Он должен был объяснить наконец своим собратьям по вере метод своего предсказания и то, что все грозные фигуры зверей и картины всевозможных бедствий были ему показаны только символически в виде облаков грозы и созвездий неба. Тут же мог он изложить им и свою теорию «святого вдохновения», т. е. объяснить им, что это значит – быть в таком восторженном состоянии, когда и веришь, и любишь, и чувствуешь всем существом своё единство с окружающим миром, и видишь во всех явлениях окружающей природы таинственные отголоски на каждое своё чувство.

Как могли отнестись к этому его прозаические слушатели, не только никогда не испытывавшие ничего подобного, но даже не способные представить это у других? Последующая история Иоанна ясно показывает это. В тот же миг на его голову, и вообще на оригенистов, поднялась целая буря во всей восточной церкви. Все раскаявшиеся перед тем представители его «великой твердыни», все «жадные

соискатели его престола» поднялись теперь на него и его сторонников с тем большей злобой, чем сильнее были в эти три года их страх и унижение. А ему, всё ещё убеждённом, что сам бог дал ему пророчество и затем отменил его ввиду всеобщего покаяния, ничего не оставалось, как отвечать им ударом на удар, что он и сделал при своём объезде Малой Азии. Но это лишь подлило масла в огонь.

Не успел он возвратиться в Константинополь, как там, пользуясь его трёхмесячным отсутствием, заменявший его «друг Севериан», епископ гавальский, начал исподтишка восстанавливать против него молодую императрицу Евдоксию, управлявшую своим мужем Аркадием, а через него и всей Византийской империей. Какие средства он употребил, не трудно догадаться. В «Откровении» мы находим не одно выражение «о женщине, одетой в порфиру и багряницу и царствующей над земными царями» (как Евдоксия над своим мужем), а также о Иезабели, жене Ахава, «проституирующей и вкушающей принесённое в жертву изображениям». Всё это, как мы знаем, относилось к церкви, но выража-

лось в такой аллегорической форме, что для лиц, привыкших к интригам, ничего не стоило убедить императрицу, что слова Апокалипсиса относятся именно к ней.

Действительно, мы и находим у византийских историков, что недоброжелательство императрицы было вызвано тем, что он называл её в своих речах Иезабелью, проституировавшей с земными царями.

Какое впечатление должны были произвести такие инсинуации на молодую женщину, которой не было и 25 лет, и которая, насколько известно, никогда не имела других возлюбленных[245], кроме своего мужа, понять не трудно. Как бы подтверждением этому неправильному истолкованию речей Иоанна являлось также и его явное уклонение от всяких личных сношений с императорской четой. В противность всем своим предшественникам и всем последующим константинопольским епископам, Иоанн никогда не ходил на императорские пиры и торжественные приёмы, но проводил время у себя дома в чтении книг.

Однако инсинуации Севериана не принесли ещё Иоанну особенного вреда. Архидиакон

Серапион указал ему, при его возвращении из Малой Азии, тайного врага, и Севериан был на время удалён из столицы.

Буря, которая должна была низвергнуть Иоанна, поднималась на него после его поездки в Малую Азию отовсюду, но первый её удар упал не на него, а на его сторонников-оригенитов в Египте, и нанёс этот удар ни кто иной, как его старинный враг, Теофил, епископ александрийский. Это был тот самый епископ, который сжёг в 389 году в Александрии целый городской квартал, где находился знаменитый храм Сераписа[246], служивший александрийским университетом и заключающий в себе много памятников древности и научных сокровищ, а также и знаменитую александрийскую библиотеку, где находилось в это время до 42 000 свитков папируса, из которых жрецам, застигнутым врасплох пожаром, удалось спасти очень немногие.

В период паники 398—399 года и Теофил, как все остальные, обратился в иоаннита и даже, как мы уже знаем, собственноручно рукоположил Иоанна константинопольским верховным епископом, как старейший из

всех епископов, приехавших[247] 26 февраля 398 года Константинополь для Иоанна, не желавшего быть ставленником императора и потому требовавшего собора[248].

Но теперь Теофил сразу встал во главе врагов Иоанна тотчас после того, как выяснилась неудача пророчества, т. е. ещё в конце 401 года или в самом начале 402, принялся интриговать против пророка. Это, конечно, сразу оттолкнуло от него всех искренних иоаннитов, первыми из которых и были оригениты. Между ними в то время особенно выдавались в Александрии четыре брата: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий, прозванные **длинными братьями**, потому что, по выражению Созомена, «не малы были телом»[249].

В период возвеличения Иоанна за ним ухаживали не только александрийцы, но и сам Теофил. Старшего из них, Диоскора, он назначил «против воли» епископом гермопольским[250], а остальных упросил «остаться с собою и принудил принять от себя места пресвитеров». Так продолжалось до 401 года, когда, после неудачи пророчества, Теофил вдруг объявил себя врагом оригенитства. Длинные

братья не захотели более жить у него в пресвитерах. Они ушли в Нитрийскую пустыню в Египте[251], куда в эти тревожные годы уже сбежались спасаться в отшельнических подвигах перед концом мира несколько тысяч человек.

Теофил приказал подчинённым себе епископам разогнать их всех из гор и пустынь, как вредных еретиков. Это сейчас же и было выполнено его усердными и ободрившимися теперь помощниками.

Изгнанники-нитрийцы сошлись в Александрии, и некоторые из них пошли к Теофилу объясняться, так как оригениты в это время ещё не были отлучены никаким собором. Но Теофил, «воззрев на них», по выражению «Миней», «налитыми кровью глазами, и, хриплый от ярости, устремился на них, как одержимый бесом». Закинув за шею Аммония свой омофор (т. е. длинный кусок полотна вроде полотенца, сшитого петлёй, какие и до сих пор носят православные епископы), он избил его до крови своими руками, крича: «еретик, прокляни[252] Оригена!» Так же избил и окровавил он и прочих депутатов и вы-

гнал всех «с бесчестием».

Избитые отшельники не отреклись от Оригена. Они ушли обратно, в свои хижинки на Нитрийскую гору. А Теофил созвал в Александрии, в конце 401 или в начале 402 г., собор своих епископов и предал анафеме всех четырёх братьев и всех их сожителей в Нитрии, как оригенистов и чернокнижников, подыскав каких-то свидетелей, выдавших их, может быть, погружёнными в астрологические занятия по ночам. Вместе с ними был проклят и ещё один священник, старец Исидор, которого Теофил обвинил в каком-то «противоестественном грехе».

Получив постановление собора, Теофил немедленно отправился с ним к городскому епарху (т. е. военному и гражданскому начальнику). Взяв у него пятьсот воинов, он пошёл с ними в ту область Египта, где была Нитрийская гора. Экспедиция нарочно была устроена таким образом, чтобы нахлынуть на убежища оригенистов ночью, невзначай. Войска бросились со всех сторон на гору и начали разбивать двери пещер и хижин. Под предлогом искания запрещённых книг они

разграбили всё имущество пустынников, перебили большинство из них и затем предали огню их жилища.

Всё это произошло 10 июля[253] 402 года. Все, кто мог, разбежались в темноте по окрестностям вместе с четырьмя «долгими братьями», скрывшимися в овраге, и Исидором, приютившимся тоже на Нитрийской горе после своего изгнания из Александрии. Сначала беглецы бросились в соседний Иерусалимский патриархат. Но верховный епископ этой области Силуан, который в период паники тоже объявил себя оригенистом и иоаннитом, принял их теперь как еретиков, и они ушли далее искать защиты у самого Иоанна. Иоанн их успокоил, поместил у себя при церкви Анастасии в Константинополе, а Теофилу написал письмо[254], в котором угроживал снять с них отлучение, так как они «правильно говорили о боге»[255].

В ответ на это он получил от Теофила письмо, угрожающее ему самому. Беглецы-оригениты содержались всё это время Иоанном на средства одной богатой молодой женщины, известной константинопольской

великосветской красавицы Олимпиады, рано потерявшей своего мужа и отдавшей Иоанну всё своё имущество на помощь бедным и устройство приютов для больных и странников. Она всё время была в величайшей дружбе с Иоанном и служила диакониссой при одной из его лучших базилик. Эта их интимная дружба и послужила для его врагов предлогом обвинять Иоанна, между прочим, и в немонашеском образе жизни.

Изгнанные оригениты, видя безуспешность ходатайства Иоанна, подали в 402 г. жалобу императору на Теофила, и потребовали светского суда над ним, в противность увещаниям Иоанна, не допускавшего никаких просьб к императорской власти по религиозным вопросам.

В результате вышла новая беда для пророка. Теофил списался с тщеславным кипрским епископом, св.Епифанием[256], который тоже превратился после окончательного фиаско пророчества (т. е. в 401 году) в ожесточённого врага Иоанна и оригенитов. К Теофилу присоединился и блаженный Иероним, соперник Иоанна с тех пор, как оба были одновременно

в Антиохии в двух враждующих христианских партиях. И вот, под удобным предлогом разбирательства дела Теофила, многочисленные теперь враги Иоанна начали организовать в Константинополе новый вселенский собор для неожиданного суда над самим Иоанном и оригенистами.

Всё это похоже на роман, а между тем действительность. Были посланы грамоты и римскому папе Иннокентию, чтоб он прислал на этот собор представителей западной церкви. Но папа, по-видимому, не пожелал вмешиваться в дело, и его представители не приехали под тем пустым предлогом, что ожидали «ещё второго приглашения».

В результате собор этот и состоялся в феврале 403 г. из представителей одной николаитской фракции византийского духовенства. Ни восточная, ни римская церковь в настоящее время не считают его своим собором, а называют «разбойничьим», аналогично тому «разбойническому собору» (*Synodus latronus*), который через 45 лет происходил в Эфесе (в 449 году) под председательством Диоскора Александрийского и постановил, будто чело-

веческое естество Иисуса было вполне поглощено божеским.

Особенно усердствовал против Иоанна и оригенистов св.Епифаний кипрский. Ещё во время подготовки собора он так задирательно держал себя по отношению к пророку, что все ортодоксальные биографы Иоанна принуждены заменять факты фразами. «Оклеветал Теофил (говорит автор „Миней“) Иоанна, говоря, что он еретик: оригенистов к себе принял и причащается с ними. Епифаний же незлобив был. Не познав хитрости Теофиловой, принял веру лжи, по писанному: „незлобивый придаёт веру всякому слову“. Ревнуя же сильно по благочестию, он проклял (ещё до приезда своего в Константинополь) местным собором своих кипрских епископов оригеновы книги и написал Иоанну, чтобы сотворил то же самое. Но Иоанн, не торопясь к этому, упражнялся в божественном писании»[257].

Говоря прямым языком, Иоанн отказался наотрез анафематизировать оригеновы книги, которые, вероятно, и заключали те астрологические способы, которыми он руководствовался при составлении «Откровения». Та-

кое упорство пророка, после явной неудачи его пророчества, до того рассердило престарелого св.Епифания, привыкшего за сто с лишком лет своей жизни к уважению, что он примчался в Константинополь ещё за несколько недель до установленного срока. В знак того, что он не признаёт Иоанна за епископа, он высадился в 7 километрах от Константинополя и, войдя самовольно в местную церковь, находящуюся в ведении Иоанна, начал действовать в ней, как в своей собственной.

Он отслужил там самовольно литургию и посвятил одного человека в дьяконы, в противность церковным постановлениям, запрещающим епископу посвящать кого-либо в чужой епископии[258]. Затем, войдя в Константинополь и поселившись в частном доме, он отказался даже видеться с Иоанном, ответив его посланным: „Пока Иоанн не выгонит вон из города Диоскора и его схимников и не подпишет отказа от оригеновых книг, я не имею общения с Иоанном»[259].

Императорская чета уже сильно была восстановлена на Иоанна с самой его поездки по Малой Азии, и теперь, освободившись от

страха, настолько же желала его удаления из Константинополя, как прежде его водворения в нём. Поэтому Епифаний тотчас же поспешил во дворец, где принят был как избавитель, со всевозможными знаками внимания, и не раз имел секретные совещания относительно способов низвержения Иоанна. Он до того увлёкся, что хотел даже всенародно обличать Иоанна в одном из главных городских храмов, в соборе Апостолов, и проклясть, как еретика, но благоразумные люди удержали его, указав, что из этого, при необыкновенной популярности Иоанна в народе, ничего не выйдет, кроме избиения самого Епифания.

Тем временем начали собираться и другие представители византийского духовенства. Приехал Теофил, приведя с собою для императорской четы и их ближайших сановников несколько галер, «наполненных индейскими пряностями и фруктами, и драгоценными материями, шёлковыми и золототканными». Вместе с ним приехало «множество» николаитских епископов, пресвитеров и диаконов. Ариане, оригенисты, иоанниты и все остальные христианские секты, кроме господствующей

щей, были исключены, как это делалось и на всех других «вселенских соборах».

Главными предводителями этой клики, кроме Теофила и св.Епифания, были Акакий, епископ верейский, и Антиох Птолемаидский. Из самого патриархата Иоанна приехали к ним уже известный нам Севериан Гавальский, восстановлявший против пророка императрицу во время его объяснительной поездки в Малую Азию, и фракийский епископ Павел Гераклийский, занявший председательское место в день приговора над Иоанном, так как первоначальный председатель, Теофил Александрийский, в этот день отказался первоприсутствовать[260]. К ним же присоединились несколько епископов Малой Азии, покинувших Иоанна и оригенизм после его путешествия к ним. Остальные из патриархата Иоанна (до сорока епископов, оставшихся и до сих пор верными ему) собрались около него. Их не допустили на совещание, как еретиков.

VI. Осуждение и отлучение Иоанна от церкви. Его спасение благодаря константинопольскому землетрясению 403 г.

Заседания собора начались в марте 403 года в церкви Петра и Павла, находящейся в Халкедонском предместьи Константинополя, где находился и императорский дворец. На троекратное требование явиться туда для оправдания Иоанн ответил решительным отказом, мотивируя его тем, что собор состоит исключительно из представителей враждебной ему фракции, суда которой он не признаёт. Он даже произнёс против них в своей базилике громовую речь[261], содержащую, как говорят, таие слова:

«Соберите ко мне постыдных пророков, едящих пищу Иезабели (т. е. находящихся на содержании Византийской империи), чтобы я сказал им, как Илья: до каких пор будете вы хромать на обе ваши ноги? Если есть властелин-бог, идите вслед его, а если пища Иезабели есть ваш бог, то да стошнит вас, когда вы

её едите!»[262].

Эти слова обозначали, как мы теперь уже знаем, собравшуюся судить его николаитскую фракцию византийского духовенства, которую Иоанн в письме в Фиатиры («Откровение», глава 2-я) представлял аллегорически в виде Иезабели, жены библейского царя Ахава. Но они теперь были перетолкованы как намёк на императрицу Евдоксию и ещё более раздражили её против пророка. Сам император прислал ему приказ идти на суд, но Иоанн и в этом случае отказался, не признавая за императором права вмешиваться в религиозные дела.

В результате оказались теперь в Константинополе два собора. Один из иоаннитов, как называли в это время сторонников Иоанна, выделяя их с оригенистами в особую секту, и другой – из представителей чистого николаитства. Первый собор вызывал к себе на суд Теофила за расправу над египетскими оригенистами, второй же требовал к себе на суд самого Иоанна, и притом в грубой форме, не называя его даже епископом.

Соглашение оказалось невозможным. Три

иоаннитских епископа, явившиеся в Халкедонское предместье в качестве парламентёров от Иоанна, были схвачены их противниками и избиты.

На двенадцатом совещании николаитского собора, где присутствовали 45 членов, Иоанна, по Фотию и другим византийским клерикалам, обвинили:

1) В том, что он проповедывал, будто «церковный алтарь полон[263] мерзостей», – очевидное указание на то место главы 17 Апокалипсиса, где Иоанн говорит: «в руке её (т. е. великой твердыни Врата господни) была золотая чаша, наполненная **мерзостью и нечистотой её бесстыдства**».

2) В том, что называл императрицу Евдоксию Иезабелью[264], очевидно перетолковывая в этом смысл то место главы 11 Апокалипсиса, где Иоанн говорит оглашателю фиатирского собрания верующих: «Имею против тебя немного за то, что ты позволяешь хозяйке твоей Иезабели, называющей себя провозвестницею, учить и улавливать моих слуг, и протитуироваться, и вкушать посвящённое изображениям». Слово Иезабель (жена биб-

лейского царя Ахава) применялось Иоанном в аллегорическом смысле к государственной церкви и в других его пророчествах, кроме Апокалипсиса, но они были произнесены уже после этого суда.

3) В том, что воскликнул раз во время церковной службы: **«я схожу с ума от любви!»** [265]

4) В том, что оригенистов считал за своих, а тех, которые сообщались с государственной церковью, не лечил в темнице [266].

5) В том, что принимал язычников, которые дурно обращались с христианами, давал им защиту в церкви и молился за них [267],

и наконец,

6) В похищении какого-то церковного имущества.

Этот таинственный последний пункт особенно интересен с нашей точки зрения. О том, чтобы Иоанн похитил что-либо из материальных богатств, конечно, не могло быть и речи у его хитрых врагов, не желавших, вместо обвинения Иоанна, подвергнуться самим взрыву народного и общественного негодования. Всем была известна простота его жизни,

одежды и всей материальной обстановки, которой он так резко отличался от своих предшественников. Все знали и то, что он роздал бедным и нуждающимся своё большое наследство, да и теперь отличался благотворительностью, средства для которой доставляла ему Олимпиада, предоставившая в его распоряжение все доходы со своих огромных имений около Константинополя.

Значит, обвинение, взведённое на Иоанна, могло относиться только к его единственным и всем известным богатствам, дававшим ему такое обаяние в публике, к его литературным произведениям, которые старались представить похищенными в виде каких-либо древних манускриптов, ещё неизвестных публике, и выданных им за свои. Подобная инсинуация попадала в единственное уязвимое место Иоанна, так как она разрушала его огромный авторитет как великого писателя и оставляла его, так сказать, нагим и беззащитным в руках его врагов. Всякое материальное обвинение было бы прощено ему народом ради его вдохновенных работ, да никто и не поверил бы его обвинению в **обычном** корысто-

любии.

Если сопоставить этот пункт обвинения с тем фактом, что принадлежащее ему «Откровение в грозе и буре» приписывалось с начала средних веков другому лицу, то невольно приходит в голову мысль, что его оклеветали на этом соборе именно в том, будто во время своего бегства в 381 году из горного монастыря близ Антиохии он унёс оттуда находившиеся там древние рукописи, принадлежавшие любимому ученику Христа, Иоанну, и выдал их затем за свои.

Теофил, конечно, не остановился бы перед подобным обвинением. Оно сразу отнимало у Иоанна авторитет великого христианского писателя, а вместе с тем делало «Откровение в грозе и буре» (распространение которого было теперь, конечно, так велико, что его уже нельзя было истребить) из орудия, направленного против николаитской фракции, её собственным и чрезвычайно могучим орудием устрашения паствы и всех её противников.

Доказательством основательности такого обвинения мог служить для врагов Иоанна и

тот факт, что пророчество не сбылось, а, следовательно, не было понято и самим Иоанном, выдававшим себя за его автора.

Опровергать подобное обвинение, установленное соборно, с самим св.Епифанием во главе, было совершенно невозможно в глазах древнего человека, так как это значило бы отнимать славу у любимейшего из учеников Христовых, а, следовательно, быть врагом и самого Христа.

В результате могла возникнуть впоследствии среди отчаявшихся сторонников Иоанна и та легенда, которую мы уже приводили ранее, т. е. легенда о том, как любимый ученик Христа, Иоанн с Генисаретского озера, явился к обвиняемому Иоанну ночью в его монастыре близ Антиохии и передал ему в руки свиток с «божественным откровением» (по-гречески: Апокалипсисом) для того, чтобы Иоанн узнал из него всю глубину премудрости.

Но, как бы то ни было, приговор был, наконец, произнесён, и Иоанн был признан виновным, низложен и даже предан анафеме [268].

Постановление собора об отлучении[269] и заточении Иоанна было тотчас передано для исполнения императорской чете. А в Константинополе тем временем произошло восстание в пользу гонимого пророка, которого чрезвычайно любили обыватели.

Огромное количество народа собралось к жилищу Иоанна. Одни ругали императора и императрицу, другие – Теофила и его единомышленников. Только вечером войска вытащили Иоанна из его церкви и ночью перевезли на азиатский берег Босфора. Там посадили его на корабль и повезли в заточение в Пренет, около Никомидии.

Но путешествие продолжалось только один день. На следующую же ночь, в первых числах мая 403 г., произошло в Константинополе небольшое землетрясение[270], от которого несколько зданий дали трещины, но не потерпели никакого другого вреда. Это стихийное явление (хотя и не редкое в Константинополе) сразу повернуло дело совершенно в другую сторону. Да это и понятно. Припомните только, сколько раз в «Откровении» говорится о землетрясении, от которого

«великий город»[271] должен рассесться на три части, и Земля должна содрогнуться, и вестники небесные возопить. Народ успел привыкнуть к мысли, что одно пребывание Иоанна только и спасало столицу империи от кары. И вот теперь, когда Иоанна убедили и удалили, его пророчество и начинает исполняться.

Толпы народа бросились на улицы и площади и кричали: «Весь город разрушится, если Иоанн не будет возвращён!» Испуганная императрица позабыла в этот миг все действительные или воображаемые обиды, полученные ею от Иоанна, и всё своё зложелательство к нему, накопившееся за последние два года после общего успокоения. В ту же ночь написала она к нему убедительное письмо. „Умоляю твою светлость не верить, что я участвовала в том, что произошло с тобою. Я не виновна в твоей крови. Это злые и безнравственные люди устроили заговор против тебя! Бог свидетель в истине моих слов, как и в слезах, которые я приношу ему в жертву» [272].

Весь Босфор, говорят историки, покрылся

ладьями ищущих Иоанна. Мраморное море «было полно посылаемых», «народ шумел на площадях, отовсюду поднимались вопли на несправедливый собор и на Теофила». Севериан, епископ гавальский, думая укротить народ обличениями Иоанна, ещё более возбудил гнев, и толпы народа бросились на дворец.

Услышав у ворот дворца, что послан уже сановник для возвращения Иоанна, толпа отхлынула к взморью ожидать его прибытия. Когда его корабль показался, наконец, вдали, женщины и дети бросались в лодки, чтобы ехать к нему навстречу. Но Иоанн, высадившись на берег среди ожидавших его 30-40 епископов, оставшихся до конца ему верными, отказался входить в город, пока новый «большой собор» (т. е. составленный из всех христианских фракций) не оправдает его от наложенного на него обвинения.

Но его никто не хотел слушать. Со свечами в руках и с пением введённых им гимнов константинопольские граждане и гражданки силою потащили его из предместья в город. Водворив его в обычной базилике, на обыч-

ной кафедре, они не разошлись до тех пор, пока он не сказал им оттуда успокоительной речи и не пообещал остаться у них, как был, верховным епископом, не обращая внимания на решение собора и отлучение от церкви.

А что же сам вселенский собор?..

Значительная часть его епископов уже успела убежать из города в то же утро и теперь плыла домой на всех парусах, а впереди всех мчался по волнам св.Епифаний кипрский. Он так спешно бежал, что дал этим поводом защищающим его ортодоксальным историкам утверждать, будто он, получив внезапный дар пророчества, уехал ещё до произнесения приговора над Иоанном[273].

Факт же остаётся тот, что Епифаний, раньше всех прискакавший судить Иоанна и задиравший его всеми способами ещё до собора, несомненно был, может быть вместе с Иеронимом Блаженным, одним из главных обвинителей Иоанна. Благодаря этому он перепугался теперь так сильно, что при своём преклонном возрасте (ему, говорят, было, несмотря на его горячность, за сто лет) уже не мог вынести своего ужаса, и умер на половине до-

роги от Константинополя, не доехав до своего острова Кипра. Это случилось 12 мая, а потому мы можем определить, что заседания собора кончились в первых числах того же месяца или, в крайнем случае, не раньше конца апреля 403 года.

На остальных епископов собора, опоздавших уехать из Константинополя, набросились жители столицы. Они напали на приехавших с Теофилом священников и угрожали потопить самого Теофила. Кровь потекла по взморью, куда судьи прибежали садиться на свои корабли. Севериан, Антиох и другие враги Иоанна разбежались из города в испуге, хотя император созывал их снова для оправдания Иоанна... Ночью взошёл на корабль сам «опозоренный» Теофил[274]. Он так перепугался, что снова примирился с изгнанными им оригенитами, и разрешил им всем вернуться к нему в Египет. Но только два из «длинных братьев» возвратились в свои разрушенные хижины на Нитрийской горе, а остальные уже умерли в Константинополе.

VII. Иоанн в роли константинопольского верховного епископа, низвергнутого собором и не признаваемого никем, кроме народа. Новый суд над ним, его заточение, ссылка и смерть в изгнании

Итак, стихийное явление природы, землетрясение, как будто нарочно пришло к Иоанну на выручку и восстановило ему, как автору «Откровения в грозе и буре», почти весь его прежний авторитет. Если бы после этого Иоанн стал жить по примеру своих предшественников, стараясь поддерживать хорошие отношения с императорской властью, или, скажем прямо, оставил бы свои республиканские убеждения, усвоенные им, вероятно, ещё в афинской языческой школе, то он, без сомнения, прожил бы благополучно до конца своей жизни.

Но ничего этого Иоанн не сделал. Как в «Откровении» он называл союз церкви с государством проституированием её, так называл

он его и теперь. Как тогда он призывал небесных птиц слетаться, чтобы пожрать трупы царей и полководцев, убитых мечом Егوشуа-Иисуса, так и теперь он всё ещё надеялся, что раздастся же, наконец, на них тот громовый удар с семью раскатами, о котором «голос с неба» сказал ему: «скрой, что говорили семь раскатов грома, не пиши этого» (Апок.,10,4).

Пришествие Христа, как мы видели из многих мест Апокалипсиса, было для него вместе с тем и началом всеобщего равенства и братства, когда все «будут сидеть рядом со Христом». Он и теперь продолжал себя держать с императором и императрицей так же свободно и независимо, как и с последним из их подданных, не принимая никаких доходных привилегий от империи и не делая ей в свою очередь никаких услуг для поддержания её авторитета среди населения.

Причины для столкновений с императорской властью должны были при таких условиях возникать сами собой. Все знали отрицательное отношение Иоанна к византийско-римской деспотии, олицетворённой им в

«Откровении» в вид чудовища с семью головами, на которых находилось семь корон с кощунственными титулами и девизами. Всякий чем-либо обиженный императором или императрицей сейчас же бежал жаловаться на них к грозному пророку, а Иоанн считал своим долгом выслушивать их, и, если находил жалобу справедливой, заступался за них перед властелинами империи.

Однако в первые месяцы после нового воцелорения в Константинополь его авторитет, как пророка, опять поднялся до такой степени, что частые заступничества за гонимых и обиженных властями не могли приносить ему большого вреда[275].

К нему, несомненно, относились при дворе с большим страхом, как о том и свидетельствуют некоторые легенды, приводимые его византийскими биографами. «Извергнутый собором» Иоанн продолжал оставаться на своём высоком месте, не имея никаких искренних друзей, кроме благоговевшей перед ним частной публики, и никакого могучего защитника, кроме возвратившего его сюда Посейдона, потрясателя земли.

Всё, казалось, пошло по-прежнему. Его любимая диаконисса, знаменитая константинопольская красавица Олимпиада[276], продолжала оставаться с ним в самой нежной дружбе, несмотря на диффамации собора. Старинные биографы неразрывно связывают с этого момента её судьбу с судьбою самого Иоанна. Они не указывают для него никаких других друзей, которые пострадали бы за него впоследствии в такой же степени, как она, или составляли бы в его дальнейшей жизни такое же неотъемлемое звено. Имеем ли мы право заключить из этого, что и «на его закат печальный мелькнула любовь улыбкою прощальной»?

У Иоанна, как мы не раз видели, было очень нежное и любящее сердце. Во время его насильственного привоза в Константинополь, окружённого ореолом вдохновенного пророка, посвящённого во все тайны бога и природы, он вовсе не был ещё настолько стар, чтобы исключать возможность возникновения к нему у константинопольских дам более нежных чувств, чем уважение. Ему едва ли было тогда более 45 лет[277], да и это число

могло быть до некоторой степени тенденциозно преувеличено, так как для средневековых историков, выбросивших из его жизни «Откровение», должно было казаться мало вероятным его слишком раннее возвышение.

При таких обстоятельствах было бы трудно ожидать, чтобы его сердце осталось холодным и неотзывчивым на то обожание, с каким встретили его в Константинополе все женщины, поклонявшиеся ему, конечно, несравненно более, чем самому богу, которого они никогда не видали.

Поэтому и дружба между Иоанном и Олимпиадой могла легко превратиться в любовь при их постоянных встречах. Но само собой понятно, что, рассматривая отношения между полами с чисто монашеской точки зрения, их благочестивые жизнеописатели всеми силами стараются убедить читателя, что между ними не было даже и платонической любви, а не только той, в которой обвинил их собор, когда требовал от Иоанна объяснения, почему он воскликнул вдруг среди службы: «Погибаю, схожу с ума от любви!»[278].

Хватая через край в своём усердии, они до-

водят дело в этом случае прямо до смешного, чем и обнаруживают свою затаённую цель. Так, например, в Минеях рассказывается между прочим, будто Олимпиада была до того конфузлива, что никогда в жизни не ходила даже в баню, потому что «сама себя стыдилась, не хотела зреть наготы своего тела, а когда нужно было вымыться, то она входила в одной рубашке в сосуд, наполненный тёплой водой, и мылась в том сосуд, не снимая её» [279].

Она была урождённая константинополька, дочь сенатора Анисия Секунда. Ещё до достижения совершеннолетия её выдали замуж за сына епарха Невредия, умершего через два или полтора года после свадьбы, оставив её наследницей «великих богатств и бесчисленных имений», принадлежавших, главным образом, её собственному умершему отцу. Император Феодосий, царствовавший ещё в то время, начал её сватать за своего родственника Елпидия. Но гордая красавица не захотела этого жениха, за что и навлекла на себя злобу императора и наложение опеки на свои имения. Это подневольное положение продолжа-

лось, вероятно, до самой смерти Феодосия, хотя один из монашеских биографов Олимпиады и говорит, будто Феодосий, услышав о том, что она по причине своей необычайной скромности «даже в баню не ходит», повелел ей снова владеть своим именем[280].

Допуская, что опека с неё была снята сейчас же после смерти Феодосия, т. е. в ужасные апокалиптические годы, мы легко поймём и то употребление, которое сделала из своих больших доходов эта, по-видимому, совсем ещё молодая женщина. Она начала раздавать их на помощь бедным и больным, «заключённым в темницах и находящимся в далёких ссылках» и на всякие благотворительные дела. В то время, как Иоанн был в первый раз водворён насильно в Константинополе, она, как говорят Минеи, уже была возведена в звание диакониссы его предшественником Нектарием. Но, принимая во внимание, что Нектарий и Иоанн принадлежали к совершенно противоположным христианским фракциям – Нектарий к государственной церкви, а Иоанн – к её врагам[281], – несравненно более вероятно, что она была рукоположена самим

Иоанном в его собственные диакониссы после того, как передала ему все свои имущества и доходы. Нектарий же придуман, вероятно, специально для того, чтобы показать, что она состояла при церкви ещё ранее появления Иоанна и поступила в диакониссы помимо его личного обаяния.

К ней-то в имения, как мы уже знаем, и поместил Иоанн бежавших к нему из Египта оригенистов, а потому понятно, что и на неё простёрлось неудовольствие николаитского собора. Неожиданная развязка посредством землетрясения и быстрого бегства всех членов собора помешали дальнейшим заседаниям, на которых, вероятно, были бы также анафематизированы и оригенисты, и Олимпиада, как одна из них. Намёки на такую её судьбу мы и имеем в самих Минеях:

«Он же (т. е. общий козёл отпущения этого собора, неумеренно ревностный Теофил) гневался на Иоанна и покушался обесславить оную (Олимпиаду), но ни от кого не было веры враждебным его клеветам»[282]. «Иоанн же, – продолжает автор, – любил её духовною любовью, как некогда святой апостол Павел

Персиду, о которой пишет: „целуйте Персиду, возлюбленную, которая много трудилась о господе“. Олимпиада же святая сотворила не менее Персиды, много трудясь во имя господи и служа святым с великою верою и тёплою любовью. Когда же Иоанн был изгоняем неповинный со своего престола, блаженная Олимпиада с прочими честными диакониссами плакала о том много»[283].

Но вот теперь Иоанн возвратился к ним в новом ореоле таинственного могущества, и всё снова пошло по-прежнему между верными друзьями. Однако этот мир и тишина продолжались только два месяца.

В июле того же 403 года на одной из главных константинопольских площадей, недалеко от храма св.Софии, была воздвигнута на мраморной колонне статуя императрицы Евдоксии[284]. На этой же самой площади обыкновенно устраивались в праздничные дни главные народные увеселения: балаганы, пение, пляски и музыка.

Иоанн, как мы уже знаем из многих мест «Откровения», не выносил императорских изображений в публичных местах. Он, по-ви-

димому, всегда подозревал, что это только первый шаг к зачислению императоров в святые со стороны государственной церкви, как это и было сделано уже с Константином Первым. Припомните выражения об иконе зверя в главе 13 «Откровения в гроз и буре», а также и то обстоятельство, что, когда Иоанн 17 лет тому назад был ещё проповедником у оригенинского епископа Флавиана в Антиохии, народ ниспроверг там изображения тогдашнего императора Феодосия и его наследников, теперешних императоров Византии и Рима – Аркадия и Гонория. Я уже имел случай указать, что это низвержение было не без влияния его речей «о статуях к антиохийскому народу», – не тех речей, какие соблагоизволили сообщить нам позднейшие редакторы или составители их по слухам и воспоминаниям, а тех, какие Иоанн действительно произносил. За эти именно речи, как я пытался показать, и пришлось ему, вероятно, бежать из Антиохии, скитаться по Малой Азии и попасть, наконец, на остров Патмос, а его епископу Флавиану пришлось ехать или быть прямо привезённым в Константинополь для оправда-

ния перед императором.

«С поникшим челом, – говорит об этом событии его историк, – сошёл он в царские палаты, как бы сам виновный в мятеже антиохийском»[285], а император Феодосий даже «не позволил Флавиану остаться на праздник Пасхи в Царьграде», т. е., говоря прямым языком, выгнал его тотчас вон из столицы[286].

Подтверждением взгляда на антиохийское низвержение и императорских статуй в 387 году как на результаты проповедей Иоанна является и его поведение в настоящем случае, при аналогичном воздвижении статуи императрицы в Константинополе. Он сейчас же публично протестовал против этого монумента и произнёс с церковной кафедры громовую речь, не переданную нам верноподданныческими византийскими историками. Но все они говорят, что речь была одна из самых зажигательных[287], и весь город пришёл в волнение.

Когда Иоанн явился после этого с каким-то требованием (можете быть, для переговоров по поводу этой самой статуи)[288], императрица велела выгнать его из дворца, а Иоанн

в ответ запретил впускать её в свою базилику. Рассказ об этом последнем событии, превратившемся в легенду, настолько интересен, что я привожу его целиком, сохранив и самый легендарный характер изложения старинного летописца.

«Когда наступил праздник Воздвижения честного креста (14 сентября), и собрался весь народ в церкви, и пришёл в неё царь со своими вельможами, – подошла к церкви также и царица со своими придворными. Когда же увидела братия, что она идёт, затворила перед нею церковные двери, не давая ей войти внутрь... Все её слуги вопили: отворите госпоже царице! Но отвечала братия: патриарх (Иоанн) не велел её пускать! Она же исполнилась стыда и гнева и говорила, вопия (на улице): смотрите и поймите все, какое бесчестие творит мне этот гневливый человек! Все в церковь входят невозбранно, одной мне возбраняет! Неужели не могу я отомстить ему и согнать его с кафедры!»

«Пока она вопила таким образом, один из пришедших с нею (воинов) обнажил свой меч и простёр свою руку, желая ударить мечом в

дверь. И вдруг усохла его рука и была недвижима, как мёртвая. Видя же то, царица и все с нею сильно испугались и возвратились вспять»[289].

Легендарный характер рассказа и чудесная прибавка о руке галантного воина, желавшего пробить мечом дорогу для молодой императрицы, показывают только, как сильно было возбуждено народное воображение поступком Иоанна. Очевидно, что для такого поступка, как и для изгнания грозного пророка из дворца, должны были существовать не маловажные причины.

А между тем теологи дают лишь придуманный ими, или, вернее, прямо переписанный из Библии предлог. Они нам сообщают о «Феогностовой вдове», не хотевшей продать императрице свой виноградник[290] ни «за какие деньги» и не хотевшей обменять его на какой-либо другой, чем будто бы и вызвано было путешествие Иоанна с ходатайством к императриц и его изгнание из дворца.

Сопоставление важнейших событий в их логической последовательности (какова постановка статуи Евдоксии в июле или в авгу-

сте 403 года и недопущение Евдоксии в храм Иоанна на праздник Воздвижения креста 14 сентября) приводит к заключению, что всё это произошло именно из-за упомянутого монумента. Несмотря на все речи и уговоры Иоанна, статуя, по-видимому, не была снята (иначе историки не преминули бы упомянуть об этом).

И вот Иоанн, не принятый императрицей или прямо выгнанный ею вон, когда пришёл в последний раз увещать её, решил не пускать её в свою церковь, мотивируя это тем неопровержимым для него доводом, что, «если ты желаешь стоять на городской площади богиней, то зачем же идти ко мне в храм, зная, что я не признаю никаких богов, кроме одного небесного».

Но что же делал император, находившийся внутри храма со всей своей свитой, и слышавший оттуда, как его супруга «вопит» по другую сторону дверей? Византийские историки говорят, что он «молчал, как будто ничего не ведал», и это очень правдоподобно. Слабохарактерный и суеверный Аркадий боялся, как огня, и грозного пророка, и своей соб-

ственной супруги, которая, несмотря на свою молодость, держала его в ежовых рукавицах и задавала ему сильные головомойки за каждое непослушание. В этот ужасный для него момент столкновения двух его властей он, вероятно, желал лишь одного: убежать куда-нибудь в пустыню и скрыться там навеки, чтобы никогда не попадаться больше на глаза ни пророку, ни супруге.

Но ему не было суждено этого. Простояв в трепете до конца службы, он должен был возвратиться домой. Что там сделала с ним императрица, как она встретила его и как оправдывался он перед ней в своём поведении, — пусть это опишет какой-нибудь талантливый романист. Но результат этой семейной сцены был очень печален для Иоанна.

Император разослал ко всем епископам византийской церкви грамоты для созыва нового вселенского собора, чтобы судить Иоанна, и после этого ни разу не входил к нему в базилику.

И вот поехали опять в Константинополь все прежние епископы, кроме умершего Епифания и кроме Теофила, который в этот раз

благоразумно воздержался и послал вместо себя и полного собрания своих епископов только трёх из последних.

Все ожидаемые члены собора успели съехаться в Константинополь очень скоро после рождественских праздников, т. е. в начале 404 года[291]. Главными врагами Иоанна оказались теперь Леонтий, епископ анкирский, и известные нам по прежнему собору Акакий, Антиох и Севериан. А со стороны защитников Иоанна выдавался, говорят, престарелый Эпидий, епископ Лаодикии, т. е. того самого города, который Иоанн в «Откровении» считала одним из своих, но упрекал его за то, что он «ни холоден, ни горяч, а тёпл»[292].

Произошли сильные прения между врагами и сторонниками Иоанна на этом соборе. Но Иоанн объявил и его некомпетентным для себя и отказался придти для объяснений, вероятно, под тем предлогом, что большинство его членов состоят на содержании у государства.

После нескольких бурных совещаний нового собора (на который, заметим, тоже не явились представители западной церкви) бы-

ла вынесена резолюция. Она не налагала на Иоанна никакой новой вины, только признали большинством голосов, что первый собор над ним был настолько же правилен, как и все предыдущие вселенские соборы, и потому, как говорят, ему задали только один вопрос:

«Каким образом он, будучи низвержен, дерзнул снова взойти на кафедру[293] раньше другого собора, который снял бы с него отлучение?»

Иоанн же, по словам историков, ответил им:

«Я не был на том суде, не объяснялся с моими соперниками, не видел обвинений, взведённых на меня, и не получал приговора. Цари меня изгнали и те же цари снова возвратили».

Но собор не принял во внимание этого ответа Иоанна, и предал его анафеме[294], а Иоанн по-прежнему не обратил никакого внимания на своё отлучение и даже на постановление вместо себя в константинопольские епископы Арзаса. Он продолжал проповедывать и управлять своим патриархатом во гла-

ве оставшихся у него сорока или около того епископов, называвшихся **иоаннитами**, в отличие от «низвергнутых» ещё до сих пор оригенитов. Почти все жители столицы остались верными ему и теперь. В те храмы, в которых проповывали его соперники, никто не хотел идти из частной публики.

Так прошёл почти весь Великий пост[295], и приближалась Пасха 404 года, приходившаяся у николаитов в этом году на 17 апреля. Император Аркадий, по-видимому, ни разу не бывавший в церкви со времени недопущения в неё своей супруги, послал, по словам Палладия и некоторых других, к Иоанну, говоря ему:

«Уйди из церкви, потому что ты анафематизирован и мне нельзя войти в базилику, пока ты в ней».

Иоанн же будто бы предложил ему (если посмеет после прошлого землетрясения) изгнать себя вторично:

«Не уйду, пока не буду выгнан силой. Пошли своих, чтобы вышвырнули меня, и тогда я буду иметь извинением то, что ушёл из церкви не своей волей, а изгнан царской вла-

стью!»[296].

Но перспектива второго землетрясения, по-видимому, совсем не нравилась императору и императрице. Ходить же в пустые николаитские храмы, в то время как весь народ толпится у Иоанна и его пресвитеров иоаннитов, было, конечно, обидно для самолюбия.

Наконец, чтобы уладить дело, был придуман кем-то замечательно остроумный и вполне соответствующий наивным воззрениям того времени способ. Для того, чтобы бог не мог разрушить города землетрясением, не выпускать из него Иоанна, а держать под домашним арестом, в его обычном жилище, где ему пришлось бы тоже погибнуть под развалинами[297]. Этого бог, конечно, не допустит, так как в Библии рассказывается, что он не раз щадил целые города ради нескольких пребывавших в них праведников. А церкви, в которых ещё оставались верные Иоанну пресвитеры, надо просто отнять у них и передать священникам теперешнего официального епископа Арзаса. Совершенно так, по крайней мере, и было сделано.

В один прекрасный день к дверям помеще-

ния Иоанна был приставлен военный караул, которому и удалось не дать ему уйти из дома целых два месяца.

Но вот 17 апреля 404 г. наступила Пасха, и Иоанн не был в силах более терпеть. Он вырвался из своего дома[298] и начал обычную торжественную службу в храме св.Софии.

Перепуганная стража побежала доносить властям. Военные отряды разогнали молящихся с оружием в руках. Убив и переранив много народу, они снова овладели Иоанном и посадили его под домашний арест. Уцелевшие сторонники его побежали окончить службу в константинопольских банях.

Началось, как видит читатель, нечто вроде того, что было в Риме в первые века христианства. Отнятые церкви оставались пусты, а народ бежал молиться в бани к иоаннитам. Представители господствовавшей фракции византийского духовенства послали к ним военачальника Лукия с четырьмястами воинов из царской стражи. Он был нарочно выбран, как человек языческого вероисповедания, не боявшийся гнева христианского пророка.

Лукий явился в бани и приказал иоаннитам разойтись, но они не обратили на него никакого внимания. Взбешённый неповиновением, он прыгнул в главный водоём, где находились в это время крестимые неопиты, главным образом женщины и девушки, и начал разгонять их направо и налево ударами палки, а воины его тем временем разграбили их одежды, лежавшие около водоёма. Несколько человек были убиты и ранены, остальные, как мужчины, так и женщины, голыми выскочили вон из водоёма и разбежались кто куда мог[299].

На другой день множество новокрещённых иоаннитов скитались вне города без пристанища. Император Аркадий встретился с одной из этих толп и велел разогнать как еретиков.

Сам Иоанн находился всё это время под домашним арестом. Скоро пошли в народ слухи, что к нему уже два раза подсылали наёмных убийц, но оба покушения не удались благодаря случайности[300].

Граждане устроили добровольное дежурство около дома Иоанна, сменяя одни других.

Так прошло почти два месяца до праздника Пятидесятницы, и никаких губительных явлений в природе не произошло. Народ находился в выжидательном положении.

Почему же не вышло возмущения в пользу Иоанна? Даже и это понятно, если примем во внимание психологию древнего человека. Зачем помогать Иоанну, когда ему, в случае нужды, помогает сам бог? Ведь теперь конец мира отложен на неопределённо долгое время, а бог не накажет невинных за виновных, как это проповедывал и сам Иоанн. Населению столицы ввиду этого, вероятно, было даже любопытно посмотреть, как бог поразит ударом грома, с семью раскатами, императора с императрицей и всех их советников-никولاитов за сопротивление пророку. Да и сам Иоанн при его наивном мировоззрении, вероятно, думал, что бог защитит его в решительную минуту, как уже защитил при первом изгнании, и потому не заботился о том, чтоб искать активной поддержки среди сочувствовавших ему народных масс.

Вся эта тишина и в природе, и в людях ободрила врагов Иоанна на новый наступав-

тельный шаг. Почему бы, казалось им, не попробовать теперь отослать его куда-нибудь поблизости от города, так, чтобы в случае нужды сейчас же можно было возвратиться обратно, прежде чем произойдут серьезные бедствия? Все последующие действия против Иоанна показывают именно эту программу.

Как только миновало благополучно торжественное празднование Пятидесятницы[301], приходившейся, по правилам Никейского собора, на 6 июня 404 года[302], враги Иоанна увидели в этом новое доказательство невместительства божия, и начали уговаривать императора отправить его в Никею, близ восточного берега Мраморного моря, недалеко от Константинополя, но по другую сторону пролива.

Через пять дней император согласился, и за Иоанном был послан с воинами тот же самый военачальник Лукий, который разгонял его сторонников из бань. Испуганный возможностью отъезда Иоанна и нового землетрясения, народ готовился к сопротивлению и собрался в огромных массах у главного входа в его дом, где стоял приготовленный как

будто бы для него конь. А посланные за Иоанном, войдя в дом, стали между тем уговаривать его выйти с противоположной стороны, «чтоб не быть ему виновником большого кровопролития»[303].

Эти ли уговоры подействовали на Иоанна или просто он не был в силах сопротивляться своему тайному уводу? В церковном притворе он простился со своими верными епископами и пресвитерами, а в крестильной комнате[304] расстался со своими любимыми диакониссами, уже известной нам Олимпиадой и ещё тремя другими: Проклой, Пентадией и Сильвией, дочерью мавританского царя. Все они горько плакали, как плакал и он сам, прощаясь с ними.

Затем его увели через маленькую калитку, открывавшуюся к Босфору, посадили на небольшую лодку и привезли в Вифанию, т. е. область на противоположной, азиатской стороне Босфора, где находился город Никея.

А народ всё это время ждал его у противоположной стороны дома, где нарочно держали приведённого для него коня. Украденный шесть лет тому назад из Антиохии для от-

правления в Константинополь, Иоанн был теперь украден и из него.

Так и должно было случиться. Страшные апокалиптические годы прошли, паника миновала, и от непокладистого пророка, требовавшего со стороны служителей Христа отречения от всех земных благ, нужно было так или иначе отделаться...

Обманутый народ, ожидавший Иоанна с противоположной стороны дома, наконец догадался, в чём дело, и бросился во внутренность здания, разломав таранами ворота. Но было уже поздно. Здание было взято приступом у защищавших его солдат после кровопролитного боя, но помещение Иоанна оказалось пусто...

Старинные византийские авторы не могли, конечно, оставить и этого его вторичного изгнания без специального чуда и соответствующей легенды.

И вот, говорят они, «возгорелся огонь в его церкви от престола, не какой-либо человеческой виной, а от божьего гнева, и вдруг поднялся в высоту и разлился по всей церкви. А так как дул сильный ветер, то пламя вышло

из церкви и, идя высоко по воздуху, миновало рынки и опустилось, как мост, на дворец, в котором совершались советы, и сжёг его в конец. И можно было видеть ужасное чудо: огонь, как одушевлённый, ходил кругом в образе змея и поедал далёкие храмы. А те, которые были близ базилики Иоанна, остались целы, чтоб было всем известно, что не по случаю, но гневом Божиим сотворился тот пожар»[305].

Враги же Иоанна утверждали, что престол, на котором он служил, зажгла с отчаяния его диаконисса Олимпиада во время восстания, происшедшего в Константинополе после увоза из него Иоанна[306]. Префект столицы, рассматривавший дело, признал это обвинение правильным, и присудил её уплатить большой штраф из её имений.

После этого она уже не хотела или не могла оставаться в Константинополе и переселилась в Кизик, но и там её не оставили в покое. Через некоторое время её сослали в Никомидию, откуда она вела деятельную и нежную переписку с Иоанном, изгнанным уже на далёкие окраины империи.

В первое время после своего увоза Иоанн был оставлен под стражей в Никее, вблизи столицы, для того чтобы можно было сейчас же отправить его назад, если с городом случится какая-нибудь беда. Но и теперь не произошло ничего особенного в природе, а потому в середине лета, вероятно, в начал июля, его решились, наконец, отправить в отдалённую ссылку, в город Кукус в Малой Армении [307], постоянно опустошаемой набегами исавров.

Епископы государственной церкви не впускали его во время пути в свои города [308]. Но так как внутренность Малой Азии была в это время переполнена не только ортодоксальными, но и арианскими и другими сектантами, не признававшими господствовавшей церкви и имевшими кое-где тоже своих епископов, то время от времени Иоанну устраивались и сочувственные встречи. Так, при переход через Каппадокию и ущелья Тавра горное население приветствовало его с большим сочувствием. Женщины и дети плакали, выходя ему навстречу, и он сам был взволнован до слёз.

Наиболее враждебный приём был ему оказан николаитским духовенством в Кесарии. Местный епископ Фаретрий, рассерженный радушной встречей, оказанной жителями его города Иоанну (в том числе даже префектом с женой и многими из учёных), подговорил против него монахов, живших в окрестностях города, чтобы выгнали его вон. Они с криками столпились вокруг его дома, пользуясь отсутствием трибуна, который вывел войска против исавров[309], и заставили его удалиться.

«В знойный полдень принуждён был Иоанн оставить Кесарию, посреди народного плача, и в тёмную полночь бежать из прилегающего села, потому что разнеслась весть о нашествии исавров»[310].

Среди мрака и смятения носильщики опрокинули его носилки (так как по причине ревматизма он не мог более ехать на лошади), и он пешком продолжал путешествие через горы. Осенью 404 года, после семидесятидневного путешествия, Иоанн, наконец, достиг до места своего назначения, Кукуса в Малой Армении, и нашёл гостеприимство в до-

ме своего единомышленника, богатого гражданина Диоскора. Там же ожидали его «знаменитая родом» диаконисса Сабина и пресвитер Констанций из Финикии, очевидно, тоже сосланный сюда, да и сама Сабина едва ли добровольно удалилась в такое отдалённое и опасное место.

Как раз в это время, 6 октября 404 года, умерла императрица Евдоксия, которую ортодоксальные историки старались выставить главным его врагом. Но это нисколько не повлияло на его участь, потому что она была, как мы видим теперь, лишь подставным его врагом.

Первым делом Иоанна после его водворения на место было написать к своей любимой Олимпиаде[311], и переписка их продолжалась без перерыва настолько часто, насколько позволяла медленность тогдашней случайной почты. За два года своего пребывания в Кукусе Иоанн послал ей, как говорят, семнадцать писем, а это могло быть лишь в том случае, если каждый из них писал ответ немедленно по получении письма другого и отправил его с первой же представившейся

оказией, так как регулярной почты тогда не было.

Благодаря патриархальности старинной жизни, Иоанну лучше и свободнее жилось в своём изгнании, чем это было бы в настоящее время при аналогичном самодержавном строе. Ариане ещё господствовали в этой местности (особенно благодаря готам, расселённым для защиты восточных окраин при Феодосии). Епископ города, вероятно, тоже арианин, принял Иоанна очень радушно, и был даже готов допустить его проповедывать со своей кафедры, чего ни в каком случае не позволил бы николаит, так как Иоанн теперь был предан анафеме[312]. Но Иоанну было, вероятно, специально запрещено публично проповедывать, и он, как говорят, не мог воспользоваться этим предложением.

Его преследуемые сторонники в Малой Азии, Сирии и Египте всё ещё продолжали бороться с господствующей фракцией, хотя и безнадежно. Когда умер в Антиохии приютивший Иоанна в молодости, после его бегства из монастыря, оригенитский епископ Флавиан, народ хотел избрать на его место

иоаннита Констанция, бывшего пресвитером у Флавиана. Но те же самые, уже известные нам по деятельности двух соборов, враги Иоанна, епископы Акакий, Антиох и Севериан воспользовались днём, когда весь народ ушёл в гипподром на состязания[313] и сценические представления. Они тайно собрали своих сторонников, выбрали в антиохийские епископы николаита Порфирия, а сами затем бежали из города. На следующий день произошло столкновение народа с императорскими властями, поддерживавшими Порфирия, и граждане были усмирены военной силой. Но иоанниты и оригениты всё-таки не хотели иметь никаких сообщений с навязанным им епископом.

В других местах происходило то же самое. При временном объединении всех христианских фракций под знаменем нейтрального иоаннитства во время недолгого пребывания Иоанна во главе восточной церкви он назначил, между прочим, епископом над готами Улиаса, и они признали этого епископа, несмотря на своё арианство. Теперь же, после смерти Улиаса, происшедшей во время

ссылки Иоанна, готы снова возвратились к арианству, и история застаёт их такими даже в средние века.

Все слабые, малодушные и корыстные сторонники, примкнувшие к Иоанну во время его величия, теперь перебежали, как всегда, к господствующей фракции. В главном из семи городов, куда он адресовал девять лет тому назад своё знаменитое «Откровение», в Эфесе, шли гонения на его единомышленников и на их епископа Гераклида. Другой из его сторонников, епископ Меруфас, сочувствовавший ему некоторое время даже и в изгнании, передался на сторону врагов и объявил себя «николаитом», как только вышел специальный императорский указ, лишавший кафедр всех тех епископов, которые не хотели сообщаться с ортодоксальными епископами-патриархами: Арзасом в Константинополе, Теофилом в Александрии и Порфирием в Антиохи[314].

В этих тяжёлых обстоятельствах, когда Иоанну ничего не оставалось делать, как сидеть дома в своём изгнании и читать книгу Иова о безропотном терпении, он и сам, по-

видимому, потерял свою детскую веру в скорое пришествие Егошуа-Христа и водворение вместе с ним на Земле всеобщего равенства и братства среди бессмертных праведников, живущих на республиканских началах древней Греции.

Безнаказанное и несправедливое низвержение и ссылка в Кукус должны были показать ему, что и землетрясение после его первого изгнания могло быть случайным явлением, а не непосредственным вмешательством бога на защиту своего пророка.

Не этому ли настроению следует приписать и то, что, жестоко преследуемый восточной церковью, он обращался теперь за защитой уже не к одному богу, как делал раньше, а также и к неучаствовавшей в гонениях на него и на оригенистов западной церкви? Он просил, как говорят, папу Иннокентия вступить за себя и своих приверженцев в восточной империи. В этом обращении с его стороны не было тогда никакого внутреннего противоречия его религиозным убеждениям. Западная церковь не отрицала в то время оригенистов и не одобряла гонения их на Во-

стоке. Она не была, как восточная при императорах Феодосии и Аркадии, «николаитской» и даже не признавала чудотворца Николая за своего святого. Кроме того, вполне возможно, что именно в это самое время, под непосредственным впечатлением выхода «Откровения», западная церковь перестала подносить своей пастве «золотую чашу», о николаитском обращении с которой так непочтительно отзывался Иоанн в Апокалипсисе, хотя самый факт отмены мог быть официально зарегистрирован и значительно позднее. Западная церковь не признавала над собой власти византийского императора, так как после смерти Феодосия, в самый год выхода «Откровения», Византийско-Римская империя окончательно распалась на две независимые части. Кроме того, духовные властелины западной церкви – папы – никогда не становились в такие рабские отношения к императорской власти, как это было на Восток и особенно возмущало Иоанна.

Четыре иоаннитских епископа отвезли послание Иоанна в Рим, вместе с посланиями других верных ему епископов. Папа Иннокен-

тй, благосклонно принявший это послание, попытался письменно склонить восточную церковь и Аркадия на примирение с Иоанном и иоаннитами и созвать третий вселенский собор в Фессалониках для того, чтобы снова обсудить дело Иоанна.

Однако, несмотря на смерть императрицы Евдоксии, умершей через год после изгнания Иоанна и избранной древними теологами восточной церкви козой отпущения за их собственные дела, ничто не помогло. Подставная Иезабель, Иродиада и «великая проститутка», бывшая будто бы главной виновницей гибели Иоанна, исчезла со сцены тотчас по его прибытии в ссылку[315], а та действительная Иезабель, к которой относились все эти укоризненные эпитеты, ещё оставалась на Земле и продолжала по-прежнему «царствовать над земными царями». Папские послы не были даже допущены до византийского императора, но взяты под стражу тотчас по приезде и, после трудного обратного плавания по бурному морю, высажены на калабрийском берегу Италии. Приехавшие же с ними в составе посольства бывшие епископы Иоанна Кириак,

Евлисий, Димитриан и Палладий были схвачены, в противность всем правилам о посольствах, и разосланы в заточение в отдалённые пустыни востока, на границы Аравии, где кочевали дикие сарацины.

Самого Иоанна за эту новую попытку сопротивления николаитам было приказано перевести из Кукуса в армянскую крепость Арабиссу, чтобы помешать его сношениям с единомышленниками. Но и здесь это не удалось, благодаря патриархальности старинных нравов сравнительно с современными. Он по-прежнему переписывался с Олимпиадой и побуждал своими посланиями западных епископов Рима, Медюлана (Милана), Аквилен и Карфагена к созыву нового вселенского собора...

А император Аркадий, именем которого византийское духовенство сослало Иоанна, по-прежнему дрожал каждый день, ожидая землетрясения в наказание за удаление пророка, но ничего не решался сделать в его пользу из страха клерикальной партии... Он только написал жалобное послание синайскому отшельнику Нилу, прося его помолить-

ся о спасении города, но Нил, как говорят, ответил ему таким, чисто апокалиптическим, письмом:

«Как буду я молиться о городе, сокрушаемом гневом Божиим, непрестанно ожидающем громов его, я, снедаемый скорбью, волнуемый духом, терзаемый сердцем от избытка зол, преисполнивших Византию? Зачем поверил ты врагам Иоанна? Покайся!»[316].

Но всё это вызвало против Иоанна только большее ожесточение среди николаитов, не могших простить ему его прошлые обличения и унижения. Вместо возвращения Иоанна и беспристрастного разбирательства его дела, которое могло бы открыть их подлоги относительно «Откровения» и некоторых других книг, приписанных ими на соборе 403 года другому лицу, враги Иоанна летом 407 года уговорили императора сослать его ещё дальше, на негостеприимное и дикое в то время побережье Кавказа, в крепость Пифион (теперь Пицунда) в Абхазии. Три месяца везли больного Иоанна, со всевозможными лишениями, но ему уже не суждено было достигнуть до места своего назначения.

На пути он умер, около 14 сентября 407 года, на пятьдесят третьем году от рождения и был зарыт в землю своей стражей близ уединённого посёлка Команы.

VIII. Трудность понять судьбу Иоанна, не признав его автором Апокалипсиса

Читатель видит сам, что «Откровение в грозе и буре» настолько же нужно для понимания жизни Иоанна, насколько и сам он нужен для понимания некоторых мест «Откровения». И Апокалипсис, и жизнь Иоанна являются незаконченными, пока они в отдельности. Вся биография Иоанна без «Откровения» является какой-то сплошной фантасмагорией, где последующие события не вытекают из предыдущих, а одновременные не вяжутся между собою.

Действительно, чем был Иоанн Антиохийский? Сначала учёный язычник с блестящим по своему времени образованием и блестящими перспективами в будущем, затем пустынный аскет, раздавший всё своё имение

бедным и обратившийся к созерцанию невидимого мира и мистицизму, а после этого беглый монах, приютившийся в качестве проповедника у оригенитского епископа Флавиана, не признаваемого епископом официальной церковью.

Затем следуют: низвержение царских статуй в Антиохии и немедленная поздка его епископа Флавиана в Константинополь для каких-то оправданий, полный пробел фактов в жизни Иоанна после этого времени до 398 года и вдруг назначение этого оппозиционного и непризнанного проповедника на пост верховного константинопольского епископа, с титулом патриарха и неограниченным влиянием, как раз через два года после вычисленной нами даты составления Апокалипсиса, когда уже успело разойтись значительное количество копий с этой книги!

Потом мы видим: отчаянное сопротивление этому неожиданному возвышению как его самого, так и его антиохийских сторонников, – его похищение из Антиохии и привоз в Константинополь под стражей, чтобы не убежал, – его торжественную небывалую встречу

всеми сословиями столицы, – его отказ принять предлагаемое назначение до созвания к нему на собор остальных епископов Востока, – созыв этого собора и единогласное утверждение им Иоанна, – всеобщий порыв населения к его базилике в последние три года четвёртого века и его проповеди о беспредельном милосердии бога к раскаявшимся грешникам, со странной склонностью возвращаться при каждом удобном поводе к отменённым богом пророчествам.

Затем с первым перевалом в пятый век, когда фиаско апокалиптического пророчества стало явным, следуют одно за другим: бешеное гонение на оригенистов после какой-то его объяснительной поездки в Малую Азию, – назначение над ним суда и его «извержение» всеобщим собором за то, что оскорбил восточную церковь и какую-то Иезабель, тогда как шесть лет тому назад те же самые епископы насильно водворяли его у себя, – непомерно сильная паника во всём населении Константинополя при маленьком, безвредном землетрясении после его изгнания, немедленно приведённого в связь с этим землетрясени-

ем, – крики: весь город разрушится, если Иоанн не будете возвращён, – его новое торжественное водворение в противность «извергнувшему» его собору, – его проповеди о уничтожении выставленной на площади статуи императрицы, напоминающие о низвержении при нём же статуй всего императорского семейства в Антиохии, – ссора за это с императрицей и императором, – второй сборный суд над ним с вторичным «извержением» уже извергнутого из церкви, – необычные церемонии при его удалении из города по эшелонам: сначала домашний арест в самом городе, затем заточение по соседству со столицей в Никее, чтобы в случае опасности можно было вернуть его в Константинополь, и, наконец, (уже после смерти будто бы обиженной им императрицы Евдоксии), целый ряд всё более и более отдалённых ссылок, вплоть до самой смерти на пути из одного места изгнания в другое ещё худшее. Что это, скажите, как не фантазмагория, если мы не будем считать его автором Апокалипсиса?

Но вставьте в хронологическом ряду этих бессвязных по внешности событий «Открове-

ние в грозе и буре», как произведение, написанное им осенью 395 года, и весь этот кошмар сразу обращается в непрерывный ряд фактов, логически и хронологически вытекающих один из другого, и вся личность Иоанна, как автора «Откровения», встаёт перед нами в совершенно новом и самом ярком свете.

Нам остаётся теперь только рассмотреть вопрос, каким образом и когда «Откровение» было приписано другому времени и лицу, и каким образом сам автор, «изверженный» двумя всеобщими соборами восточной церкви, попал потом в её собственные святыне?

Односторонние, тенденциозные и неполные материалы, находящиеся в нашем распоряжении, позволяют мне отвечать на первый вопрос только с оговоркой. Подлог, конечно, мог быть сделан тысячами разнообразных способов. Но пока какие-либо новые факты не покажут противного, мы можем остановиться только на одном способе, на который мы находим косвенные указания в имеющихся у нас материалах. Вот эти указания.

В Ватикане, в Риме, находится коллекция средневековых книг в латинском переводе,

называемая *Versio Vulgata*. Начало ей, как говорят, было положено папой Дамазом (Damasus), поручившим в 382 году монаху Иерониму перевести на латинский язык все существовавшие тогда священные книги евреев, а также и все произведения проповедников Иисуса-Егошуа, какие тогда имелись или можно было разыскать. Но не следует забывать, что Библия в то время ещё не представляла законченного целого, а была простой коллекцией отдельных книг, приписываемых различным еврейским и христианским пророкам и учителям, признанным по тем или иным причинам боговдохновенными, и потому мы не можем сказать, какие книги были в ней в V веке.

Кто же был этот их переводчик Иероним? – Тот самый Иероним Блаженный, с которым мы уже не раз встречались здесь. Это был известный христианский писатель и ревностный коллектор манускриптов. Он родился в Риме около 340 года, а затем переселился в 379 году, вероятно, тоже с коллекторскими и историографическими целями, в Сирийскую Антиохию, где жил в то время и Иоанн.

Но только Иоанн (который был на 14 лет моложе его, а следовательно, должен был казаться ему «некомпетентным» в литературе) поступил после 381 года пресвитером к непризнанному господствующей церковью оригениту Флавиану, а Иероним, наоборот, пресвитером (с 379 года) к соперничавшему с Флавианом официальному епископу Павлину. Таким образом, Иероним был противником Иоанна по религиозной фракции и соперником его в качестве христианского писателя.

Над переводом Библии (а, вероятно, и над разысканием и внесением в ватиканскую коллекцию всяких новых посланий, пророчеств и книг, какие можно было приписать в то время апостолам Христа и пророкам древности) Иероним трудился очень долго, вероятно до конца своей жизни, т. е. до 30 сентября 420 года. Таким образом, как утверждают, и произошла *Vulgata*, хотя необходимо заметить, что коллекция эта постоянно редактировалась заново, вплоть до 1546 года, и не раз пополнялась новыми книгами даже и в средние века.

Когда астрологическое предсказание Иоанна потерпело полное фиаско и Теофил начал соборно проклинать и избивать у себя оригенистов, к нему присоединился, как мы уже знаем, также и Иероним, который (вместе с кипрским епископом Епифанием) стал стремительно изобличать оригенистов и Иоанна. Поэтому было бы странно даже предположить, чтобы при всей своей враждебности к Иоанну и личных счётах с ним в Антиохии, Иероним не участвовал также и в двух соборах, осудивших Иоанна, хотя в имеющихся у меня документах и нет ничего об этом, кроме косвенных намёков.

Но как бы ни было, мы уже знаем, что одно из обвинений против Иоанна на этих соборах заключалось в том, что он будто бы похитил какую-то церковную собственность, и я показал в своём месте, что речь здесь могла быть никак не о золоте или серебре, а только о похищении Иоанном старинных рукописей из того самого монастыря, откуда он после 1-го константинопольского собора «тайно» убежал неизвестно куда.

Понятно, что для принципиального про-

тивника и личного соперника Иоанна на литературной почве, каким был Иероним, признание Иоанна не автором, а похитителем и присвоителем таких замечательных книг, как «Откровение», имело двойную ценность. Во-первых, это унижало серьёзного соперника и делало Иеронима первым, а не вторым писателем своего времени, а во-вторых, оно давало ему, как усердному коллектору старинных христианских книг, возможность пополнить свою библию Вульгату новыми книгами, отдав важнейшие сочинения Иоанна одному из легендарных апостолов. Вместе с тем (и это ещё третий важный довод) оно совершенно снимало с господствовавшей тогда фракции византийского духовенства, к которой принадлежал Иероним, все обвинения, выставленные против неё в «Откровении», так как относило эту книгу совершенно к другому времени и другим врагам и делало её даже орудием устрашения противников в руках самой фракции Иеронима.

Когда говорят дурное на врага, этому легко и охотно верят даже и в настоящее, более гуманное и объективное время, а не только в

грубую старину, когда всякого личного или партийного противника непременно представляли извергом человеческого рода и отказывались наотрез признать в нём хоть одну хорошую черту. Что же удивительного в том, что если, получив решение собора, обвинившего Иоанна, и признав его рукописи за похищенные и присвоенные им произведения непосредственного ученика Иисуса, Иероним немедленно принялся за их перевод на латинский язык и послал затем торжественно в Ватикан для пополнения своей Вульгаты ещё при жизни Иоанна[317].

Иоанн и его приверженцы были поставлены этим, конечно, в самое нелепое положение. Подумайте только: им приходилось оспаривать авторство ни у кого другого, как у любимейшего из учеников Христа, у того самого, который лежал на его груди во время тайной вечери! Но сделать это было бы святотатством в глазах каждого из тогдашних христиан, не бывших очевидцами того, как Иоанн собственноручно писал эти книги. Литературной критики произведений по слогу и содержанию тогда ещё не было и в помине. Да и

кто же из этих Теофилов, сжигающих александрийские библиотеки, или остальных тогдашних писателей, повсюду старавшихся истреблять, а не опровергать книги своих противников, решил бы разыгрывать тогда Бауера, Штрауса или других ещё более радикальных исследователей современной рационалистической школы?

Вот почему, может быть, и сами сторонники Иоанна скоро после его смерти бросили всякие такие попытки и удовольствовались примирительной легендой, которую мы уже привели в начале биографии Иоанна, – легендой о том, как любимый из учеников Христа, апостол Иоанн, передал этому позднему Иоанну в антиохийском монастыре «свиток с божественным Апокалипсисом», для того чтобы он узнал из него и поведал людям всю глубину премудрости. Легенда эта как бы говорит: автором этой книги был, конечно, любимейший из учеников Христа – кто осмелится в этом усомниться! – но и наш Иоанн не обманщик: он лично и таинственным образом получил всё это от первого Иоанна, во время своего пребывания в малоазиатском мона-

стырь, а никак не украл оттуда при своём побеге!

В этот же период борьбы с Иоанном за авторство его книг были, вероятно, сфабрикованы и те несколько указаний на «Откровение» от имени писателей II и III веков, которыми Теофил и его бесцеремонные помощники на соборе поддерживали, можно думать, своё обвинение[318]. Для старинных легковерных и невежественных епископов и пресвитеров, неспособных отличить свежеприготовленного папируса от лежавшего сто или двести лет и желающих во что бы то ни стало обвинить Иоанна, каждый такой документ являлся несомненной его уликой.

Таким путём, вероятно, и был Иоанн ещё при своей жизни лишён на Константинопольском соборе 403 года права авторства на свои собственные книги.

Затем прошли годы. Замечательная личность Иоанна, его слава как вдохновенного проповедника, которой никто не мог у него отнять, его трагическая судьба и смерть на пути из одного места ссылки в другое, худшее, должны были окружить его ореолом в

глазах всех христианских фракций, не принадлежавших к господствовавшей тогда в Византии николаитской церкви. На Западе он вскоре признан был святым неучаствовавшей в гонениях на него римскою церковью. Все фракции, кроме николаитской, уже давно считали его таким. И вот через тридцать лет после его смерти с ним случилось то же, что и со многими другими пророками древности, гонимыми при жизни. Сама его «великая продажница, Иезабель и Иродиада», чувствуя неудобство бороться с ним после его смерти, вдруг объявила свои собственные соборы над ним не имеющими никакого значения.

Обезвредив его для себя отнятием важнейших сочинений и утверждением, что в своих речах он боролся вовсе не с ней, а с давно умершей императрицей Евдоксией, она неожиданно причислила его в средин V века к числу своих собственных «святых». Взамен отнятых сочинений ему приписали ряд других, от многих из которых он, вероятно, пришёл бы в ужас. Как под легендарным именем поэта Гомера собирались в древности всевозможные героические поэмы, образуя «Или-

ду», «Одиссею» и даже «Войну мышей и лягушек», так и под именем Иоанна стали коллектироваться в средние века, кроме его действительных произведений, ещё различные речи византийских ораторов, имена которых затерялись. И вышло, неожиданным образом, как будто сам Иоанн произнёс целый ряд толкований на некоторые из своих собственных сочинений.

Финалом же всей этой эпопеи взаимных подлогов, ссор, искажений и непримиримых противоречий, подобной которой, можете быть, ещё не было в истории, явился через полтора ста лет (553 г.) новый константинопольский собор. Он предал анафеме Оригена и его книги, а его последователей, Иоанна и Олимпиаду, так и оставил в числе своих святых. Написанный под его влиянием Юстинианов кодекс (565 г.) приравнял всех астрологов к отравителям.

Приложения

Приложение I

Проверочные вычисления пулковских астрономов М. М. Каменекого и И. М. Ляпина

I

(Из писем Н. М. Ляпина)

Не теряя ни минуты времени, спешу сообщить Вам вычисленные нами для проверки Ваших выводов положения Меркурия, Венеры, Марса и Солнца. Вычисления велись Каменским и мной совершенно независимо по таблицам Леверрье. Надо заметить, что при вычислениях мы не принимали во внимание планетных возмущений и неравенств долгого периода, усчитав лишь всюду вековые возмущения. Мы получили следующие системы элементов (для равноденствия 395.0 года):

	Истинная долгота	Долгота перигелия	Долгота восузла	Наклонение	Радиус вектор
Меркурий	298° 1' 4	52° 36' 0	29° 22' 6	6° 58' 8	0,40530
Венера	285° 44' 7	109° 7' 5	62° 8' 0	3° 22' 25"	0,72886
Марс	9° 52' 32"	306° 36' 6	36° 57' 8	1° 51' 58"	1,45090
Солнце	187° 29' 6	255° 32' 4	-	-	0,99323

На основами этих элементов мы получили следующие гелиоцентрические долготы и широты для 30 сентября 395 года от среднего парижского времени (равноденствие 395.0 г.):

	Долготы	Широты
Меркурий	211°20'	- 3°1'
Венера	226°31'	- 1°29'
Марс	15°3'	- 2°40'
Солнце	187°30'	0°0'

Для того, чтобы нанести положения этих планет на современную звёздную карту, я привёл долготы и широты к среднему равноденствию 1905 года и превратил их в прямые восхождения и склонения:

	Прям. восх.	Склонения
Меркурий	229°3' = 15 h 16 m 2	-21°27'
Венера	245°26' = 16 h 21 m 7	-23°13'
Марс	32°52' = 2 h 11 m 5	+5°56'
Солнце	208°	0

Отсюда видно, что Меркурий действительно находился в созвездии Весов, Венера в ноге Змееносца, а Марс под Персеем, в Овне.

Здесь мы даём положения с точностью до минуты, хотя точность наблюдений того времени и не могла быть более десятой доли градуса. Такой точности наблюдения достигают, между прочим, у Гиппарха.

[^^^]

II

Вычисления положений Юпитера и Сатурна не так просты, как для прочих планет. Дело в том, что здесь приходится считаться не только с вековыми возмущениями, но и с периодическими, и с возмущениями долгого периода (большое неравенство Юпитера и Сатурна), которые достигают за такой долгий промежуток времени значительной величины и сильно влияют на элементы, главным образом на истинную долготу в орбите и на долготу перигелия. Так, например, вследствие неравенства долгого периода долгота Сатурна увеличивается на $52'$, а долгота перигелия уменьшается на 2° . Величины очень значительные, которыми нельзя никоим образом пренебрегать. Таким образом мы принимали во внимание: 1) вековые возмущения, 2) неравенства долгого периода и 3) периодические возмущения (наиболее крупные члены, пренебрегая мелкими).

Как и прежде, вычисления велись нами со-

вершено независимо, что давало нам возможность контролировать друг друга. Мы получили следующие системы элементов:

	Юпитер	Сатурн
Истинная долгота	280°22'9"	223°24'8"
Угол эксцентриситета	9256"	12050"
Большая полуось	5,20244	9,53808
Долгота перигелия 395 г.	349°7' 5"	59°43'3"
Наклонность 395 г.	1°23'42"9"	2°32'51"6"
Долгота узла 395 г.	84°21'1"	99°39'3"

На основании этих элементов мы получили следующие геоцентрические долготы и широты Юпитера и Сатурна для 30 сентября 395 г. 0 h среднего парижского времени:

	Долгота	Широта
Юпитер	269°17'	-0°23'
Сатурн	221°58'	+1°55'

Чтобы нанести эти положения на современную звёздную карту, я отнёс их к эклиптике 1905 года, приставив к ним поправку прецессии за 1510 лет (по долготе 21°0' и по широте -11'), и превратил полученные долготы и широты в прямые восхождения и склонения (эклиптика 1905.0 года).

	Прямые восход.	Склонения
Юпитер	292° 2' = 19 h 28 m 1	-22°29'
Сатурн	241°17' = 16 h 5 m 1	-19° 4'

(Отсюда видно, что Юпитер был действи-

тельно в Стрельце, а Сатурн в Скорпионе.)

Пулково, 3 июня 1906 г.

Преданный Вам
Николай Ляпин.

[^^^]

[^^^]

Приложение II

Ньютон об Апокалипсисе

(Приложение ко 2-му изданию)
(Isaaci Newtoni Opera quae estant omnia. Commentariis illustrabat Samuel Horsley. T. V. Londini, 1785. На английском языке. Библиотека Пулковской обсерватории.)

Когда осенью 1905 г. – я вышел из Шлиссельбургской крепости и успел немного ориентироваться в окружающей меня новой жизни, одно из первых моих предприятий было разыскать комментарий Ньютона к Апокалипсису. Великий астроном, казалось мне, не мог не заметить, что апокалиптические звери суть не что иное, как созвездия так хорошо знакомого ему неба.

Получив, наконец, эту книгу сразу в двух экземплярах – один на английском языке из библиотеки Пулковской обсерватории, а другой на латинском в подарок от Л. Ф. Пантелева, я тотчас же принялся за их чтение. Но, к моему глубокому огорчению, Ньютон ни еди-

ным словом не дал понять, что ему известно совпадение апокалиптических зверей с созвездиями неба.

Конечно, в его время ещё нельзя было точно определить положения Меркурия, Венеры и Марса за полторы тысячи лет назад, а потому и вычислить время Апокалипсиса во всех подробностях, но всё же он должен был догадаться, что это книга астрологическая. Может быть, как человек глубоко религиозный, он боялся такой мысли? Это предположение невольно приходило мне в голову, читая его мистическое толкование.

В своём вступлении[319] он говорит, что ложные апокалипсисы Петра, Павла, Фомы, Стефана и Керинфа были написаны в подражание истинному, и упоминает, что в конце IV века в Греции многие сомневались в достоверности самой книги (мы уже видели, что всё это было в начале V века). Затем он сразу переходит к тому положению, что толковать скрытое самим богом было бы безумием.

«Безумие истолкователей, – говорит он, – состояло в том, что они хотели предсказывать сроки и события, как если бы бог уполномо-

чил их быть пророками. Этой необдуманностью они не только осрамили себя, но и вызвали презрение к самому пророчеству. Наме- рение бога было совсем другое. Он дал это пророчество, как и пророчества Старого завета, не для того, чтобы удовлетворить челове- ческое любопытство, позволив людям знать события заранее, но для того, чтобы после ис- полнения они были истолкованы самими фактами, и собственное предвидение бога, а не предвидение истолкователей, сделалось явным миру».

(The folly of interpreters hath been to fortell times and things by this prophecy, as if God designed to make them prophets. By this rashness they have not only exposed themselves, but braught the prophecy also into contempt. The design of God was much otherwise. He gave this, and the prophecies not to gratify mens' curiosities by enabling them to forknow things, but that after they were fulfilled, they might be interpreted by the event, and his own providence, not the interpreters be then manifested therby to the world. Idem p. 449.)

Понятно, что для самого гениального чело-

века, подходящего к Апокалипсису с этой предвзятой мыслью, всё в нём должно было представляться тёмно и непонятно, и самые естественные сближения должны были казаться подозрительными и опасными.

«Будущее оправдает Апокалипсис, – говорит Ньютон далее, – а до тех пор удовольствуемся истолкованием того, что уже исполнилось (the event vill prove the Apocalips... till then we must content ourselves interpreting what hath been already fulfild, p. 449)».

Таким образом, совершенно оставляя в стороне всякие астрономические и астрологические сопоставления, Ньютон сразу бросается в мистику.

С этого момента всё у него пошло, так сказать, кувыркком, как и у всех теологов. «Стеклянное море перед Троном неба» стало представляться ему не небесным сводом, а «медным полом между дверью иудейского храма и алтарём»: четыре животные «полные глаз внутри и около» – не созвездиями четырёх времён года, полными вечно мерцающих звёзд, а «серафимами, которые явились Ис-айи (в главе 4 его пророчества) в видении, по-

добном апокалиптическому» и т. д., и т. д.

Переходя к исторической части, Ньютон делается боле проницательным.

«Греческая империя по эту сторону Евфрата, – говорит он, – представлена (у Даниила) леопардом и козлом, а Латинская империя по эту сторону от Греции представлена (в Апокалипсисе) зверем с семью рогами...» «В последнем разделении империи между сыновьями Феодосия (395 г.) Дракон, – продолжает Ньютон, – дал этому зверю свою силу, и трон и великую власть» (р. 467).

Таким образом великий астроном совершенно верно подошёл как раз к 395 году, когда был действительно и написан Апокалипсис.

«Второй (двурогий зверь, священнодействующий перед зверем-империей), – говорит он далее, и тоже совершенно верно, – была православная церковь Греческой империи (the second beast which rose up out of the earth, was the church of the greek empire: for it had two horns like those of the Lamb, р. 467)».

«Её знак, продолжаете он, был + + + (а в другом месте просто один крест), её имя ла-

тинская и число имени её 666 (and his (beasts) mark is + + +, and his name LATEINOS, and the number of his name 666. Page 468)».

Слова же Апокалипсиса: «ты прав, властелин: они пролили кровь невинных и провозвестников твоих и ты дал им пить кровь», Ньютон совершенно справедливо относит к нетерпимым эдиктам византийских императоров конца IV вка, из которых он приводит между прочим эдикт императоров Аркадия и Гонория против несогласных с государственной церковью[320].

Таким образом всё, в чём Ньютон видел исполнение пророчества, совершилось на самом деле до его действительного возникновения на Патмосе. Всё, что было после того, как и следовало ожидать, не оправдалось. В конце своей заметки Ньютон посвящает этим последующим событиям вплоть до 1092 г. только 4 страницы и находит в них, путём натяжек, некоторые пункты согласия с разными выражениями Апокалипсиса. Но его попытки становятся здесь настолько искусственными, что приводить их было бы уместно лишь в том случае, если бы мы захотели убедиться,

как теологические предрассудки способны сбить с правильной дороги самые светлые умы.

Вот, к сожалению, всё, что я нашёл существенного в толковании великого астронома на Апокалипсис. Мистицизм совершенно закрыл своей тёмной пеленой его обычно проныцательные глаза и не дозволил ему разъяснить людям прекрасные, поэтические описания звёздного неба, рассыпанные по всей замечательной книге Иоанна.

[^^^]

Приложение III. Старинные книги, подложность или анахронизм которых обнаруживается астрономическим определением появления Апокалипсиса

После того, как появилось первое издание моей книги, двумя или тремя из её критиков было употреблено выражение, будто я не знал о том, что некоторые документы, где цитируется Апокалипсис, относятся теологами к первым *трём* векам христианской эры, т. е. предшествуют вычисленному мною времени. Это выражение не верно. Ещё во время заключения в Шлиссельбургской крепости я знал всё это из теологических «экзегетик», имевшихся в нашей библиотеке в непропорционально большом количестве. Я даже, как может убедиться сам читатель, упоминал об этом в различных местах V части «Откровения в грозе и буре», а в конце книги даже построил гипоте-

зу относительно того, как могли произойти такие исторические недоразумения и подлоги. Всё это осталось без изменений и в этом 2-м издании.

Дело было совершенно иначе, чем думали мои оппоненты. Убедившись в справедливости своего вычисления и прочности его астрономического фундамента[321], я сразу понял, что чем более мне удаётся обнаружить своим исследованием подложных документов, загромаждающих истину в истории эволюции идей и религиозных верований первых веков нашей эры, тем больше научной ценности будет иметь моя книга.

И я пытался много раз по выходе на свободу проследить документально, как далеко простираются в глубь веков корни этих предрассудков, но почти везде я натыкался на одну и ту же непроницаемую стену – XVI и XVII века, далее которых ничего не мог рассмотреть... Почти все латинские и греческие документы, на которых новейшие теологи основали принадлежность нашего библейского Апокалипсиса первым трём векам, оказывались (когда я их разыскивал в петербургской Пуб-

личной библиотеке или в других специальных книгохранилищах) имеющимися лишь в изданиях XVI и XVII веков, т. е. в виде книг, вышедших через *полторы тысячи* лет после смерти их авторов, и без указания, где находятся манускрипты, с которых производилось печатанье, а также кем и когда они были переведены и переписаны с неизвестных в настоящее время подлинников.

Появление первого издания моей книги заставило некоторых исследователей заново перерыть исторические архивы, главным образом с целью возражения мне, но, как я и ожидал, никаких веских возражений не оказалось. За непроницаемую стену XVI и XVII веков и им почти ни разу не удалось пока проникнуть в смысле документальности... А я первоначально рассчитывал обнаружить своим исследованием подложность многих документов по крайней мере VII или VIII века!
[322]

Конечно, время выхода первого издания моей книги было лишь пять месяцев тому назад, и многого нельзя было сделать в этот срок. Всё интересное, что я получил до сих

пор, заключается главным образом в поисках Б. Ф. Павлова, разыскавшего целый ряд интересных цитат из старинных изданий. Привожу их почти целиком. I

В сочинениях, приписываемых Тертуллиану, жившему в 3 веке (?) по латинскому изданию 1664 г.[323] находится фраза:

«Имеем и Иоанна *вскормленные церкви*, ибо хотя Марцион отвергал его Откровение, однако ряд епископов, рассмотревший дело до начала, постановил автора в Иоанне (Habemus et Ioannis alumnos ecclesias. Nam etsi Apocalipsim eius Marcion respuit, ordo tamen episcoporum ad originem recensum in Ioannem stabit auctorem)».

Уже самое безграмотное выражение этой фразы «вскормленные церкви» показывает, что она должна принадлежать перу средневековых переписчиков. Действительно, в предисловии и сказано, что сочинение это взято из рукописи, приписываемой Агобарду, архиепископу лионскому, жившему в 9 веке (ex codice antiquissimo Agobardi), но где эта рукопись, не указано. Притом же здесь нельзя даже сказать, о каком Апокалипсисе идёт дело:

о нашем библейском или каком-нибудь другом, приписывавшемся в древности Иоанну.

Зато в другом сочинении, приписанном Тертулиану, «Liber de resurrectione» («Книга о воскресении мёртвых», в известной коллекции Migne'я, без указания источников), находится почти полное изложение предсказания нашего современного Апокалипсиса. Таким образом, вся эта книга должна быть в настоящее время признана подложной, вышедшей не ранее 5 века.

[^^^]

В сочинениях, приписываемых Клименту Александрийскому (2 или 3 век?), в латинском издании 1688 года[324] находятся две фразы:

Первая в книге Педагог[325]:

«Властелина, употреблявшего такие одежды, видел в видении, – говорит Откровение: видел души тех, кто были свидетелями под Жертвенником и даны каждой белые одежды (Tali vesti utentem Dominum in visionem vidisse, dicit Apocalipsis: vidi animas eorum qui testes fuerant, – sub Altari et data est unicuique vestis Candida)».

Это место представляет несомненно цитату из нашего библейского Апокалипсиса и потому не может быть написано ранее, чем в 5 веке.

Второе место находится в книге Stromatum [326] в таком виде:

«Но помимо надежды обещанной почести сказано: вот властелин, и награда его перед его лицом, чтоб воздать каждому по делам его, чего глаз не видел, и ухо не слышало, и в

сердце человека не входило, приготовил бог тем, кто его почитает (Ecce Dominus et merces eius a facie ejus ut reddat unicuique secundum opera sua, quae oculus non vidit et auris non audivit et in cor hominis non ascenderunt, quae praeparabit Deus iis qui ipsum diligunt)».

Это место ровно ничего не говорит ни уму, ни сердцу. Фраза в начале этой цитаты «воздать каждому по делам его» действительно употреблена и в Апокалипсисе (22,12), но она такая обычная у христианских писателей, что в обеих книгах могла быть употреблена совершенно независимо. Указание же (Арос. 22, 12) сделано на полях книги уже самим её издателем Daniel'ем Gensius'ом. В предыдущем гейдельбергском издании 1592 г. никаких указаний на Апокалипсис нет.

[^^^]

В сочинениях, приписываемых Юстину Философу[327], в парижском издании 1742 года есть такое место:

«Сюда же присоединяется, что у нас муж, именем Иоанн, один из апостолов Христа, в откровении, сделанном ему, предсказал, что верующие в нашего Христа будут жить тысячу лет, а после того будет всеобщее, словом сказать, вечное воскресение всех вместе, а потом суд (*Huc accedit quod vir apud nos nomine Ioannes, unus ex Christi Apostolis in Revelatione ipsi facta, mille annos Ierosolimis traducturos praedixit eos, qui Christum nostro credide rint, ac postea generalem, et, ut verbo dicam, aeternam unanimiter simul omnium resurrectionis et indicium futurum*)».

Это, насколько мне известно, единственная фраза, которой снабдил Юстина средневековый редактор (или даже составитель) его сочинения. Приведена же она исключительно для доказательства уже господствовавшей в средние века идеи о тысячелетнем господстве Иисуса на Земле. Апокалиптическое про-

исхождение её несомненно.

[^^^]

IV

В сочинении «Пять книг против ересей», приписываемом Иринею Лионскому, жившему, как думают, во 2-м веке, имеется в V книге много толкований на наш библейский Апокалипсис. Там в главе 23 неизвестный автор говорит между прочим, что число 666 предвещает кончину мира в 6000 году (!?) от «сотворения мира» (т. е. в 2239 по Р.Х.), если считать по еврейскому способу, что Егюшуа-Христос родился через 3761 год от этого замечательного дела. Затем в главе 30 приводится и вычисление «имени зверя», которому, по розыскам автора, удовлетворяют кроме имени ????????? (латинский) ещё два слова: ????????? (хорошо посвящённый) и ????????? (тейтан) (тейтан). Это первое из приведённых до сих пор сочинений, где ссылки на наш библейский Апокалипсис обильны и никак не могут быть объяснены вставками средневековых корректоров и дополнителей. Но и здесь меня уже опередил Гарнак, который доказал историко-лингвистическими соображениями, что эта книга подложна и написана *«не ранее начала*

V века».

[^^^]

V

В сочинениях, приписываемых Сульпицию Северу, умершему в 421 году и действительно знавшему не только о существовании Апокалипсиса, но и о спорах относительно его автора, находится в книге «Священная История» [328] следующее место:

«Тем временем Иоанна, апостола и евангелиста, сослал на остров Патмос, где тот, по открытии ему скрытых тайн, написал и выпустил святую книгу Апокалипсис, которая однако многими, по глупости или нечестию, не принимается (Quo tempore Ioannem, apostolum utque Evangelistum, in Pathmum insulam relegavit, ubi ille arcanis sibi misteriis relevatis librum sacrae Apocalypsis, – qui quidem a plerisque aut stulte aut impie non recipitur, – conscriptum edidit)».

Последние строки этой цитаты указывают на споры об авторе Апокалипсиса в 20-х годах 5-го века и этим подтверждают мои соображения о том, что Иоанн Хризостом был лишён авторских прав на эту книгу ещё при своей жизни в самом начале 5-го века. Для Сульпи-

ция, как сторонника государственной церкви в Византии, все, кто не признал решения собора, осудившего Иоанна и приписавшего Апокалипсис легендарному ученику Христа, должны были действительно представляться или глупцами или нечестивцами. Так он и написал в своей книге.

[^^^]

VI

Среди тысячи бесед и множества других сочинений, приписываемых Оригену (185—254 гг.), значительная часть которых уже признана историками подложными, находятся несколько упоминаний об Апокалипсисе. Из них я привожу лишь два образчика по латино-греческому изданию Migne'я: «Полный курс науки о святых отцах»[329] 1858 года.

В сочинении «Гомилии на книгу Иисуса Навина (§ 412)» приведена средневековым редактором или составителем такая фраза: «Ничем не менее прибавила к этому и труба Иоанна, звучащая в его письмах и Апокалипсисе, а также и Лука, описывающий деяния апостолов».

В комментариях на евангелие Матвея (Migne, t. 13, § 720) приписана Оригену целая фраза из первой главы Апокалипсиса в таком виде:

«Сам Иоанн сказал в Апокалипсисе собственными словами: „Я, Иоанн, ваш брат и участник в скорби и царстве и терпеливом

ожидании Иисуса, был на острове, называемом Патмос, со словом Божиим и т. д. (Ioannes ipse tradit in Apocalipsi his verbis: ego Ioannes fra-ter vester et particeps in tribulatione et regno et patientia in Jesu fui in insula, quae appellatur Patmos, propter verbum Dei etc.; et in insula quidem divinitas ipsi nunciata videtur Apocalypsis)“».

И, наконец, в 14 томе библиотеки Migne'я помещены целые 32 книги подложных комментариев Оригена на апостола Иоанна (Commentariorum in Ioannem), где очень много совершенно точных цитат из Апокалипсиса. Уже и прежде сочинения эти казались сомнительными историкам, теперь их безусловно приходится считать подложными.

[^^^]

VII

В сочинении «Апокалиптические этюды», приписываемом епископу Викторину (умершему, как думают, в 393 г., т. е. за два года до действительного появления Апокалипсиса), по болонскому изданию 1558 года[330], сделанному с рукописи, найденной тогда в Monte Casino, находится целый ряд толкований на Апокалипсис.

Здесь при разборе главы 12 Апокалипсиса средневековый автор рабски следует разобранному нами выше Иринею, подложность которого уже и ранее меня была обнаружена Гарнаком. Неизвестный средневековый Викторин принимает, что имя тейтан наиболее достоверное имя антихриста из всех приводимых Иринею, а затем приводит ещё и свои допущения: он находит, что тому же числу удовлетворяете ещё (несуществующее) греческое слово ??????? (антемос) и, кроме того, – латинское diclux (!!), если написать его заглавными буквами DICLVX и принять эти буквы за латинские цифры.

D=500

I= 1

C =100

L= 50

V= 5

X= 10

Сумма = 666

Затем он утверждает, что то же самое страшное число даёт и готское слово *euvoiqrioxos*, если с ним проделать аналогичную операцию, вероятно, по готской азбуке.

Вся эта средневековая схоластика, пущенная во весь карьер, уже и без моих вычислений времени Апокалипсиса могла бы показать подложность сочинений епископа Викторина и принадлежность их какому-либо однокимённому монаху средних веков.

Этими немногими образчиками древних упоминаний об Апокалипсисе я и ограничусь в настоящее время, предоставляя моим оппонентам разобрать ценность остальных. Подложность многих из них уже была указываема и до меня. Так, трудолюбивый коллектор Migne в 218 томе своей коллекции древнехристианских писателей относит к «сомнительным» сочинения Тертулиана против Марцио-

на, а также комментарии на Апокалипсис Амвросия (умершего в 397 году) и Аврелия Августина (умершего в 406 году), несмотря на то, что первое сочинение является одним из самых древних манускриптов. Оно было издано в Париже в 1548 году с рукописи, хранившейся в одном из английских монастырей.

Я хотел здесь лишь показать читателю, что от всех древних авторов нас отделяет непроницаемая завеса средних веков. Ни одного документа, заключающего хоть малейшие намёки на наш церковный Апокалипсис, не дошло до нас от того времени. Всё, что мы имеем, это в лучших случаях манускрипты конца средних веков, а в большинстве – прямо печатные издания 16-17 веков, сделанные по неизвестно откуда взятым рукописям. Какую историческую ценность могут иметь такие документы? Они могут иметь значение лишь для характеристики средневековых представлений, да и то лишь в том случае, если путём вычислений, аналогичных приведённому в этой моей книге, или путём чисто исторических и лингвистических соображений нам удастся точно определить время их

ВОЗНИКНОВЕНИЯ.

Июнь 1907 г.

[^^^]

Примечания

1

Уже проверенные в настоящее время двумя пулковскими астрономами.

[^^^]

2

Представьте только себе, что человек переводит, например, с английского астрономию, совершенно не зная этой науки и даже не подзревая, что имеее дело с астрономическими предметами, и вы поймёте, каков окажется его перевод!

[^^^]

Я перенёс сюда в примечание неудачный и длинный заголовок, которым древний переписчик снабдил эту книгу. Вот он: *Откровение, данное богом Иисусу Христу, чтобы известить своих слуг о том, что скоро должно случиться. Христос послал это через своего вестника Иоанну, своему слуге, а Иоанн передал слова бога и сообщение Иисуса Христа и то, что сам видел. Счастлив, кто читает или слушает слова этого пророчества и соблюдает написанное здесь, потому что время исполнения близко.*

Все пояснительные надписи к главам прибавлены мною по образцу древних латинских копий.

[^^^]

Созвездие Большой Медведицы до сих пор называется на юге Франции «Колесницей Душ», как это видно из рассказа Альфонса Доде «Звёзды». В древности это название было ещё употребительнее. Далее, в главе 4 ст. 5-й Апокалипсиса сказано о нём же: «И горели напротив (созвездия) Трона семь огненных лампад, семь душ, всегда находящихся перед богом (очевидно, бог предполагался сидящим на северном полюсе неба, как в центре вращения светил)». Выражение подлинника ?????? ?????? (семь душ, вдохновений) по отношению к звёздам свидетельствует, что автор был оригенистом. Ориген, первый из христианских учителей, начал утверждать, во втором веке нашей эры, что небесные светила суть души людей, облечённые в светлые одежды.

Что же касается до слова **Трон**, в подлиннике ??????, то в астрономии и астрологии оно обозначает всегда **созвездие Трона, называемом теперь Кассиопеей**.

????? – сам, самый.

[^^^]

6

Здесь вставлено (забежавшим вперёд переписчиком?) выражение, которое находится в подлиннике всего через фразу после этого в строке одиннадцатой этой главы: «Я первая и последняя буква алфавита, начало и конец, говорит властелин бог, который был, есть и будет всемогущий». У Эрасма же, напротив, эта фраза без слов «начало и конец» оставлена здесь, но выпущена далее.

[^^^]

В подлиннике: 'I???? ???????. Иисус ('I?????) есть искажённое еврейское имя Ешошуа, что значит **божья помощь**. Так называл себя он сам и так звали его все окружающие в Палестине. Греки переделали это имя в Иесус, латины – в Иезус, французы – в Жезю, англичане – в Джизес и т. д. В результате от настоящего имени не осталось почти ни одного звука. Христос же (???????) есть простое прилагательное, которое в обычном греческом языке означает: окрашенный, вымазанный, а в переносном смысле: посвящённый в религиозный сан, в религиозные тайны, путём символического помазания маслом при обряде принятия. Вот почему я и не вижу причин оставлять это прилагательное без перевода.

[^^^]

8

?????? – плошка для освещения. В неё наливалось масло, в которое вставлялся фитиль.

[^^^]

9

???????????? – СЫН ЧЕЛОВЕКА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО.

[^^^]

Направо от солнца, вверху была Большая Медведица, или Семь Душ, «рука» облачной фигуры тянулась к этому месту с точки зрения Иоанна.

[^^^]

??????? – наклонил, опустил.

[^^^]

Греческое слово ??????? (ангелос) нельзя оставлять без перевода в старинных греческих документах. Это самое обычное разговорное слово, обозначающее: гонец, посланник, вестник, а в переносном смысле: оглашатель, т. е. лектор древних оригенистских общин. В этом последнем смысле слово **ангелоси** употреблено здесь, как ясно из ст. 16 гл. 3, где автор грозит одному из них, что бог «**выблует его из своих уст**» за то, что он «ни холоден, ни горяч». Это было бы неуместно по отношению к настоящему ангелу.

[^^^]

Главы 3 и 4, содержащие специальное наставление малоазиатским церквам о их частных делах и не имеющие никакого отношения к общему содержанию книги, я перевожу особо в IV части этого исследования. Там им настоящее место при биографии автора и очерке его времени.

[^^^]

?????? вместо ???? – на том самом месте.

[^^^]

Всякий астроном-наблюдатель легко укажет по простому расчёту, где находится любое созвездие в данный час дня, хотя его и не было бы видно за покровом дневной лазури, у Иоанна же, может быть, были с собой и инструменты.

[^^^]

16

Созвездие Трона погружено в Млечном Пути.

[^^^]

См. карты неба в конце книги.

[^^^]

?????? – блестящий, светлый, яркий, белый;
откуда латинское *lucidus*.

[^^^]

Здесь дело, очевидно, идёт о созвездии Северного Венца, находившемся как раз в зените, на самой вершине кажущегося небесного свода. Но переписчики, не понимавшие астрономического смысла этой картины, переделали первоначальное выражение ???????? ?????? (Золотой Венец) в ?????????? ???????? (Золотые Венцы). Такая склонность к поправкам вызвала много вариантов во всех библейских книгах.

[^^^]

????? – звуки, голоса.

[^^^]

Вместо моря в современных греческих копиях стоит *трон*, очевидно, по описке переписчиков, если не предположить, что в этом случае автор назвал троном видимый небесный свод.

[^^^]

Греческое слово $\alpha\alpha\alpha\alpha$ означало в древности млекопитающее животное, а не птицу. Таким образом, данное выражение не могло относиться к созвездию Орла (рис. 22), а к единственному среди древних созвездий крылатому животному – Пегасу. Заметьте, что каждое из этих четырёх животных скрывается в лучах солнца при наступлении соответствующего времени года.

[^^^]

?????? ??? ????????? – внутри и кругом. Уже одно это выражение показывает, что дело идёт о фигурах древних созвездий. У каких других животных могут быть глаза внутри и кругом?

[^^^]

Северный Венец при своём ежесуточном обращении, в широтах острова Патмоса, то поднимается наверх в самый зенит, то повергается на северную часть горизонта.

Для того, чтобы понять всю поэзию этой замечательной главы, необходимо ясно представить себе не только расположение созвездий на кажущемся небесном своде, но и их ежесуточное движение. Для тех, кто этого не знает, вся красота описанной здесь картины почти потеряна. Для них я могу сказать только следующее. Всё звёздное небо издревле разделяется на двадцать четыре крыловидные полосы, сходящиеся у полюсов неба (рис. 17) и называемые звёздными часами, или часами прямого восхождения заключающихся в них звёзд. В северном умеренном поясе земного шара верхние части каждого звёздного часа (приблизительно до высоты Северного Венца, рис. 17) никогда не заходят, а нижние части, так сказать, **колени** этих полос, то опускаются под горизонт, то поднимаются над ним. Благодаря этому каждый звёздный час

как бы подымается со своих колен на восточной части горизонта, а затем обратно опускается на них на западной стороне, как бы преклоняясь перед центром своего вращения – северным полюсом неба. Эта описанная здесь картина ежесуточного вращения звёздного неба с его двадцатью четырьмя старцами-часами, по очереди преклоняющимися перед вечностью, символизируемой в неподвижном полюсе неба, замечательно поэтична.

[^^^]

??????? – полоса папируса. На таких полосах все писали в древности, свёртывая их в свитки. Книг тогда ещё не было.

[^^^]

??????? – гонец, вестник. Ещё раз повторяю, что по-гречески это – простое разговорное слово, которое в древних документах никак нельзя переводить: *ангел*.

[^^^]

Еврейское слово ??? или ????? (Dowid или Dodim) значит любовь. Здесь игра на еврейском смысле этого названия.

[^^^]

?????? – в метеорологии обозначает небольшое белое облачко, называемое в народе и досих пор барашком.

[^^^]

?????? – прошедшее, несовершенное, испор-
ченное из ????????, от ??????? – объезжаю, обхо-
жу, прихожу, предстою.

[^^^]

?????? – в астрономии значит созвездие Овна, а в метеорологии облачко-барашек. Сопоставление здесь облачка-барашка с созвездием Овна совершенно в духе древней символистики, искавшей во всём таинственных соотношений по сходству имён. Созвездие Овна, как показывают астрономические вычисления, в это время готовилось к восходу, и автор сопоставил его с вышедшим из этого же места облачком-барашком.

[^^^]

?????? – прошедшее, несовершенное от ??????,
испорченное из ????????

[^^^]

????? от ???? – вижу, замечаю, обдумываю, со-
ображаю.

[^^^]

?????? – ярко-белый, блестящий. Отсюда латинское *lux* – свет и *lucidus* – светлый.

Относительно того, что дело здесь идёт об Юпитере, не может быть сомнения, потому что другой ярко-белый конь, Венера, не может быть в созвездии Стрельца, когда солнце, как это указано в гл. 12 ст. 1 Апокалипсиса, находится в созвездии Девы. Кроме того, Юпитер характеризуется здесь и своим эпитетом *победоносный*.

[^^^]

??? ??????? ?????? (искажено из ??????? ?????? ???????), т. е. «*и ушёл туда, по другую сторону, огненно-красный конь*». Здесь дело, очевидно, идёт о планете Марс, так как только одна она огненно-красного цвета (???????). Слово ???????? употреблено лишь по отношению к этому коню и показывает, что только Марс был во время наблюдения Иоанна против всех остальных планет, по другую сторону неба, под горизонтом. Точно так же и ?????? употреблено лишь об одном Марсе, откуда я и заключаю, что это недописанное ???????.

[^^^]

????? ????? – тёмный конь. Относительно того, что здесь дело идёт о Меркурии, проходившем по созвездию Весов, не может быть сомнения. Это самая слабосветящаяся из всех древних планет, в полном смысле планета-невидимка. Многие астрономы никогда её не видали простым глазом, почему Иоанн и считал её тёмной, подобно Луне в периоды её невидимости. Притом же в следующих строках она определена ясно и по своим астрологическим свойствам: Меркурий был планета торговли.

[^^^]

????? – коромысло, созвездие Весов.

[^^^]

Динарий – римская монета, около пятнадцати копеек. Дневная же порция хлеба называлась хиникс.

[^^^]

Отголосок хлебного неурожая, так как указанная цена хлеба и ячменя чрезвычайно велика для того времени. Маслины же и виноградники, очевидно, обещали в этом году хороший урожай.

[^^^]

?????? – мертвенно-бледный, зеленоватый. У всех древних писателей планета Сатурн характеризуется этим цветом.

[^^^]

Здесь вместо: ?????????? ??'?????, поставленно-го по отношению ко всем остальным созвездиям, написано: ?????????? ????? ?'????, т. е. как бы «садящийся на него», потому что созвездие Скорпиона, символ Смерти в астрологии, как бы взлезало на Сатурна (рис. 26).

[^^^]

?????? – им, а не ему, как обыкновенно переводят.

[^^^]

??????? ?????? ????????. – Слово ????????, буквально переводимое значит: сотрясение, потрясение. Оно употреблялось также для означения внезапного порыва ветра. Отсюда слово ??????????? – вихрь, шторм, порыв урагана. По отношению же к земле ????????, значить землетрясение (????????? ??? ???). У Иоанна мы насчитаем далее ещё три удара этого патмосского землетрясения.

[^^^]

43

?????? ????????? – ВОЛОСЯНОЙ МЕШОК.

[^^^]

Это затмение, начавшееся по патмосскому времени перед закатом Солнца, продолжалось вплоть до патмосской полуночи. Оно было кольцеобразное, т. е. Луна была на Солнце в виде пятна. Оно проходило через Тихий океан, Южную Америку и южную часть Атлантического океана. Из только что приведённых строк несомненно, что автор вычислил это затмение по употреблявшемуся тогда Саросскому циклу. Но он не имел возможности определить точно времени затмения и места его прохождения. А потому, когда грозовая туча закрыла в этот вечер Солнце и наступила обычная при грозах полутьма, он и заключил, что наверху над тучами уже началось ожидаемое им затмение, и описал его по образцу виданного им ранее затмения 30 ноября 393 года, проходившего через Константинополь и Малую Азию.

[^^^]

?????????? от ?????????? – отделию, отстаю.

[^^^]

Мы уже видели, что над Персеем, т. е. в Овне, была в это время планета гнева – Марс.

[^^^]

Пегас восходил на патмосском горизонте в этот день после полудня.

[^^^]

Израиль по-еврейски значит богоборец. Я считаю необходимым переводить здесь значение всех собственных имён, так как автор постоянно употребляет их как эпитет-орнанс, т. е. для характеристики качеств обозначаемого ими лица или предмета.

Далее, в гл. 14, ст. 1, будет ясно указано самим Иоанном, что он считает число звёзд равным 144 тысячам, т. е. ровно по 100 звёзд на каждую минуту прямого восхождения видимого неба. По учению Оригена, это были души умерших праведников, облечённые в светлые тела.

[^^^]

Ещё с очень древних времён, при составлении астрологических гороскопов, были введены, независимо от созвездий Зодиака, ещё двенадцать клиновидных полос, разделяющих небо на двенадцать равных частей, в каждой по два часа прямого восхождения. Эти полосы назывались домами. Названия этих «астрологических домов» произошли от названий соответствующих им в древности созвездий Зодиака, но астрологическое толкование их не всегда совпадало со смыслом названий первоначальных созвездий. В колонке второй приложенной таблицы я привожу эти астрологические дома параллельно с соответствующими названиями знаков Зодиака (в колонке первой) и смыслом еврейских имён детей Израиля-богоборца (в колонка третьей).

Сравнивая буквальный смысл еврейских названий для двенадцати домов или племён Израиля-богоборца, помещённых в третьей колонке, со смыслом двенадцати астрологических домов второй колонки, а иногда и со

I	II	III
Овен	дом Предусмотрительности	дом Предвидения (Рувим)
Телец	дом Удачи и богатства	дом Удачи (Гад)
Близнецы	дом Братства (объединен.)	дом Объединения (Левий)
Рак	дом Родственных связей	дом Прочности (Завулон)
Лев	дом Новорожденных	дом Приращения (Иосиф)
Дева	дом Услужливости	дом Послушания (Симеон)
Весы	дом Суда и брака	дом Суда (Дан, Манассия)
Скорпион	дом Смерти	дом Сына Смерти (Вениам.)
Стрелец	дом Вероисповедания	дом Вероисповедания (Иуда)
Козерог	дом Вознаграждения	дом Вознагражден. (Иссах.)
Водолей	дом Дружбы	дом Благополучия (Ассир)
Рыбы	дом Вражды (борьбы)	дом Борьбы (Невфалим)

смыслом самих созвездий Зодиака в первой колонке, мы не можем не заметить, что составители легенды о детях Израиля-богоборца как будто давали каждому имя прямо по тому из астрологических домов, под которым он предполагался родившимся. Как уроженец Антиохии Сирийской, Иоанн Хризостом знал еврейский язык и эти астрологические соответствия. Поэтому он придал здесь Израилю-богоборцу смысл звёздного неба, а его двенадцати коленам – смысл двенадцати астрологических домов. Порядок же их перечисления, по-видимому, обусловлен здесь порядком движения по ним туч.

????? – толпа, скопище, как по отношению к людям, так и по отношению к волнам, звёздам и чему угодно.

[^^^]

???????? – от ?????? – строю шатёр, осеняю шатром. Дело здесь идёт о голубом шатре неба, осеняющем звёзды.

[^^^]

?????????????? – в астрономии и астрологии значит: созвездие Жертвенника. От него поднимается вверх яркая полоса Млечного Пути, как бы дым от жертвоприношений.

[^^^]

Молнии в грозах бывают розоватые (часто алого, почти кровавого цвета) и голубоватые. Первые чаще всего мне приходилось наблюдать в вечерних грозах, вторые – в ночных.

[^^^]

Всякий сильный ветер вгоняет в устья прибрежных рек горько-солёную морскую воду, оттесняя пресную нередко на значительные расстояния от берегов.

[^^^]

По-видимому, многие места этой главы попорчены переписчиками по отношению к слогу. Здесь в дошедших до нас копиях стоит: ??? ? ??? ????? – и ночь подобно. Я перевёл здесь, как и выражение в предыдущем стихе, по логическому смыслу места. Не трудно видеть, что автор намекает здесь на предполагаемое им в это время за тучами солнечное затмение, при чём Солнце и Луна взаимно поражают третью часть друг друга, а звёздное небо было в это время на одну треть закрыто грозовой тучей.

[^^^]

В древних списках здесь стоит ????? (орла).
Точно так же и крик: уай! принадлежит явно
птице и значить по-гречески «горе!»

[^^^]

?????? по-гречески значит не только солнце, но метафорически употребляется и в смысле **дневного света**, а также и **благополучия** вообще.

[^^^]

По-гречески стоит прямо ??????? – саранча, как метафорическое выражение бесчисленности несущихся на берег морских волн. По-русски нельзя перевести иначе, чем сделал я, потому что саранча у нас не имеет множественного числа.

[^^^]

По астрономическим вычислениям гроза эта пронеслась над Патмосом 30 сентября 395 года, а пять месяцев, следующих за сентябрём, являются самыми бурными в Средиземном море.

[^^^]

????? (awaddon) – гибель, уничтожение.

[^^^]

Ветер резко переменился на юго-восточный. О том, что эти посланники – восточные властины, сказано прямо в главе 16, ст. 12 Апокалипсиса. Дело в том, что в конце IV века Византийская империя подвергалась постоянным нападениям приевфратских народов: армян, персов, арабов, сарацин.

[^^^]

??????? – серного цвета.

[^^^]

???????? – души умерших, гении-хранители. В «демонов» они превратились только в средние века.

[^^^]

Здесь автор прямо обнаруживает природу своих гонцов, указав их облачные одежды.

Читатель уже заметил, что Иоанн придаёт числу семь мистическое значение, отсчитывая семь звёзд в созвездии, семь рогов в облаке, семь гонцов в буре. Благодаря этой предвзятой идее он часто делает натяжки и исключает всякий излишек. Так и в данном случае, он исключил этого гонца из числа названных им семи, объявив его иным гонцом, не принадлежащим к семи.

[^^^]

В современных копиях здесь стоит ??? ??
????????? ?????, очевидно, переделанное пере-
писчиками из ??? ???? ?????, так как
солнце обязательно бывает против радуги.

[^^^]

????? ?? ?? ????? – имел в руке, имел в своей власти, направлял.

[^^^]

Здесь слово ?????????? означает кусочек коры для письма, уменьшительное от ??????? – лист коры папируса и вообще кусок всякой коры, употреблявшейся в старое время, по причине неумения делать бумагу, для переписки.

[^^^]

Это видно из главы 11 ст. 15, гл. 19 ст. 18 и из ст. 7 этой самой главы, когда сопоставим их между собою.

[^^^]

????????? – значит в переносном смысле: достигаю открытого моря. Обыкновенно же: развёртываюсь, открываю.

[^^^]

Вероятно, кора была из сладких, но заведомо тошнотворных. Всё это наивное место вполне понятно со старинной, мистической и одухотворявшей всю природу точки зрения. Буря бросила ему кусок отслоившейся коры, а он, экзальтированный уже посланным для него знаменьем с неба, считал, что в этой буре не можете быть ничего, не имеющего мистического значения. Привыкши писать свои письма на кусочках коры, как тогда все делали, он, естественно, подошёл и взял её, предполагая, что на ней написано что-нибудь для него. Но не найдя ничего, заключил, что это письмо мистическое, которое нужно съесть, чтобы почувствовать его содержание.

[^^^]

??????? – тростник.

[^^^]

???????? – давнопрошедшее от ????? – стою,
вступаю.

[^^^]

Этот случай особенно характерен в мистическом отношении. Из гл. 21 ст. 15 и др. будет видно, что на рассвете следующего дня Иоанн действительно сделал этим стеблем измерение чего-то, – по-видимому, хлебного поля на острове, считая, что его величина символизирует величину мира, а тростник своей длиной символически представляет стадию, а толщиною – локоть, и что колышущаяся от ветра в поле пшеница представляет молящихся верных, по известной притче о пшенице и плевелах.

[^^^]

???? – проходное место.

[^^^]

Этому сроку в 1260 дней автор придаёт такое большое значение, что изображает его несколькими различными способами, очевидно, на случай порчи его переписчиками. Здесь он представил его в двух видах: в виде 42 месяцев и прямо в виде 1260 дней. Далее мы увидим, как он будет изображать его в виде суммы *года, двух лет и полугодия*, что составляет те же самые 1260 дней. Всё это указывает на предпоследнее воскресенье перед весенним равноденствием 399 года, приходившимся тоже в воскресную ночь, так как сутки в то время начинались с утра, а не с полуночи, как теперь.

[^^^]

?????? – саккос – накидка из белой козьей шерсти, без рукавов, набрасывавшаяся поверх обыкновенной одежды, рукава которой высывались из-под саккоса, как чёрные крылья чаек.

[^^^]

????? – ВОН ОНИ, ОТ ?????? – ВОТ ЭТОТ.

[^^^]

Такое отношение автора к Иерусалиму конца IV века объясняется тем, что в это время в нём, вероятно, практиковалось уже низведение огней с неба на гроб Иисуса, которое существует до настоящего времени в праздники Пасхи. Эта догадка подтверждается выражением в гл. 13, ст. 13, где говорится: «даже огонь низводит (лжепророк) с неба на Землю».

Выражение современных канонических копий ?????? ??? ??????? я перевёл: **Великой Твердыни**, так как ?????? обозначает одновременно и город, и крепость, и государство, что можно соединить вместе только в слове **Твердыня**.

[^^^]

Греческое ????? – день, фигурально употребляется в смысле всякого определённого цикла времени. Здесь дело идёт, очевидно, о тех же самых 3 1/2 годах или 1260 днях, остававшихся до 13 марта 399 года.

[^^^]

Пусть читатель не подумает, что эта символика бездоказательна. Далее, в конце главы 17 автор сам указывает, что волны моря у него символизировали толпы и народные массы и т. д. Вся эта книга – типический образчик древних гаданий по звёздам, полёту птиц, колебанию трав, движению облаков и т. д. Всё в природе автору казалось символическим.

[^^^]

????? – название, символ предмета.

[^^^]

Здесь вставлена кем-то совершенно излишняя фраза «второе (??) горе прошло, вот идёт третье (!) горе», между тем как далее описывается вовсе не горе, а радость.

[^^^]

??????? ??? ???????? – хранительница завещания. Так автор называет радугу, руководясь легендой, приводимой в гл. 9, ст. 12—16 книги Бытия.

[^^^]

Это созвездие приходилось тогда прямо над головой Девы по направлению к зениту. Автор считает в нём двенадцать звёзд, очевидно, отбрасывая все мелкие звёзды.

[^^^]

Припомним, что дракон фигурирует таким образом во всех древних солнечных затмениях. Как раз над головой Змея находится и созвездие Северного Венца.

[^^^]

????? – мужественный, могучий.

[^^^]

Здесь очевидная описка переписчиков, не понимавших астрономического смысла этой картины: вместо ???? ??? – змей, стоит ?? ???? – народов. Из смысла всего этого места и из названия Могучий Сын ясно, что дело идёт о созвездии Геркулеса, пасущего змей железной дубиной.

[^^^]

??? – медленно, торжественно шествую.

[^^^]

Михаил по-еврейски значить: *тот, кто как бог*. Автор употребил фигурально это выражение для обозначения «богоподобного солнца».

[^^^]

???????? – клеветник, от обычного греческого разговорного слова ??????? – клевета.

[^^^]

Сатана по-еврейски значит: преграда.

[^^^]

Здесь опять явная ошибка переписчика: вместо двойственного числа ?????? стоит в современных копиях множественное ????????, тогда как по самому смыслу очевидно, что дело здесь идёт о тех же 3 1/2 годах или 1260 днях, остающихся до вычисленного автором пришествия Иисуса 13 марта 399 года.

[^^^]

???? – в астрономии значит: созвездие Змея. Точно так же и ????? – дракон – означает и соответствующее созвездие (Дракона) и большого змея. Здесь автор сильно играет на двойственном значении этих слов, прилагая их то к созвездиям, главным образом к драконовидному змею Офиуха, то к находившимся в этих созвездиях уродливым тучам грозы.

[^^^]

????? ??????????? – имя (название, символ) клетки.

[^^^]

Мы видим, как автор всевозможными способами обозначает тот же самый срок 1260 дней, остающийся до предполагаемого исполнения его предсказания 13 марта 399 года, как бы боясь, что переписчики или фальсификаторы могут его исказить.

[^^^]

????? – фигурально обозначает славу.

[^^^]

Это выражение, очевидно, навеяно тем, что фигура Овна в своём созвездии, возникшем «при создании Вселенной», изображалась на картах с повисшей назад, как бы надрезанной головой.

[^^^]

????? – постановляет, здесь настоящее время,
а не будущее.

[^^^]

The mark †, or the name ????????, or the number thereof ??? 666 (I. Newtoni Opera, tom. V, Londini, 1785. Имеется у меня и в Пулковской обсерватории). К сожалению, я не нашёл в этом толковании Ньютона на Апокалипсис ничего такого, что показывало бы понимание Ньютоном астрономического и метеорологического смысла апокалиптических зверей.

Греческие буквы представляли в то же время и цифры:

?=1

?=2

?=3

?=4

?=5

?=6

?=7

?=8

?=9

?=10

?=20

?=30

?=40

?=50

?=60

?=70

?=80

q=90

?=100

?=200

?=300

?=400

?=500

?=600

?=700

?=800

э=900

?=1000

?=2000

... а потому для каждого имени можно было высчитать и «его число», т. е. сумму букв, как это и делает здесь Иоанн. Ренан думал, что это сумма букв еврейской фразы: император Нерон (???? ???). Действительно, она даёт число 666, но натяжка в том, что это не простое имя, как требуется автором, а целых два слова: имя и титул носящего его лица. Вот почему толкование Ньютона мне кажется един-

ственно допустимым.

Знак зверя, крест (†), показывает, что Латинско-Византийская империя была уже христианской, и что на язычников и всех, не принадлежавших к господствовавшей тогда (как увидим далее, николаитской) церкви, совершались в то время сильные гонения, как и видно из эдикта имп. Феодосия, относящегося к началу 395 года, объявившего еретиков (к которым, очевидно, причислялся и Иоанн) лишёнными гражданских прав, и даже отнявшего у них право передавать свои имения другим лицам по завещанию (История Шлосера, т. 2, стр. 221).

[^^^]

??? по-еврейски значит надгробный холм, груды камней (на могиле).

[^^^]

Я уже говорил, что Овен восходил 30 сентября 395 года около 6 часов вечера при закате Солнца.

[^^^]

Баб-Илу значит Врата господни.

[^^^]

Это ясно из гл. 17, ст. 4—5.

[^^^]

Луна по астрономическим вычислениям находилась в это время в периоде новолуния, сопровождавшегося затмением 30 сентября 395 г., проходившем в этот момент по Тихому океану, но автор, по-видимому, несколько ошибся в своих расчётах и, не видя за тучами солнца, считал затмение уже закончившимся.

[^^^]

Первый стих перенесён мною в следующую главу, откуда он по ошибке забежавшего вперёд переписчика был помещён сюда, как ясно по смыслу.

[^^^]

Множественное число, по-видимому, принадлежит переписчику.

[^^^]

Второзаконие, гл. 32, начало.

[^^^]

Оно находилось тогда на южной части горизонта, а облака с чашами были на западе, как видно по их золотистому оттенку.

[^^^]

Эта строка по ошибке переписчика помещена в начало предыдущей главы, где ей совсем не место по содержанию. Вероятно, он прямо начал переписывать эту главу сейчас же после пятнадцатой, но спохватился и, не желая портить драгоценного для древних папируса, оставил её там.

[^^^]

Т. е. по направлению к Константинополю.

[^^^]

???????? – громовые стрелы, молнии; сокраще-
но из ??????????.

[^^^]

Вавилон (Баб-Илу) значит Врата господни.

[^^^]

???? ????? – весь остров.

[^^^]

???????????? – весом в талант (55 фунт. 2 лота).

[^^^]

????? – звучу, щебечу, болтаю, нащёптываю.

[^^^]

То есть фракцией Феофила Александрийского, господствовавшей в 395 году в Византии. Весь этот период византийской истории был ознаменован беспощадной борьбой государственной церкви в Византии с фракциями первоначального христианства, не признававшими союза церкви и государства.

Во главе оппозиции стоял в это время самый талантливый проповедник первых веков христианства – Иоанн Хризостом. В последней части моего исследования я покажу, что Апокалипсис почти несомненно – один из его памфлетов.

[^^^]

????????? значит религиозное таинство, мистерия. Для обычной же тайны, секрета, употреблялись другие слова, напр.: ?? ??????. Здесь дело идёт несомненно о таинстве причащения, которое одно совершалось и совершается в золотых чашах во всех восточных церквах.

Очевидно, византийские епископы IV века прибавляли в вино для причащения какой-то «мерзости», придававшей вину вид и вкус крови, и выдавали это превращение за чудо. Только тогда и становятся понятны все выражения Иоанна, встречаемые в этой книге, и то, почему (в гл. 16) он хотел заставить всех, служащих зверю (церкви и империи), пить кровь. Вот дальнейшие места Апокалипсиса, утверждающие в той же мысли:

«Все народы отведали возмутительного вина её блудливости (?????????, гл. 18)». " Поступите с ней так, как она поступала с вами! Отплатите ей вдвое за её выдумку: в чаше, в которой она разбавляла вам вино, разбавьте ей самой вдвое (гл. 18)». «микстурою (?????????)»

твоею введены в заблуждение все народы (гл. 18)». «Кто преклоняется перед зверем, будет пить вино божьего возмущения, приготовленное без примеси в чаш его гнева (гл. 14)!»

Читатель сам увидит другие места в том же самом роде. Если бы византийские епископы государственной фракции прибавляли в вино чистой тёплой воды, то автору не зачем было бы называть эту смесь мерзостью и нечистотой, и угрожать Великой Твердыне, что ей самой разбавят вдвое тем же способом.

Прибавлю ещё, что Вавилон (Баб-Илу) значит в переводе «Врата господни», чем и объясняется применение Иоанном этого названия к Византийской церкви.

[^^^]

В январе 395 года, за восемь месяцев до этой бури.

[^^^]

??? ?????? ??? ?????? – от начала мира. Это выражение, по-видимому, относится к стоящему перед ним слову ???????. В копии, с которой я переводил, вся эта фраза поставлена в скобки, как вводная.

[^^^]

Основатель Византийской империи Константин I, с 330 до 337 года, и его наследники: Констанций (337—361); Юлиан (361—363); не дошедший до Византии Иовиан (363—364); Валент (364—378); Феодосий (378 – 17 января 395 г.); и, наконец, Аркадий (17 янв. 395—408 г.)

[^^^]

Эту фразу, поставленную, по-видимому, пропустившим её переписчиком в конце главы, я перенёс сюда, чтобы сохранить логический смысл всего места.

[^^^]

?????? – языческое божество, гений, дух-хранитель, домашний бог греков и римлян.

[^^^]

123

????? – дело, произведение, выдумка.

[^^^]

??????? от ????????? – разбавляю вино водой.

[^^^]

???? – кипарис.

[^^^]

??????? – каждение, откуда ???????????? – ка-
дильница.

[^^^]

Созвездие Овна проходит около полуночи через меридиан только в сентябре.

[^^^]

??????? – главный полуденный пир.

[^^^]

Всё это опять относится к воскресенью 13 марта 399 г., астрологически вычисленному Иоанном дню пришествия Иисуса на Землю, так как победоносный белый конь – Юпитер (гл. 6, стих. а), «вышедший, чтобы победить», будет в это время в Овне, и Овен спустится на нём на Землю.

[^^^]

В канонических копиях стоит: ?? ??? – слово, обозначающее у церковных писателей одновременно и народы, и язычников, или идолопоклонников. Очень может быть, что здесь описка древних переписчиков, так как соответствующая фраза в псалме 2-м, приписываемом легендарному Давиду, скорее вставлена в него из Апокалипсиса, чем в Апокалипсис из него. Апокалипсис – совершенно оригинальное произведение, без заимствований из других авторов. Притом же в конце этой главы (ст. 29) прямо сказано, что убиты были цари и лжепророки, а не целые народы.

[^^^]

Очевидно, ту же самую, о которой говорится в гл. 14, ст. 20 и гл. 17.

[^^^]

В день ожидаемого Иоанном пришествия Иисуса, 13 марта 399 года, Персей должен был находиться почти над Солнцем.

[^^^]

Это было перед полуночью.

[^^^]

?????? – змей, дракон, змеевидное чудовище.
Из рисунка видно, что Иоанн предполагает
здесь не созвездие Дракона, а созвездие Змея,
которого удерживает Змееносец.

[^^^]

Т. е. тысячу лет, считая, вероятно, каждый час этой ночи за век.

[^^^]

????????? – пробуждение, вставание.

[^^^]

???????? – возрождение.

[^^^]

В этом месте канонических копий, по-моему, два искажения.

1) Вместо «на четвёртом углу Земли» стоит «на четырёх углах Земли». По астрономическому смыслу данного места видно, что дело идёт лишь о северо-восточном, четвёртом от древнего Эдема угле Земли, предполагавшейся Иоанном квадратной.

2) Названия *Гог* и *Магог* переделаны здесь из *Гунны* и *Монголы* переписчиком следующим образом:

??? ????? = Гог и Магог.

????? = Гун и Могол.

Произошло это, вероятно, оттого, что почерк Иоанна не отличался разборчивостью, особенно в конечных буквах, как бывает у всех людей, пишущих много и скоро. В пользу этого моего предположения говорят и исторические факты: Гунны (Хун-ну китайских летописей) наводили в это время ужас на всю северо-восточную часть известной Иоанну земной поверхности. Они внезапно нахлынули на Византийскую империю в 375 г., ровно за

20 лет до описываемой в этой книге бури.

[^^^]

???? = ????? – Гадес или Плутон, бог подземного царства древних греков, откуда в средние века произошёл ад.

[^^^]

Иерусалим по-еврейски значить «Царство мира», здесь Иоанн употребил это слово как эпитет-орнанс.

[^^^]

По-видимому, под источником живой воды автор подразумевает Млечный Путь, а под победителем – Змееносца, попирающего ногами Скорпиона. Рис. 57.

[^^^]

Ранее в примеч. 2-м к гл. 7 мы видели уже соотношение между смыслом названий 12 племён народа-богоборца и названиями 12 знаков Зодиака и 12 астрологических домов. Здесь, на рис. 57 я привожу образчик гороскопа из древних астрологий, где основание мира – Земля – предполагается четырёхугольным. Желаящий может внести сюда, как это делает Иоанн, и 12 племён народа-богоборца по тому же самому примечанию 2 к гл. 7.

[^^^]

? ????? ??? ???? ???? – вероятно, корректировано не понимавшими смысла переписчиками из ? ????? ???? ???' ???? или из ?;???? ???' ???? ???? ???' ????), т. е. говоривший со мною имел через моё посредство золотистый тростник (???????? ?????????).

[^^^]

гл. 11, ст. 1.

[^^^]

Стадия равнялась приблизительно 125 шагам.

[^^^]

Автор, выросший, очевидно, в очень богатой семье, так хорошо знает оттенки всех драгоценных камней, что довольствуется здесь одними их голыми названиями, не замечая, что большинству из его читателей они неизвестны. Вот почему я и определил здесь прилагательными цвет каждого камня, чтоб читателю была доступна описываемая Иоанном картина неба. Он перечисляет здесь в последовательном порядке все цвета горизонта, которые наблюдались им утром, 1 октября 395 года, начиная с запада и идя через север к востоку, югу и обратно к западу.

[^^^]

Сюда перенесён кем-то 26-й стих этой самой главы, но только вместо ?? ???? поставлено ?? ??????, что совершенно противоречит главе 19 ст. 18—19 и др. местам в том же роде.

[^^^]

Здесь вставка, нарушающая связность содержания. Вписано кем-то «Вот приду скоро! Счастлив соблюдающий пророческие слова этой книги».

[^^^]

Осенью 1882 г.

[^^^]

После выхода из Шлиссельбургской крепости в ноябре 1905 года я разыскал в библиотеке Пулковской обсерватории толкование Ньютона на Апокалипсис (J. Newtoni Opera, T. V. Londini, 1785) на английском языке, но не нашёл в нём ничего, кроме мистики. Ньютон, по моему глубокому убеждению, не мог не понимать астрономического смысла этой книги, но боялся объяснить его своему читателю.

[^^^]

Вся эта книга написана в Шлиссельбургской крепости. Прибавлены лишь несколько примечания и приложения в конце.

[^^^]

После моего выхода на свободу мои вычисления были проверены пулковскими астрономами М. М. Каменским и Н. М. Ляпиным, нашедшими для 30 сентября 395 года те самые положения Солнца и планет, которые определил и я. Таким образом, читатель, не знакомый с астрономией, может положиться на точность моих выводов.

[^^^]

На рисунках 4, 5 и 6 времена показаны по новому стилю и потому над ? – Стрельца Юпитер приходился не 10 октября, а 28 сентября.

[^^^]

По координатам 1905 года, на основании вычислений по таблицам Леверрье, получаются для 30 сентября 395 года положения:

Юпитер: $\alpha = 292,2$ (19 h 28 m) и $\delta = -22,29$

Сатурн: $\alpha = 241,17$ (16 h 5 m) и $\delta = -19,4$

См. приложение к этой книге.

[^^^]

Проверявшие мои вычисления по таблицам Леверрье пулковские астрономы М. М. Каменский и Н. М. Ляпин нашли прям. восх. Марса 32,52, т. е. менее, чем я, на 1,8, что объясняется сильными неравномерностями в движении Марса.

(Позднейшее примечание.)

[^^^]

156

Вычисления проверявших меня пулковских астрономов дали для Меркурия очень близкую к моей величину: $a = 299,3 = 15 \text{ h } 16 \text{ m}$ и $b = -3,1$; как раз в глубине Весов.

[^^^]

?????? ???????? – волосяная сумка.

[^^^]

??? – вся, целая.

[^^^]

?????? ??? ??? ??? – испорчено переписчиками
из ??????? ??? ??? ??? – выступали пред Зем-
лёю, прошедшее несовершенно от ?????? –
предстаю пред кем, выступаю вперёд, при-
ближаюсь к чему-либо, а ??? означает: при,
против, в присутствии, на, в. Производить от
????? – падаю – здесь нельзя.

[^^^]

По таблицам Orrolzer'a, взятым мною из библиотеки Пулковской обсерватории, оно проходило, как показано на приложенной карте (рис. 63).

(Позднейшее примечание.)

[^^^]

Я продолжил свои вычисления до 10 века, но считаю излишним приводить их здесь ввиду несомненности, что дело было 30 сентября 395 года, а не позже.

[^^^]

Это был предпервый год нашей эры, или *минус первый*.

[^^^]

По выходе из Шлиссельбургской крепости я сейчас же обратился к иностранным источникам, имеющимся в Публичной, Университетской и Академической библиотеках, чтобы пополнить и исправить эту монографию, но в результате, кроме нескольких подтверждений моих выводов, не нашёл в них ничего нового. Вот почему я и печатаю теперь моё исследование в том самом виде, как оно было написано в моём «старом жилище», дополнив его лишь несколькими цитатами из книг: Amedee Thierry: St Jean Chrysostome et l'imperatrice Eudoxie (Paris, 1872), Dialogus Historicus Palladii, ????????? ?????????????? '????????????????? '?????????(в издании Patrologiae cursus completus, 1859), Aime Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps (Paris, 1891) и нек. др. Все эти дополнения обозначены специальными отметками внизу страниц.

(Позднейшее примечание.)

Апокалипсис, гл. 9 и 16.

[^^^]

Шлоссер и др.

[^^^]

????????? – сокращено из ????-????? – подо-
босущный.

[^^^]

???-?????? – сокращаемое обыкновенно в
???????? – одинаково-сущный.

[^^^]

Егошуа – истинное имя Иисуса, как он называл себя сам и все его родственники.

[^^^]

Вот как описывается в «Житиях святых» нападение Николая на Ария, со слов Иоанна Студийского:

«Божественной ревностью Николай, как второй Илия, разжётся, среди собора дерзнул Ария не только словом, но и делом посрамить, ударив его в ланиту. Чего ради святые отцы вознегодовали, и за это дерзкое дело отняли у него архиерейские отличия».

Но затем всё это вскоре было ему возвращено. Интересно, что римская церковь долго не хотела признавать Николая святым, греческая же отрицала подлинность его тела в Бари.

То же самое находим и во всех древних источниках, хотя подробности и причины драки на Константинопольском соборе везде излагаются явно тенденциозно.

[^^^]

Апокалипсис, 13.

[^^^]

Ангелосу: ?? ?????? ??? ?? '????? ???????????.

[^^^]

??????? ?? – обхожу кругом чего-либо, прогуливаюсь.

[^^^]

????? – дурной, трусливый, пошлый.

[^^^]

?? ?????? ???? ???????? – где ?????? значит «творю, воспроизвожу, постановляю, устраиваю».

[^^^]

Т. е. небесного свода с его зверями– созвездиями. Здесь стоит ?????????? – большой парк с животными, от персидского слова *paradaiza* – сад, парк. Это слово обычно по-персидски и по-древнегречески, и лишь мы придаём ему исключительный смысл эдема, с Адамом и Евой.

[^^^]

Сатана (шатан) по-еврейски значить «преграда».

[^^^]

Подобно тому, как далее в письме к фиатирскому собранию автор обещает верному в награду утреннюю звезду – Венеру.

[^^^]

Указание на Антиппу в данном письме само сделалось поводом к возникновению сказания о мученике Антиппе, пергамском епископе (см. «Жития святых»), но оно так бессодержательно и сшито живыми нитками на скорую руку по этим самым письмам Иоанна, что о нём не стоит и говорить. Следует поискать это имя в конце четвёртого века.

[^^^]

Вот содержание сказания о Валааме и Валаке (книга Чисел, 22-25).

Валаам был пророк, живший на Евфрате. Моавитский царь Валак прислал к нему послов с подарками, приглашая его к себе, чтобы он проклял народ израильский, пришедший с Моисеем из пустыни и поселившийся рядом с его страной. Но ночью к Валааму пришёл бог и спросил: «Какие это люди у тебя? Не ходи с ними. Не проклинай этого народа, потому что он благословен». Но Валаам всё-таки поехал. И вот ослица, на которой он отправился, увидела перед собой ангела с обнажённым мечом и остановилась. Валаам стал бить её, но бог отверз уста ослицы, и она спросила: «Что я тебе сделала? За что ты бьёшь меня вот уже третий раз?» Валаам ответил: «За то, что ты надругалась надо мною». Ослица же сказала: «Не я ли твоя ослица, на которой ты ездил с начала и до этого дня? Имела ли я привычку так поступать с тобою?» Валаам ответил: «нет», и тут увидел ангела, загородившего собою дорогу. И сказал

ему ангел: «За что ты бил ослицу твою вот уже три раза? Я вышел, чтобы воспрепятствовать тебе». Валаам выразил сожаление о своём поступке и готовность возвратиться назад. Увидев это, ангел, наоборот, разрешил ему пойти к Валаку, но чтобы он говорил лишь то, что ему будет приказано. И вот вместо проклятия Валаам в присутствии Валака трижды благословляет народ израильский. После этого «встал Валаам и пошёл обратно в своё место, а Валак также пошёл своею дорогою. И жил Израиль в Ситиме рядом с Моавами, и начал народ сожительствовать с дочерьми Моава, и приглашали они народ к жертвам богов своих, и ел народ жертвы их и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору, и воспламенился гнев Господень на Израиль».

Итак, мы видим, что в современной Библии, совершенно согласной с латинской Вульгатой, нет ни одного намёка на то, что Валаам, уезжая, дал совет Валаку соблазнить этим путём Израиль. Значит, рукопись 4-го века, которой пользовался Иоанн, была иная, где говорилось именно в таком виде, как цитиру-

ет это место сам Иоанн.

[^^^]

????? или ??????? – вот так-то, при таких обстоятельствах.

[^^^]

??? ??? ????? ??? ????????????, где ????? значит крупа, манна, небесный хлеб. Обращаю внимание на то, что прилагательное к ней поставлено ????????????, а не ??????????? – мистический – принадлежащий к таинствам, как о чаше с вином в гл. 17-й.

[^^^]

Здесь стоит ????? – камешек, гладкий ручной голыш, баллотировочный шарик, приговор, решение, так как в древности выборы производились, по-видимому, баллотировкой камнями, белыми и чёрными, можете быть, и с соответственными надписями на них. Обыкновенный же камень по-гречески ??????.

[^^^]

??? ??????? ??? '???????' – твоей хозяйки Иезабели. Слово ???? значит не только женщина, но в переносном смысле «хозяйка». Иезабель была легендарная жена легендарного царя Ахав, устроившая большое идолопоклонство и рассердившая этим пророка Илию (3-я кн. Царств, гл. 16-22).

[^^^]

?? ????? ??? ?????? – очень трудно перевести, не понимая заранее, в чём дело. ?? ????? – значит глубина и высота, частота и многочисленность; здесь, по-видимому, нужно понимать какую-то религиозную тайну, глубоко скрываемую от непосвящённых.

[^^^]

В Вульгате и обычных современных изданиях здесь вышла (по-видимому) ошибка. Вместо ??? ??? ????? – над змеями, греческие переписчики написали ??? ??? ????? – над народами, и в результате оказалось, что автор этой книги, у которого везде сквозит любовь к человечеству, захотел раздробить все народы железной палкой, как глиняную посуду. Но смысл первоначального текста здесь совершенно ясен – дело идёт о Змееносце, попирающем ногами смерть-скорпиона и возносящемся к престолу неба – полюсу, и о Геркулесе, попирающем ногою голову Дракона (рис. 63) и избивающем дубиной змей.

Очевидно, что первые же читатели, которым Иоанн послал своё пророчество, были так неприятно поражены и перепуганы готовящейся для них наградой «пасти змей», что не хотели этому верить, и заподозрили ошибку в рукописи. Поправка же здесь была чрезвычайно легка, и при не совсем разборчивом почерке рукописи греческое слово «змеи» без труда могло быть принято прямо за «народы».

Действительно, сравните, например, обе фразы:

??? ??? ?????? – над змеями,

??? ??? ?????? – над народами.

При сильной неохоте пасти змей и при сильном желании пасти народы как было не принять одного выражения за нечётко написанное другое? Только после того, как астрономическое вычисление показало мне, что в этот самый день (30 сентября 395 юлианского года) «утренняя звезда» Венера была в Змееносце, под Геркулесом, избивающим дубиной змей, я и понял, в чём дело.

Отсюда можно придти к заключению, что аналогичная фраза в одной из песен, приписываемых Давиду, попала в неё из Апокалипсиса.

[^^^]

По сделанному мною вычислению утренняя звезда, или планета Венера, находилась в это время как раз в ногах созвездия Змееносца, или Офиуха. Она была в этот момент в периоде своей вечерней видимости, но греки уже давно знали, что это та же самая утренняя звезда. Смысл этого места тот, что Египту-Иисус, символизируемый змееносцем (Офиухом), обещает дать находящуюся теперь у него утреннюю звезду попирающему голову Дракона Геркулесу, символизирующему всех верных и избивающему дубиной змей.

Мы видим, что и здесь всё та же астрология.

[^^^]

??? – как много.

[^^^]

??? ????? – игра слов, так как слово ??? по-еврейски значит «возлюбленный».

[^^^]

??? – будущее от ??? – объемлю, окружаю.

[^^^]

????????? ??????????? ???? ??????????? ???. ????????? – особый род продолговато-круглого хлеба, но это слово здесь явно не подходит. Переводчи- ки Вульгаты, а за ними и остальные, допусти- ли, что дело идёт о какой-то *глазной мази – коллурии*. Но как же здесь может быть вини- тельный падеж? По-видимому, ??????????? здесь просто употреблено вместо ???????????, а это последнее есть местная форма уменьши- тельного от ????????? и значит «получше».

[^^^]

Вся эта глава прибавлена мною после выпуска из Шлиссельбургской крепости к первоначальному тексту книги.

[^^^]

Amedee Thierry: St Jean Chrisostome et
l'imperatrice Eudoxie. 1872 p. 24 etc.

[^^^]

Malorum omnium metropolium avariciam:
Palladius. Dialogus, p. 18.

[^^^]

Intendit (Chrisostomus) sermonem adversus fictam sororiam, ut vocant, vitae societatem, revera autem adversus inverecundam et improbam vitam cum mulieribus illis, quae dicuntur subintroductae (Pallad., ibid.)

[^^^]

Hinc iterum ad unguentarium currit collocuturus
de aromatibus dominae: uruntur autem virgines
unquentis et variis, et pretiosis. Chrisost. de
Subintroducitis, p. 242.

[^^^]

Thierry, p. 34.

[^^^]

Т. е. все пышные наряды великой апокалиптической твердыни: „Грузы золота и серебра, и драгоценных камней, и бисера, и тонкого полотна, и шёлка, и багряницы, и кипарисового дерева, и изделий из слоновой кости, и всяких произведений из драгоценного дерева, железа, меди и мрамора» ... «и корицы, и каждений, и мира, и ладана, и вина, и елея (Апокал. 18, 12 и 13)».

[^^^]

Золотую чашу великой самопродажницы.

[^^^]

A. Thierry. St Jean Chrysostome, 34.

[^^^]

Amedee Thierry. St Jean Chrisostome et
imperatrice Eudoxie. Paris, 1872.

[^^^]

Теперь, просмотрев после освобождения из Шлиссельбургской крепости ряд других (иностранных) биографий Иоанна, могу добавить, что они мне дали только одни новые подтверждения.

Позднейшее примечание.

[^^^]

Из его биографов Tillemont склоняется к 347 году, а Stilting – к 344. Я предпочитаю непосредственные даты византийских биографов, приводимые в древних книгах.

[^^^]

????????? ?????????????? '???????' '?????????', T.VI, ????. ?.

[^^^]

?????. ????., T.VI, ????. ?.

[^^^]

Aime Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891.

[^^^]

В этом потом и обвинил его собор епископов:
„Origenistas suscepit et eos qui sum ecclesia
communicant in carcerem detrusos non curavit
sed in ipsa mortuos neque omnino respexit (Act.
Synod, ad Quercum apud Phot. 59).

[^^^]

Жития святых. Ноябрь, изд. 1852 г. Припомните слова об иудействовавших в письме к смирнскому собранию в Апокалипсисе.

[^^^]

Я просмотрел некоторые из них в Публичной библиотеке и, кроме нелепостей, почти ничего нового не нашёл.

Позднейшее примечание.

[^^^]

Aime Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs
de son temps. Paris, 1891.

[^^^]

Жития святых. Ноябрь. Изд. 1852 г.

[^^^]

Aime Puech, p. 381.

[^^^]

Поездка Мелетия в Константинополь для поставления Григория Назианзиса (Жития, Ноябрь) – явная легенда, так как константинопольские патриархи рукополагались по обычаю фракийскими.

[^^^]

Aime Puech: St. Jean Chrysostome et les moeurs
de son temps. Paris, 1891.

[^^^]

Жития, Ноябрь.

[^^^]

Aime Puech, page 67.

[^^^]

?? ??? ? ????????? ?????? ????????????? ??????? – был он человек необыкновенный для предводительства обезумевшей толпой. ??? V, 23).

[^^^]

Aime Puech. St Jean Chrysostome, p. 25—26.

[^^^]

Такая же паника была в 1000 г. и в 1492 г. нашей эры, когда минуло 7000 лет «от библейского сотворения мира» в 5508 году до Р.Х.

[^^^]

Муравьев. Ист. перв. четыр. век. христ., стр.
336.

[^^^]

Dialogue historic. Palladii, episcopi Helenopolis
cum Theodoro diacono, dialogus V.

[^^^]

Aime Puech. St Jean Chrysostome, 286.

[^^^]

Жития, Ноябрь.

[^^^]

??? ?? ?? ??????????? ??? ?????????????? ??????? ?
?????????? ?????????????? ?????? ?? ??? ?????
?????????? ??? ?? ??? ? ??? ?????????????? ?????????
?????????? ?????????????? ?????????????????? ??????? ???.
?, ????? VI, стр. 661.

[^^^]

Эдикт импер. Аркадия и Гонория в начале 399 года запретил всякие спектакли по воскресеньям, а в 400 году весной к ним прибавили ещё неделю перед Пасхой и неделю после неё и т. д. (Aime Puech. page 282). Такова была паника перед началом *пятого* века. Заметим, что с весны у византийцев начинался **новый** год.

[^^^]

Муравьёв. История первых четырёх веков христианства, стр. 336—337.

[^^^]

Там же, стр. 345.

[^^^]

Стр. 333.

[^^^]

Aime Puech. St. Jean Chrysostome, p. 310.

[^^^]

Святаго Иоанна Златоустаго беседы. Изд.
1877 г.

[^^^]

Муравьёв. История первых четырёх веков христианства, стр. 314 и 315.

[^^^]

В речах, приписываемых Иоанну Антиохийскому (Златоусту), есть прямые указания на эту дату: на 400-й год *после* рождения Христа (399-й нашей эры). См. Aime Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, 1891, p. 311.

[^^^]

Я уже упоминал, что аналогичные предсказания были сделаны на 1000-й год нашей эры и на 7000-й от библейского сотворения мира.

[^^^]

Я перевожу здесь греческое слово «полис» – твердыней, так как оно переведено этим словом в Апокалипсисе.

[^^^]

В списках 4-го века было только 3 дня, как в пророчестве Иоанна 3? года.

[^^^]

Место у Луки (XI, 29-30) можно считать внесённым переписчиками.

[^^^]

Сравните, например, беседу о Иуде Искариотском, которая попала в тот же самый цитируемый нами сборник в двух списках: первый вариант под названием «В святой и великий четверг», а во второй под названием «О божественной вечери».

[^^^]

Интересно, что в русском народе ещё в середине 19 века сохранилось представление о вечерней заре как о пламени над огненной рекой, текущей за горизонтом. Таковы были мои собственные детские представления о ней, полученные от старой няньки. Когда Иоанна спрашивали о месте, где находится ад, он отвечал, что за пределами той прикрытой стеклянным колпаком коробочки, которую его современники и он сам считали за Вселенную. Это совершенно соответствует представлениям, выраженным в гл. 14, ст. 20, где огненная полоса вечерней зари помещается вне «твердыни». См. Aime Puech: *St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps*. Paris, 1881, page 194.

[^^^]

Вот эти цитаты целиком. У Моисея: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги, в которую ты вписал» (Исход 32, 32). У Луки: «Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (10, 20). В псалмах (138, 16): «В твоей книге записаны все дни для меня назначенные, когда не было ещё ни одного из них». У Малахии (3, 16): «Пред лицом его пишется памятная книга о боящихся господа».

А в доказательство того, что при нашем раскаянии «грехи не только изглаживаются» (из этих свитков), но притом и вычищаются, чтобы «и знака от чернил не оставалось», приводится цитата от Павла: «Истребил (Иисус) учением своим бывшую против нас рукопись (Колоссаям 2, 14)».

[^^^]

Муравьёв. История первых четырёх веков христианства, стр. 340.

[^^^]

Tertia decima indictione venerunt
Constantinopolim episcopi necessitatum
quarundam gratia (Pallad. Dial., p. 50).

[^^^]

Теперь прохождение Солнца оканчивается лишь около 17 юлианского декабря ввиду несоответствия звёздного года с юлианским.

[^^^]

Pallad. Dial., p. 50.

[^^^]

Жития святых. Ноябрь. Муравьев. История
перв. 4 веков христ., стр. 341. Amedee Thierry.
St Jean Chrysostome et l'imperatrice Eudoxie, и
их первоисточник – Palladius. Dialogus, p. 53.

[^^^]

Una die sexdecim episcopos deposuisse et suos loco illorum ordinasse (Pallad. Dial., p. 49).

[^^^]

Socr. V, 16.

[^^^]

Socr. V, 16.

[^^^]

Обыкновенно же константинопольские епископы рукополагались фракийским епископом (Муравьев, стр. 345).

[^^^]

Quiconque n'admirait pas Origene et ne se declarait point son disciple fut taxe par lui d'anthropomorphisme et d'heresie... tel etait a cette epoque, c'est-a-dire dans les dernieres annees du IV siecle, le zele origeniste de Theophile (A. Thierry. St Jean Chrys., p. 116).

[^^^]

Жития. Ноябрь. Сocr. VI, 7. Sozom. VI, 30.

[^^^]

Читатель видит, что господствовавшая церковь в период паники посвятила силой к себе в епископы не одного Иоанна, но и других оригенистов.

[^^^]

Disciples fideles de l'ecole d'Alexandrie, ils (les Longs-Freres) professaient dans les retraites de Nitric et de Scete un origenisme eclectic" (Thierry, p. 117).

[^^^]

Ammonio viro grandaevo, cum malis ejus plagas inflixisset et pugnis nares ejus cruentasset, inclamans his vocibus: „Haeretice, anathematiza Origenem!" (Pallad. Dial., p. 22). Thierry, p. 121.

[^^^]

Thierry, 125.

[^^^]

Жития. Октябрь. Муравьев, стр. 343. Thierry,
page 124.

[^^^]

„Ut communionem eis restitueret, quippe qui de Deo recte sentirent". Sozom. VIII, 13.

[^^^]

Se cum illo sentire scrpisit, et Origenis libros tanquam hujus-modi dogmatum auctoris calumniari coepit. Sozom. VIII, 13.

[^^^]

Жития. Ноябрь.

[^^^]

Thierry, p. 153.

[^^^]

Thierry, p. 155.

[^^^]

Thierry. St Jean Chrysostome, p. 202.

[^^^]

Многие историки считают всю эту речь, кроме слова *Иезавель*, апокрифической, или относят к более позднему периоду. См. Aime Puech. St Jean Chrys., p. 301.

[^^^]

Жития. Ноябрь. Можно думать, что Иоанн, в свою бытность верховным константинопольским епископом, запрещал церкви оказывать услуги и поддержку императорской власти и принимать от правительства официальную помощь в виде разных доходных статей, который предоставлялись в то время вместо жалования как светским, так и духовным лицам империи. Эта-то причина и должна была вызвать против него всеобщее раздражение духовенства, когда пророчество не сбылось.

[^^^]

Quod adversus ecclesiam loquitur, illius altare furiarum plenum appellans (Act. synodic, ad Quercum apud Phot. 59).

[^^^]

Erat criminem laesae majestatis convictum in Augustam, ut ipsi retulerunt, quod eam vocasset Jezabel (Palladius: Dialog., p. 30, конец гл. VIII).

[^^^]

Quod in ecclesia gloriando dixisset: amo et insano (Act. synod. ad Querc. apud Phot. 59, из обвинений Исаака).

[^^^]

Origenistas suscepit et eos, qui cum ecclesia
communicant in carcerem, detrusos non curavit
(ibid).

[^^^]

Ethnicos qui christianos male tractaverint
suscipit et habet in ecclesia et illes praeest (ibid).

[^^^]

Жития. Ноябрь. Sic ab Ecclesia expulsus est Ioannes misso ad it comite cum militari manu non secus ac ad praelium adversus barbaros. Eiectus venit in praediola ad praenetum Bithyniae (Pall., cap. IX, p. 30).

[^^^]

Его обвинитель на вторичном соборе (см. далее) говорил: Иоанн более ни епископ, ни священник. Он извергнут из лона церкви, и мы не можем ни слушать его защиту, ни сообщаться с ним под страхом анафемы (Thierry, p. 247).

[^^^]

Оно началось в Гебдомонском предместьи
(Thierry. St Jean Chrysostome, 221).

[^^^]

По-гречески полис означает в одно и то же время и город, и государство (для последнего не было другого слова), и согражданство, и крепость, и твердыню.

[^^^]

Thierry. St Jean Chrysostome, 221.

[^^^]

Муравьев, стр. 349.

[^^^]

Муравьев, стр. 349.

[^^^]

Thierry. St. Jean Chrysostome et l'imperatrice
Eudoxie. 1881, p. 226.

[^^^]

Tamen cum genere et opibus, atque cognitione plurimum scientiarum, necnon ingenio liberali, et forma, atque aetatis flore exornata esset (Pallad. Dial., 64).

[^^^]

Он родился в 354 византийском году, что соответствует 354—355 юлианскому, так как византийский год начинался с марта, а привезли Иоанна в Константинополь в конце февраля 398 юлианского года. Thierry считал ему около 50 лет.

[^^^]

«Amore pereo et insanio!» Act. Syn. ad Quereum
apud Phot., 59.

[^^^]

Жития, Июль.

[^^^]

Жития, за июль месяц. Другие, менее наивные биографы говорят, что опека была сложена по поводу её собственной просьбы (Palladius. Dial., 65).

[^^^]

Притом же Нектарий совсем ни о чём не заботился, кроме пиров и попоек. Он был назначен константинопольским епископом прямо из городских префектов, ещё язычником.

[^^^]

Жития. Июль.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Argentea statua Eudoxiae Augustae supra columnam purpuream erecta fuerat. Socr. VI, 18.

[^^^]

Муравьев, стр. 313.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Contra eos qui haec agebant linguam suam
denuo armavit (Socr. VI, 18).

[^^^]

В Житиях (Ноябрь) рассказывается, что это было по поводу отобрания царицей виноградника у «Феогностовой вдовы». Но когда я сравнил этот (беллетристический по самому содержанию) рассказ с библейским сказанием об отобрании Навуфеева виноградника царицей Иезабелью (кн. 3 Царств, гл. 21), то увидел, что всё содержание переписано оттуда, даже с соблюдением в некоторых фразах тех же знаков препинания, только имя одной царицы заменено именем другой и вместо одной вдовы подставлена другая. Почему автор счёл необходимым прибегать к подставному предлогу, об этом легко догадаться. Как сейчас увидим, развязка этой истории произошла в праздник Воздвижения креста, т. е. 14 сентября (юл.) 403 года, как и следует по логическому развитию событий относительно статуи Евдоксии. Автор же перенёс его на весну этого года, когда собирался первый суд над Иоанном, а праздник Воздвижения креста так и не решился переделать в какой-либо из весенних праздников! Ввиду этого вся история

о ссор Иоанна и Евдоксии оказалась без всякого повода, и он был заимствован из библейской легенды об Иезабели.

[^^^]

Жития, Ноябрь.

[^^^]

Неосновательность этой выдумки признаётся уже давно некоторыми историками, см., напр., Aime Puech: *St Jean Chrys.*, 294.

[^^^]

Т. е. через шесть лет после насильственного водворения Иоанна.

[^^^]

См. письма к семи собраниям в «Откровении».

[^^^]

De hoc uno quaestionem habendam esse, quod post depositionem absque synodi auctoritate, suo ipsius arbitrio, in episcopalem sedem invasisset. Socr. VI, 18 (Thierry, 244).

[^^^]

По 4-му канону Антиохийского собора 341: Si quis episcopus aut presbyter jure aut injuria depositus per se redeat ad ecclesiam, absque synodo, talis non habeat locum defensionis, sed absolute e x p e 11 a t u r. Palladius. Dialogus, p. 31 (Thierry, 246 et 283).

[^^^]

Palladius. Dialogus, 32.

[^^^]

Si autem id vis, vi me e)icito, ut deserti ordinis
excusationem habeam tuam auctoritatem. Pallad.
Dial., 33 (Thierry, 263).

[^^^]

Divinae (Arcadius) irae eventum expectans: ut si quid ipsi triste accideret, citius illum ecclesiae redderet et deum placaret. Pallad. Dial., 33 (Thierry, 263).

[^^^]

Le samedi saint en effet, dès le matin l'archevêque, rompant sa captivité, se rendit à la basilique (Thierry, 264).

[^^^]

Nudae mulieres cum viris metu mortis aut turpitudinis, turpi fugae se dabant. Palladius. Dialogus, 33 (Thierry, 271).

[^^^]

Vir quidam daemoniacus aut daemoniacum
simulans depren-ditur, pugionem habens,
tanquam ad loaimem occidendum paratus.
Sozomen, VIII, 21 (Thierry, 290).

[^^^]

Palladius. Dial., 35.

[^^^]

Иоанниты, вероятно, праздновали его, как и Пасху, по правилам древних христиан, как было до Никейского собора.

[^^^]

Pallad. Dial., 36.

[^^^]

Ingressus autem baptisterium. Pallad. dial., 36.

[^^^]

Pallad. Dial., 37.

[^^^]

Aime Puech. St Jean Chrysostome et les moeurs
de son temps, p. 42, Zosim. V. 24.

[^^^]

Жития. Ноябрь.

[^^^]

Thierry, 352, и Aime Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891, page 263. Интересно, что когда он встретил на своём пути монаха-анахорета (Neander, II, p. 185), он прежде всего был поражён бездействием, на которое тот себя осудил, начал убеждать его в том, что активная жизнь была приятна «властелину». В результате отшельник бросил своё анахоретство и ушёл в город. Это новый повод сомневаться в бывшем анахоретстве самого Иоанна во время его молодости (Aime Puech: St. Jean Chrysostome, p. 264).

[^^^]

Муравьев, стр. 335.

[^^^]

Муравьев, стр. 335.

[^^^]

В Константинополе в это время даже не пускали в церкви никого, кто при входе не соглашался анафематизировать лично Иоанна. Thierry. St. Jean Chrys., 362.

[^^^]

Quum urbs tota more recepto ad spectacula in
loco Daphnes effusa esset. Niceph. XIII, 30.
Thierry, 379,

[^^^]

Si quis episcoporum cum Theophilo, Attico, Porphyrio communicare noluerit, extortis ecclesia esto et facultatibus privatum. Niceph. XIII, 30. Thierry, 750.

[^^^]

Si quis episcoporum cum Theophilo, Attico, Porphyrio communicare noluerit, extortis ecclesia esto et facultatibus privatum. Niceph. XIII, 30. Thierry, 750.

[^^^]

315

Quomodo a me petis, ut orare digner... Nil. Epist.
233 ad Arcad.

[^^^]

316

Quomodo a me petis, ut orare digner... Nil. Epist.
233 ad Arcad.

[^^^]

«Il faut noter que jusqu'a Justinien (VI siecle), l'Eglise d'Antioche n'a admis ni la seconde epitre de Pierre ni la deuxieme et la troisieme de Jean, ni l'epitre de Jude, et il est probable qu'elle rejetait aussi l'Apocalypse» (Aime Puech: St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891, page 161).

[^^^]

Некоторые из таких указаний сохранились и до сих пор, и по-прежнему приводятся в подтверждение древности «Откровения». Так, например, говорят, что на принадлежность его «рыбаку Иоанну» есть отдельные указания в некоторых речах или поучениях, приписываемых Папию Иеропольскому, Юстину Философу, Иренею Лионскому и самому Оригену, а отдельные возражения против этого есть в речах, приписываемых Дионисию Александрийскому (III век) и Евсевию Памфику Кессарийскому (IV век). Однако, «*Апокалипсис Иоанна*», как мы доказали астрономическими способами, появился после грозы 30-го сентября 395 юлианского года, Поэтому, конечно, не могло быть и упоминаний о нём ранее указанного времени. Но кроме него могли быть другие, не дошедшие до нас «Откровения» разных астрологов, к которым могут относиться подобные указания.

I. Newtoni Opera. Londini, 1785. T. V, p. 441.

[^^^]

„Imp. Arcad. et Honor. A. A. Aureliano Proc. Africae:

Haereticorum vocabulo continentur, et latis adversus eos sanctionibus debent succumbere, qui vel levi argumento, a iudicio catholicae religionis et tramite detecti fuerint deviare: ideoque experientia tua Euresium haereticum esse cognoscat. Dat iii Non. Sept. Constantinop. Olibrio et Probino Coss. A. C. 395. Однако пометка «395 г. от Р.Х.» указывает на вставку переписчика – так как время рождения Египта-Иисуса ещё не было тогда известно и его вычислили потом, по-видимому, тоже «по звёздам».

На астрономический способ определения многих из христианских праздников указывает то, что рождение богородицы дано в сентябре, когда Солнце находилось в созвездии Девы, рождение Христа в декабре, когда в полночь проходит через меридиан группы звёзд в созвездии Рака, называемая «Ясли», в соответствии с легендой о рождении Иисуса в яслях и т. д.

[^^^]

По недавнему вычислению пулковского астронома М. М. Каменского, я мог бы на аналогичном фундаменте сделать определения времени для 7 962 624 книг (т. е. для большего числа, чем существует оригинальных сочинений на всём земном шаре) и рисковал бы по теории вероятностей получить случайное совпадение только один раз! («Русь», 7 апр. 1907.)

[^^^]

Q. Septimi Florentis Tertuliani Opera. Lutecia
Parisiorum. 1664. Изд. Rigaltius'a.

[^^^]

Adversus Marcionem. Lib. IV. § V. p. 415 (D).

[^^^]

Clementis Alexandrini Opera. Coloniae. 1688 (изд. Daniel'я Gensius'a, а перед ним греческое издание 1592 г. в Heidelberg'e Fredericus'a Sylburgio Veter'a).

[^^^]

Stromatum. Liber. IV p. 529 (C-D).

[^^^]

S. P. Justini Philosophi et Martins Opera. Parisiis,
1742, p. 179 (C).

[^^^]

Sulpici Severi presbyteri Opera omnia.
Lugdunum Batavorum (Лейден). Изд.
Georgius'a Hornius^a 1647 г. Sacra Historia, lib.
II, P. 379.

[^^^]

Sulpici Severi presbyteri Opera omnia.
Lugdunum Batavorum (Лейден). Изд.
Georgius'a Hornius^a 1647 г. Sacra Historia, lib.
II, P. 379.

[^^^]

Migne: Patrologiae Cursus Completus. 1858 r.
Patrologiac Graecae tomus 12: Origenis Opera
Omnia.

[^^^]

Sancti Victorini, episcopi Petavoniensis et
martyris scholia in Apocalipsin beati Ioannis.
Edidit Basilius Mellanius. Bononiae (Болонья)
1558 г. Перепечатано у Migne: Patrologiae
Cursus Comple-tus t. V, p. 317-344.

[^^^]